

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ

N5(143)

МОСКВА 2022

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2022. № 5. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. **В.А. Кутырёв** (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>
сайт: <http://www.phil.ru>
<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>
Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Тираж 1000 экз. Заказ №
Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРЕЛЬ»»
тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2022

Содержание

Разверзие (Главный редактор)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Разверзшаяся реальность и (не)возможность преобразования	11
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Потребности и ресурсы	24
<i>В.Я. Иохин</i>	
Преобразование России в изменяющемся мире	28
<i>И.Р. Бугаян</i>	
«Преждевременный человек» как инноватор, опережающий время. От теории экономики к философии хозяйства.....	47
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.М. Кульков</i>	
Новая реальность России: узлы адаптации	61
<i>В.В. Бирюков</i>	
Парадигмальные особенности альтернативных стратегий конструирования теорий институциональной экономики.....	73
<i>М.Ю. Павлов</i>	
Определение творческой (креативной) деятельности: экономический подход	88
<i>А.В. Орлов</i>	
Социально-экономические проблемы рынка ПЦР-тестов	97
<i>И.В. Манахова, М.Р. Савчук</i>	
Риски киноиндустрии в условиях глобальной дивергенции.....	113
<i>И.М. Теняков, А.В. Заздравных</i>	
Экономический рост в федеральных округах России: факторы входа и выхода компаний	125
Раздел III. Актуальная философия	
<i>В.А. Кутырев</i>	
Философия Чистого Разума Канта как спекулятивная предпосылка космизма, виртуальности и искусственного интеллекта (трансцендентальный дигитализм contra теллурический реализм)	143

<i>А.А. Тарасов</i>	
Метафизический сюзеренитет: шаг вперед, два назад	160
<i>А.Н. Фатенков</i>	
Диалектическая ретроспекция советской реальности	172
<i>А.В. Марков</i>	
В защиту Верреса: Вяч. Иванов как философ римского хозяйства.....	182
<i>Б.С. Соложенкин</i>	
Что такое спекулятивная философия? Интерпретативный анализ концепции Д.Ф. Верена.....	193
 Раздел IV. Актуальная социология	
<i>Т.В. Лебедева</i>	
Современные особенности экспорта российских образовательных услуг	217
<i>Д.Б. Литвинцев</i>	
Общее собрание собственников многоквартирного дома: как повысить институциональное доверие?	241
 Раздел IV. Рецензии и отклики	
<i>В.К. Королев</i>	
Социогуманитарная эссенстика «Юрия Михайлова»: метаморфоз постмодернизма?	257
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Добросердечная реплика	269
<i>В.В. Чекмарев, Вл.В. Чекмарев</i>	
Современный научный экономизм: меж реалий и имитаций	271
 Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
Государство и хозяйство: неразлучность и мера (Орленковские чтения — 2022)	284
Анонсы	294
Наши авторы	295

Contents

Humanitarian Timelessness (Chief Editor)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Unfolded Reality and the Possibility of Transformation	11
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Needs and Resources	24
<i>V.Ya. Iokhin</i>	
The Transformation of Russia in a Changing World	28
<i>I.R. Bugayan</i>	
The «For-Temporal Man» as an Innovator Ahead of Time. From the Theory of Economics to the Philosophy of Economics	47
Part II. Economic Theory	
<i>V.M. Kulkov</i>	
The New Reality of Russia: Nodes of Adaptation	61
<i>V.V. Biryukov</i>	
Paradigmatic Features of Alternative Strategies for Constructing Theories of Institutional Economics	73
<i>M.Yu. Pavlov</i>	
Creative Activity Definition: Economic Approach.....	88
<i>A.V. Orlov</i>	
Socio-Economic Problems of the PCR Test Market	97
<i>I.V. Manakhova, M.R. Savchuk</i>	
Risks of the Film Industry in the Context of Global Divergence.....	113
<i>I.M. Tenyakov, A.V. Zazdravnykh</i>	
Economic Growth in Russia's Federal Districts: Entry and Exit Factors for Companies	125
Part III. Actual Philosophy	
<i>V.A. Kutyrev</i>	
Kant's Philosophy of Pure Reason as a Speculative Foresight of Cosmism, Virtualization and Artificial Intelligence (Transcendental Digitalism Contra Telluric Realism)	143
<i>A.A. Tarasov</i>	
Metaphysical Suzerainty: One Step Forward, Two Steps Back.....	160
<i>A.N. Fatenkov</i>	
Dialectical Retrospection of Soviet Reality	172

<i>A.V. Markov</i>	
In Defence of Verres: Vyaceslav Ivanov as Researcher of the Ancient Roman Economy	182
<i>B.S. Solozhenkin</i>	
What Is Speculative Philosophy? Interpretative Analysis of D.F. Verene's Conception	193
 Part IV. Actual Sociology	
<i>T.V. Lebedeva</i>	
Modern Aspects of Export on Russian Educational Services	217
<i>D.B. Litvintsev</i>	
General Meeting of Apartment Building Owners: How to Increase Institutional Trust?	241
 Part V. Reviews and Responses	
<i>V.K. Korolev</i>	
Sociohumanitarian Essays of «Yuri Mikhailov»: the Metamorphosis of Postmodernism?	257
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Kind-hearted Remark.....	269
<i>V.V. Chekmarev, Vl.V. Chekmarev</i>	
Modern Scientific Economism: between Realities and Imitations.....	271
 Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
A State and an Economy: an Inseparability and a Measure (Orlyonok Readings 2022).....	284
Anounce	294
Our Authors	298

Гуманитарное безвременье?

Все гуманитарное, за исключением политики, пропаганды и рекламы, на паузе, это как минимум, а то и в обрыве — это уже как максимум, остается, правда, еще свалка, но... *безвременье*, ставшее для гуманитарщины не очень-то неожиданной, но, как всегда, внезапной реальностью, само покажет, что к чему и как, хотя ничто не мешает нам — гуманитариям — признать любой из возможно-невозможных вариантов, это уж как кому понравится, не исключая и крайность — свалку!

Два ковидных в виде разминки года, а затем вспыхнувшая вдруг аки пожар на сеновале горячая война на Украине, вполне себе по охвату участников, интересов и целей ото всех противоборствующих сторон... э-э... *мировая*, пусть и особенная, согласно текущему то ли историческому, то ли уже внеисторическому времени, разверзли мир человеческий, да так, что он не просто гуманитарно посыпался, а сам себя взял, да и гуманитарно... отменил, отчего и свалилось на гуманитарщину, это дитя Ренессанса, Просвещения и Революции, не что иное, как... *безвременье*!

Только-только она была, эта самая гуманитарщина, пусть и немало подрастрепанная в течение послевоенного (от 1945 г. и далее) полувека, мало того — как-то жила и даже о себе не слишком, быть может, уверенно, но достаточно зычно заявляла, порождая даже новые науки, концепты и убеждения, как вдруг... бац!.. и сгинула вкупе с прежним, как раз гуманитарно вполне обоснованным, тщательно выверенным и заботливо словесно называемым миром, как тем самым — как бы глобальным, ну и глобально вроде бы гуманитарно евроамериканизированным.

Кто теперь из гуманитариев — людоведов, обществоведов — скажет что-нибудь весомое гуманитарненькое о нынешнем состоянии мира человеческого, о человеке, о социуме, о той же войне, кроме, разумеется, псевдогуманитарных политиков, журналистов и откровенных чего-либо пропагандистов, а-а?

На миру ведь время *отмены*, а лучше сказать — *великой отмены*, над чем и стоило бы подумать уже в общем-то отмененным, но не сдающимся гуманитариям, да ведь где, как и кому скажешь что-нибудь *такое*, да и разве придет в голову это самое *такое* — на

постгуманитарном-то погосте, а хоть и придет, что из того, не услышат ведь, а ежели услышат, то и сочтут за сумасшедшего!

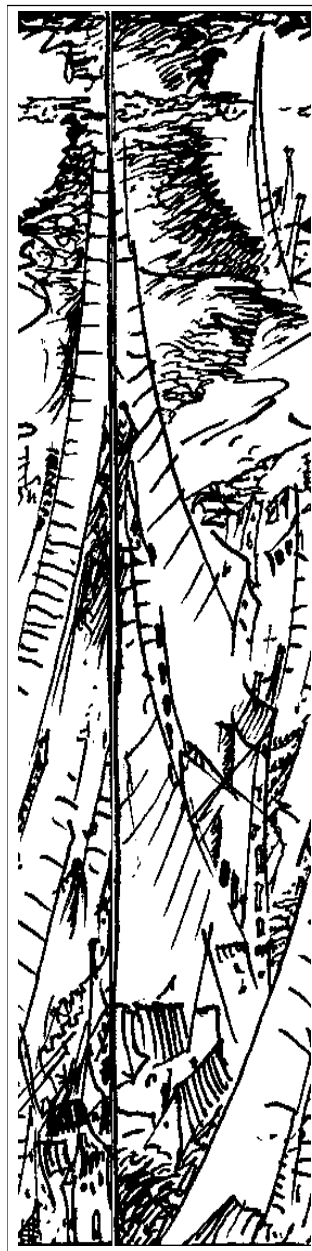
И что же? Нет, конечно, не все для гуманитариев потеряно, остается еще миссия *гражданина*, а уж какого гражданина и какая миссия, каждый из гуманитариев пусть решит для себя сам, хотя вариаций становится в реалиях все меньше!

Так стоило ли ставить знак вопроса в заголовке сего текста?

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Разверзшаяся реальность и (не)возможность преобразования*

Аннотация. Острая бытийно-историческая ситуация в мире, включая и Российскую Федерацию, отмеченная уже и вполне горячей войной, ведущейся не просто с участием России, но и против России, ставит вопрос о радикальных, пусть пока и маловероятных, но все-таки необходимых для России системных переменах, причем не только в сфере международных отношений, но и в самой Российской Федерации — как по линии освобождения страны от неприемлемого для ее суверенного существования так называемого однополярного доминирования Запада, так и по линии преодоления столь же неприемлемого для полноценного жизнеотправления страны обретенного ею с рубежа 1980—1930-х гг. не без влияния и участия Запада негативного, немало и антироссийского, пореформенного наследия, что фактически предполагает невозможно-возможное целостное преобразование России.

Ключевые слова: мировой экзистенциальный кризис, мир-хаос, мир-война, антимир, пореформенная Россия, Россия в войне, потребность в радикальных внутрироссийских системных переменах, российское целостное преобразование как (не)реальная (не)возможность.

Abstract. The acute life-historical situation in the world including the Russian Federation, already marked by a quite hot war conducted not just with the participation of Russia but also against Russia, raises the question of radical, albeit so far unlikely but still necessary for Russia, systemic changes, and not only in the international relations field but also in the Russian Federation itself as through the liberation of the country from the so-called unipolar dominance of the West for its sovereign existence and in the line of overcoming the turn of the 1980-1930s with the

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Разверзшаяся реальность и (не)возможность преобразования // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 11—23.

influence and participation of the West, negative, a lot of antirussian post-reform heritage which, in fact, suggests an impossible and possible integral transformation of Russia.

Keywords: world existential crisis, world-chaos, world-war, anti-world, postreform Russia, Russia in war, need for radical internal Russian systemic changes, Russian integral transformation as an opportunity.

Именно так: разверзшаяся мировая и отечественная реальность, все и вся обнажающая и себя так или иначе по-своему преобразующая, и (не)возможность целеположенного системного преобразования, да не кого-нибудь или чего-нибудь, а для нас прежде всего родной страны — России (Российской Федерации), оказавшейся по воле бытия-истории в эпицентре бытийно-исторического разверзения, испытывая острейшую потребность не в частичных и поверхностных, а в целостных и глубоких *переменах*, воистину *преображенческих*!

Мировая война, которая ныне уже никем не отрицается, хотя фактически никогда и не прекращавшаяся, лишь то затихая, то усиливаясь, делает свое дело, сбрасывая сегодня как ирреальную искажительную пелену с реальности, которая хоть немало и *мир-мир* (мирная реальность), но совсем и немало при этом и *мир-война* (то бишь вовсе и не такая уж мирная реальность), так и сбрасывая иллюзийную пелену с глаз и умов людских, предоставляя им возможность как прозорливо выйти на фактически реализующую реальность, так и убедиться в неистинности, если не прямо во лживости, расхожих о ней представлений, включая политические, идеологические, научные, философические, даже и религиозные, как и попросту обыденные.

Да — *война!*, точнее, ее горячая вспышка, если не фаза, в которую оказалась втянутой РФ, та самая война, которая беспощадно вскрывает реальность и требует разного рода, масштаба и глубины *перемен* — ПЕРЕМЕН!, причем не в одной только России, а и по всему миру, включая и сферу международных отношений.

Ничего не поделать: большие и радикальные перемены приходят в мир обычно с войной и по ее итогам — и не очень-то важно, с какой войной и для кого каким конкретно итогам — победным ли, пораженческим ли или же всего лишь никаким.

Не осознавать актуального всполоха войны посреди погружающегося в хаос мира, как и ее — этой войны — непредсказуемости, что по ее ходу, размаху и мощи, что, в особенности, по ее итогам — никакая не ошибка, а самое настоящее преступление, могущее иметь катастрофические последствия для неосознающего, да и не только для властей предержащих, как бы ведущих войну, но и для стран, народов, наций, для всего планетарного человечества.

Все то же самое можно сказать и по поводу прорывающихся или уже самоидущих в мире, как и в той же России-РФ, перемен, особенно же в России, ибо тут для нас Родина, Отечество, Дом, Свои (что мы сами, что наши предки, что идущие за нами потомки): не осознавать при этом и необходимости вполне себе целеположенных перемен в мире и в России-РФ, как и потребности в преображении России-РФ по вектору *от глобо-вестернизации к национал-россиезации* (движения России к самой себе!) тоже уже никакая не ошибка (война ведь, да еще и война-то не так с РФ, как с именно Россией!), а самое что ни на есть, как это уже было совсем недавно на рубеже 1980—1990-х гг., пусть для кого-то и невольное, преступление (для того и война, как раз война с Россией, война на ее уничтожение, причем не столько как страны с захватом ее ресурсов, сколько — пусть это и для кого-то из соотечественников очень уж странно, а то и невозможно звучит — как... *идеи* — ИДЕИ!, разумеется, через рассеяние, разделение и по частям рабское подчинение, если не геноцидное уничтожение ее — этой сакральной по своей духовной сути идеи — носителей — россос-россиян!).

Священная для Запада (для Англии, для кое-какой Европы, теперь вот отчетливо и для США) война против России, какой бы ни была Россия-РФ по актуальному образу и как бы она ни признавала и даже не любила Запад, война эта, хоть и разная по обличью и дискретная по исполнению, но фактически непрерывная, даже и когда Россия-СССР оказывалась, как это произошло все на том же рубеже 1980—1990-х гг., «сдаденной» Западу, как и когда возрождалась в 2000-е гг. не без согласия и даже поддержки все того же Запада (США как и властителей мира сего — тех же финансовых воротил, а не только политиков и концептуалов), разумеется, не без вестернизации и эксплуатации натужно поднимавшейся России-РФ, однако и с расчетом сделать вассальную РФ тараном против набравшего мощь

Китай, — так вот сия война всегда (слышите, господа, — ВСЕГДА!) имела место, лишь меняя форму, конкретные задачи, текущие задачи, средства, тактику, ну и накал тоже, но никогда не меняя главной стратегической цели — подчинения России, ее и уничтожения.

Важнейшая констатация, позволяющая понять как нынешнюю целевую конфронтацию Запада с Россией, а России-РФ с Западом, пусть со стороны России и вынужденную, так и все последнего времени украинские события, включая и развернувшиеся на территории Украины боевые действия — а вот между Россией и Украиной или все-таки между Россией и Западом, тут уж все одно!

Какими бы ни были текущие поводы к возникновению этих боевых действий, как и ближайшие доводы по объяснению и оправдыванию этих действий с обеих конфликтующих сторон, за нагромождением всех возможных, включая и фальшивые, аргументаций стоит для России-РФ нечто бесспорно реальное и мотивационно утвердительно, хотя и не могущее быть признанным ни Западом с США во главе, ни, конечно же, обандерившейся Украиной, а именно: защита, сохранение и утверждение на будущее *русского (россо-российского) мира*, а тем самым и России, которой не на что более экзистенциально-борчески опереться в мировой не на жизнь, а не смерть геостратегической схватке, кроме как на *русский (россо-российский) мир*, обеспечивая тем самым свою безопасность, свой суверенитет и свое будущее, а в мировом масштабе, возможно, и выживание и существование — уже не под гнетом Запада и его финансовых акул — всего планетарного человечества.

Да, Россия, хотят ли этого в России или нет — быть может, единственный на планете, авангардно-реактивный, вполне и экзистенциальный, еще и концептуально самый опасный противник Запада — и это несмотря на практически тотальную вестернизацию пореформенной РФ и ее включенность в глобальные заокеанского плетения и заброса ментальные, идеологические, культурные, экономические и ново-технотронные сети!

А все почему? Ни Западу от себя не уйти — империяльному, колониалистскому, агрессивному, самоуверенному и наглому, ни России — несмотря ни на что современное все равно своеобразной, имперской, сердобольной, да еще и, опять же несмотря ни на что, Западу альтернативной, причем вовсе не отделенной стеной от Запада,

а с ним пытающейся взаимоприемлемо, даже и охотно, взаимодействовать. Парадоксально, но факт! Однако тут не чьи-то субъектно-субъективные парадоксы, хоть и не без этого, даже и не парадоксы самой объективной реальности, хоть тоже не без этого, а вполне себе *трансцендентные парадоксы*, обязанные своим наличием в реальном бытии-истории чему-то неизвестному, иному, для мира зёмного внешнему, чуть ли не чему-то потустороннему, а может, как раз и Божиему, — кто знает?

Запад нынче в крутой конвульсивной тряске, возникшей прямо на пике его — Запада — имперо-колониального могущества, самодовольного паразитарного процветания и самоуверенного господства над земным миром. Помимо того момента, что ежели уж на пике, то дальше уже только вниз (закон бытия!), так еще вдруг ни с того, ни с сего проснулась в *анти*-западном, точнее, в анти-западо-империальном (доминационном), настроении, переходящем в деятельный раж, вполне вроде бы вестернизированная и чуть ли уже не вассальная относительно Запада, даже вполне себе как будто бы и прозападная, РФ, она же в данном случае и Россия, как раз та самая — глубинная (и в веках неистребимая!).

Анти-Запад от России! Этого еще для передового во всех отношениях Запада не хватало! Чего-чего, но уж *этого* Запад (США прежде всего, Англия) стерпеть никак не мог, да не потому что уязвленным и даже обманутым себя почувствовал, а потому что сразу же ощутил для себя реальную угрозу, причем не так военную, как и не ту же экономическую, как... *экзистенциальную*, то бишь смысловую, концептуальную, целестратегическую, промыслительную, а главное — *эсхато-апокалиптическую*! И пошла в Западе тряска, сначала не очень заметная, а потом все более и более противно выраженная, а вместе с нею (или заодно с нею) разразилась и война Запада с Россией-РФ, сначала гибридная, негромкая, чуть ли не вкрадчивая, а потом и вполне себе войновская, боевитая, то бишь горячая, громкая, раскатистая, аккурат на ловко разыгранной Западом антироссийской Украине — причем война уже напрямую с русским (россо-российским) миром, это с «ихней» стороны, и за этот же мир уже с нашей — пророссийской — стороны, — в общем, пошла война между Западом и Россией, как и между Россией и Западом, не разбиравшая, в отличие от политиков, идеологов и пропагандистов, кто тут прав, а кто

виноват, ибо это была война, повторяем, не какая-нибудь, а *эксистенциальная*, да не так за изменение взаимоположений и структур в планетарном мире, как, опять же повторяем, не на жизнь, а на смерть, да не только, заметим не вскользь, непосредственных участников сей многогранной, немало и потаенной, даже и странной, войны, но и всех-всех на планете Земля, включая и ни в чем таком не виноватых антарктических пингвинов.

Ну, исчезнут с карты мира Россия, Европа, даже и США с Канадой, может, и еще кто, но зато у оставшихся какой вроде бы откроется шанс зажить, если и не привольно, то вполне себе сносно, однако нет, не будет этого шанса, ни у кого не будет без России, ибо мир человеческий, уже в целом достаточно свихнувшийся, вкусив токсичного западнизма, не имеет не то что сил, но даже понимания и желания взяться за прекращение сей эсхатологической войны и за добровольное со стороны всех ответственных субъектов планеты *преображение человеческого (если уже в известной мере не постчеловеческого) мира*.

И все-таки, неужели уже все, неужели лишь агония когда-то очеловеченной, а ныне настойчиво расчеловечиваемой планеты Земля? Зачем Запад самоуверенно и, заметим, вполне себе самоубийственно прет на Россию, зачем те же англосаксы, за исключением желания убить конкурента и поживиться за его счет, душат континентальную Европу, зачем США раздражают тайваньской занозой хитро-неторопливый Китай? Чтобы окончательно всех избранных ими на ликвидацию изничтожить и окончательно утвердить себя полновластными господами зёмного (уже и постзёмного) мира, включая и ближайший космос, не останавливаясь, видно, и перед уничтожением своего собственного, как бы и недочеловеческого, людского материала, наводнившего и поглощающего Запад с его Европой, Англией, США? Что, в Австралию подадутся полноценные-де англосаксы или куда?

Да, *весь* зёмный мир сегодня, пусть и по-разному в разных местах, трясет, где посильнее и полихорадочнее, где послабее и не столь угрозно, однако... *весь*!

Мировое правительство, ведомое посвященными в конспиративное дело сильными мира сего, вообще говоря, либо не знает, что творит (что маловероятно), либо с ума спятило (снесло, так сказать,

с катушек, что более, кстати, вероятно), либо все-таки оно знает, что вершит, но делать по-другому уже не может, ибо преобразить мир как человеческое целое оно не в состоянии, да и не хочет, а на оставление мира без себя на преображение кому-либо другому, включая даже Господа Бога, никогда не пойдёт, отчего и *общемировая тряска*, и мир-хаос, и мир-война, в которых главным субъектным генератором служат США вкупе со своим бывшим, а, может, ещё и нынешним хозяином Англией, как раз та самая тряска-хаос-война, что бывает предтечей полного разноса любого экзистенциального целого и его гибели.

Вообще говоря, когда мир человеческий стал однополярно-глобальным, как бы ведомым общепризнанным господином мира — США, мир стал не только активно и целостно превращаться под натиском новейшего (высокого!) техно-электронно-цифрового «оборудования» в вытекавший из США и растекавшийся по всей планете античеловеческий антимир и этим последним последовательно замещаться, но и, позволим себе так выразиться, переставать быть и собственно миром, становясь всего лишь пространством обитания массы все более уходящих от естественного человеческого образа «обыскуствываемых», пусть по виду ещё и вроде бы человеческих, существ, во всяком случае, сие происходит в передовом, прогрессном, как бы и высшем ареале зёмного мира, не исключая в немалой степени и его российской (по именованию и геопринадлежности) части.

Разумеется, многое из вышесказанного можно легко принять за буйно разыгравшуюся фантазию автора, чему просто так и не возразишь: живем же, хоть и в хаосе, хоть и воюем, хоть и меняемся и мир меняем, хоть и сам мир меняется и нас меняет, даже ежели все это не без нарастающей *новой апокалиптики*, ну и что?!, а ежели теперь все или многое *по-другому*, так это же не впервой, как живали всегда, не минуя и вспышек хаоса, не всегда же и воевали, как и переживали большие перемены, так и сейчас живем, погружаясь в очередной прилив хаоса, воюем, переживаем большие перемены — и ничего!

Верно — и в самом деле *ничего*!

Взять хотя бы ту же войну: что она из себя есть и ради чего итожно, как и истощно, идет? Кто-нибудь на планете *это* знает? Если

и кто-то чего-то знает, то, конечно же, помалкивает, а скорее всего, *никто ничего такого не знает*, ибо все более как-то само идет, хоть и с инициативами, и с планами, и с какими-то для кого-то итоговыми ожиданиями, а вот что же *в действительности* идет и куда идет, как раз то самое, которое куда-как шире, глубже и потаеннее, чем, пусть и разнообразная, и раскидистая, и немало сокрытая война как таковая, ибо это сам человеческий мир судорожно сражается *сам с собой*, переходя в *иной мир* (не в *другой* вовсе, как бывало, а именно в *иной*, отдающий ароматом то ли какого-то *постмира*, ныне антимирово душе благоухающего, то ли, увы, не самого, быть может, обыкновенного, но все-таки, пусть и о-чень своеобразного, суетящегося, даже и бешено мельтешащего *погоста*).

Война на то и война, чтобы иметь самые невероятные не только ходы и конфигурации, русла и потоки, хаос и его сдержки, стужки и дыры, но и увязанные с войной текущие и перспективные следствия, одним из которых может стать не что иное, как *преображение* — ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, однако не самовлюбленных США, склонных ныне более всего к обратному действию — *обезображению* всего и вся в мире, включая и самих себя; не Китая, ждущего лишь своего китайского часа с полной и, быть может, окончательной, реализацией заложенной в нем издревле образоносной программы (зачем ему какое-то там преобразование, коли он более всего склонен не к преобразению, а к *отражению самого себя в себе же самом*); не той же бессрочной Индии, глубоко и надежно сидящей в своем собственном, проверенном тысячелетиями, не увядающем *изображении*, всегда ее выручавшем и, как, по-видимому, надеется Индия, выручит и в очередной раз; не, конечно же, преобразования Европы, уже неспособной выдать на гора ничего, кроме нового издания фашизма, да вот уже не столь энергийного, не настоящего, скорее даже бутафорского, что, может, и вздернет Европу немного вверх, но не более чем на собственную, вполне и унылую, дыбу; разумеется, и никакое не преобразование теряющей какое-либо вообще «*ображение*» Англии, дождавшейся не только развала своей мировой империи, но теперь уже поджидающей развала и самой себя, то бишь ждущей с нетерпением провиденциальной самоликвидации.

Ладно, дело, конечно, не в разных ранее или ныне могучих земно-империальных субъектах, их (не)возможностей к преобразению, хотя в мироздании, в котором вольно разгуливает Иное и всегда таится, ни от кого не прячась, Великая Неизвестность (что ей прятаться, коли она всего лишь... Ничто, да еще и великое!), *всякое* может быть, как и не быть, как раз, не устаем мы повторять от работы к работе, *самое невероятное* и, как правило, быть почему-то *внезапно*, так что и преобразования кое-какие возможны в реалиях при всех их в реалиях же невозможностях.

Мир наш — земный, как и вроде бы не наш — внеземный, но таинственно все-таки тоже наш, как и не менее таинственно в зёмном мире присутствующий, даже и по-своему в нем действующий, вовсе не механический, не логический и даже не вероятностно-диалектический, хотя что-то этакое в нем в меру и есть, а вполне себе как раз в чем-то главном весьма и весьма произвольный, однако не так, как это людям обычно кажется, а как-то иначе, хотя бы аналогично сознанию с его бессознанием, когнитиву с его мыслью, духу с его душою, в общем — наличествующий мир наш, как и не наш — непредсказуемо *иной*: что хочет и может, то и творит, пусть и с трудностями, провалами, откатами, со скрипом и скрежетом, а вот что творит, почему и для чего — вопрос, еще и безответный!

Мы видим сейчас нарастающую тенденцию к *расчеловечиванию человеческого мира*, замечаем, пусть пока и немногие из человек, и «размировывание мира», как не можем не углядеть трансцендентную *неслучайность*, какой бы *случайной* она ни казалась, разгорающейся на планете общемировой со сложным характером войны, касающейся всех на планете — как явных участников войны, так и, хоть и тоже фиксируемых, ее до поры как бы неучастников.

Мир рушится, изменяется, хоть в чем-то и удерживаясь, в этой разгорающейся аки костер войне, как и попросту через посредство этой войны, а точнее бы сказать — не так в войне и через ее посредство, как в ситуации *мира-войны*.

Мир-война, да и только!

Да, сия война, а точнее — сей мир-война (или война-мир, это уж кому как нравится) может иметь разные последствия для ее явных участников и неявных (не)участников, причем самые, знаете ли, неожиданные, ибо каждый из зёмных субъектов (уже во многом и

псевдосубъектов), коли уж ему хочется как-то оставаться на свете и *далее* (может, уже и не субъектом, даже и не псевдосубъектом, а так... облаком), — коли, конечно, сам мир земный *далее* останется, да не как облако пыли, — должен так или иначе отпрянывать от жутко беспощадной дороги антимировского расчеловечивания и размировывания мира и, что самое трудное и почти что невозможное, не просто стать при этом другим, а воистину *преобразиться*, пусть не через мучительное *преображение* — ПРЕОБРАЖЕНИЕ!, предполагающее не что-нибудь, а одержание страдательной *победы над самим собою*, то хотя бы достижение в себе самом знаменательных перемен, причем на контртреке относительно нагрянувшего в человеческий мир не просто антигуманного, а прямо-таки сатанински античеловеческого антимира, включая и его новейшую технологическую составляющую, поглощающую человека и человечество аки ядовитый и удушающий, сводящий с ума «сиреневый туман» (считай, что и бездный).

Да, вроде бы удобен массовый хай-тек, быстр, ловок, даже и непорочен, работает всюду в режиме «реального времени» (как будто мирозданческое время, вселившееся в сознание людей, есть что-то нереальное, а вот..!), но зато работает с каким-то рассыпанием социумов и отчуждением людей друг от друга с какими-то постправдами, постморальями и постсоциальями, ну и, конечно, с поступравлением, правда, уже все более скрытым управлением «постлюдями» в среде постсоциумов, если уже и не в гуще постжизни.

А вот и главный для любого все-еще-российского (не по названию и по геопронадлежности) все-еще-человека вопрос: а удастся ли все-еще-соотечественникам одержать самую крутую из (не)возможных побед, да не так в самой по себе войне, хотя это вроде бы и важно, хоть и немало проблематично, ибо что вообще-то тут считать априорно и посчитать апостериорно за победу?, как одержать победу... *над самими собою*, причем надо всеми сразу, разумеется, через сброс с себя, с социума, с России не только прозападного антимировского ига, включая и финансовое, и капиталовое, и даже лукаво обзываемое рыночным торгово-торгашеское, но и своего собственного, тоже ведь античеловеческого, как раз пореформенного, ига: циничного, коррупционного, лживого, мошеннического, симуляцион-

ного, разгильдяйского, хаотического, антигосударственного, антигражданского, антисоциального, антинационального (хватит, пожалуй!), да и не впасть ненароком в немалой степени уже и домашнего внедрения электронно-цифровое рабство?.

И вот что тут можно сказать, однако не без сначала чего-то не-(или не очень-)утешительного — одного и другого, но так же и... нет, не вполне уже утешительного, конечно, а попросту, как бы возможного, но при этом и весьма невозможного, в общем — *(не)возможного!*

Первое. Позиционирующие действия высшего правления РФ во все более разгорающихся международной и внутривострановой кризисных, включая и военную, и мобилизационную, ситуациях так или иначе показывают, уже и достаточно убедительно, что функционирующее кое-как общегосударственное правление (об истинно эффективном управлении социумом и в нем происходящими и вершающимися процессами, да еще и в интересах самого социума, говорить пока что не приходится), *не собирается ничего в РФ кардинально менять*, в целом (пусть и почти в целом) довольствуясь тем, что *есть*, причем *есть*, то бишь возникло, не без активного на то делового поспособления самого нынешнего правления, а уж ежели что и менять в стране, то либо частично и в рамках в основе устраивающей правление системы, либо попросту имитационно, как раз ради неутешительного утешения тех или иных вопрошателей и протестантов. Таков неутешительный в целом вариант не слишком подвижного по сути движения нынешней РФ-ситуации... эээ... куда?

Второе. Правление сегодня находится не в лучшем для себя и для РФ положении, а главное, в обстановке нарастания существенных (скорее, сущностных) крутых и неотложных, весьма и рискованных, проблем, которые оно не очень-то склонно, да и попросту не очень-то и умеет, приемлемо для страны разрешать. Развивающаяся помимо воли правления не слишком благоприятная для него и РФ ситуация давит и давит, выдавливая из правления решения и действия, которые ему, мягко говоря, не по душе, но которые настойчиво требует объективная реальность, отчего и феноменальная «раскоряка»: делать ничего противосистемного не хочется, а что-то делать все-таки надо, причем не просто принимать какие-то меры вроде, как

оказалось, весьма «дырчатых» СВО и той же частичной мобилизации, а, уж извините, вершить кое-какие жгуче неприятные для правления преобразования, не просто недружелюбно затрагивающие, но и болезненно изменяющие только что выпестованную пореформенную РФ-систему, причем выпестованную не без поддержки и участия еще совсем недавно дружественного-де, а теперь вот и вполне враждебного-де Запада. Тут возникает кое-какая надежда на кое-какие, пусть и не полномасштабные и не слишком радикальные социохозяйственные, включая и управленческие, *перемены*, так сказать, ситуационно вынужденные, если не выдавливаемые самой текущей по своему собственному треку назойливой реальностью. Будут сии перемены или нет, кто знает, однако некий «форточный шанс» для них и в самом деле открывается, порождая некоторую толику выжидательного утешения: а вдруг нынешнее правление и в самом деле займется, самопреобразуясь, навязываемыми разверзшейся реальностью переменами!

Третье. Разверзшаяся реальная реальность, достигнув — возможно, и в совсем недалекий срок — какой-то уже невыносимой для любого социума с его истеблишментом кульминации, буквально заставит, грозя катастрофой, сначала радикально изменить правление, его характер, цели, методы, в сторону, конечно же, *сосредоточенной жесткости* (хотя бы по мотивам и на принципах военного времени), а затем и пойти на уже остро необходимые и неотложные перемены в устройстве и жизнеотправлении социума, после чего — разумеется, не сразу — может возникнуть (всего лишь при этом *может*, то бишь без большой на то сегодня уверенности) тенденция сначала к преобразованию, а затем и *преображению* — ПРЕОБРАЖЕНИЮ! — России-РФ в истинную, а не вестернизированно обряженную, антимировски прихваченную и немало внутренне рассогласованную РФ, *Россию* — РОССИЮ! Верится ли? Больше, конечно, нет, чем да, но поскольку в реальности случается всякое, да еще и самое невероятное, причем случается, как правило, внезапно, то почему же... нет, не верить, конечно, а всего лишь... почему же не надеяться, отчего у нас не возможность преобразования, а опять же лукавая (*не*)**возможность**, то бишь возможность и невозможность в одном, как говорится, флаконе, а уж что на самом деле выйдет, когда и как, это будет

решать сама реальность, причем не без участия каких-то провиденциальных сил — что высших, что низших, это уж как сложится, а может, и разложится — аж до «черной дыры» и «темной материи», — кто знает?

Что же в итоге получается, кроме неопределенности, потаенности, многозначности мировой и отечественной ситуаций, их своевольности и чуть ли не неодолимости человеком, как раз уже человеком-«не», т. е. (не) знающим (вполне или достаточно знающим), (не) действующим (вполне, достаточно и в нужном направлении действующим), (не) управляющим (вполне или достаточно эффективно управляющим)?

Да-а, сейчас именно так: не, не и не, хотя и не нет, нет, нет, как и, заметим особо, не да, да, да! Именно «не», которое заключаем в скобки — (не), (не), (не). Время, понимаешь ли, такое: прервавшееся, провалившееся, испарившееся, то бишь... *время безвременья*, причем вполне себе и величественного *безвременья* — БЕЗВРЕМЕНЬЯ!

И что же? Кто или что нас выручит? Либо сами выручим себя, одерживая победу над собой и преображаясь на пути опять же к самим себе, либо, знаете ли, никто, ибо Господь, на которого можно, конечно, надеяться, самим ничего с собой и перед собой такого не делая, не очень-то бывает на стороне не то что валтасаровцев, но даже обыкновенных ничевошников, не говоря уж о предающих свое сакральное этно-национальное изначалье «гражданах мира».

Время сейчас не зовет вперед, а безвременье вовсю давит — *выстоять бы, преобразуясь, а преобразуясь, выстоять!* Вот такая вышла ныне неразвязываемая просто так бытийно-историческая завязочка, ранее, может, и бывалая, да вот все-таки не такая, как ныне — *крайняя!*

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Потребности и ресурсы*

Аннотация. Основа хозяйственной деятельности человека — взаимосвязь потребностей и ресурсов. Сознание человека провоцирует неограниченный рост потребностей и ресурсный голод, угрожающий дальнейшему существованию цивилизации. Решение проблемы является экзаменом, определяющим возможность существования человека как биологического вида и социального организма. Моральная основа и метафизика являются определяющими факторами преодоления кризиса.

Ключевые слова: потребности, ресурсы, конфликт, метафизика, надбиологическая природа человека, обжигающее обнажение реальности.

Abstract. The basis of human economic activity is the relationship between needs and resources. Human consciousness provokes unlimited growth of needs and resource hunger, threatening the continued existence of civilization. The solution of the problem is an exam for the existence of man as a biological species and a social organism. The moral foundation and metaphysics are the determining factors in overcoming the crisis.

Keywords: needs, resources, conflict, metaphysics, the supra-biological nature of man, the searing exposure of reality.

УДК 11; 12
ББК 65в

Лежащая в основе хозяйственной деятельности человека взаимосвязь потребностей и ресурсов системно искажается и маскируется экономическими отношениями современного общества, неистово стремящегося к расширенному воспроизводству — цифре, гордо названной деньгами. Тем не менее, глубинную основу хозяйствования можно попытаться скрыть, но нельзя отменить! Взаимо-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шевченко И.Г. Потребности и ресурсы // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 24—28.

связь потребностей и ресурсов является основным двигателем грандиозных процессов, разворачивающихся перед лицом изумленного человечества.

Потребности человека давно перестали исчерпываться его биологической основой. По мере развития общества не биология, а сознание человека, его надбиологическая природа, все более и более определяет как то, что человеку нужно, так и то, без чего он может обойтись. И тут изначально существует непримиримый конфликт между сущим и идеальным, ограниченностью и количественной определенностью, материальным началом и бесконечностью духа.

Наша планета имеет вполне определенную массу, относительно стабильный и прогнозируемый приток вещества и энергии извне. Соответственно, имеет и ресурсы, которые находятся на Земле: материальные и энергетические, измеримые и конечные. Но сознание человека не имеет столь строгих ограничителей, оно стремится к бесконечности, впрочем, как и порожденные этим сознанием потребности. Таким образом, противоречие между конечной материей и бесконечным сознанием воспроизводится и конкретизируется как конфликт между потребностями человека и имеющимися ресурсами.

Важную роль в этом конфликте играет общественная природа человека. Библия указывает, что самым важным качеством человека является любовь к ближнему — незримое духовное единство всех людей планеты, объединяющее в единый организм человеческое общество. Каждая отдельная личность не более чем клеточка планетарного человеческого тела, как правило, люди не осознают эту шокирующую реальность, как не осознают своего единства и клетки отдельного человеческого тела: нейроны, эритроциты, лимфоциты, клетки эпителия, иммунной системы и многое другое, чем одарили человека природа и эволюция. По мере развития общества возрастает степень его связанности и единства, появляются новые потребности и растут уже имеющиеся. Ресурсная жажда, ресурсный голод, как снежная лавина, нависают над обществом, накапливая исподволь свою разрушительную массу, чтобы внезапно похоронить самонадеянное человечество.

Как и у любой другой проблемы, существуют ее осознание и ее отрицание. Мальтузианский поход видел решение этой проблемы

в разрушительных тенденциях войн и эпидемий, сокращении рождаемости. Марксистская теория утверждала, что всемогущая наука найдет способ разрешения этого конфликта и потоки материальных благ щедро прольются на массы трудящихся.

Но все оказалось гораздо хуже: ни самые разрушительные в истории человечества войны, ни уносящие миллионы жизней эпидемии, ни жестокие эксперименты марксистов проблему не решили. С каждым годом общество одалживает все больше необходимых ресурсов у будущих поколений, с каждым годом наша планета становится все менее пригодной для жизни, возникают проблемы нехватки еды, воды, кислорода, новые климатические аномалии становятся все более угрожающими.

Рассеялась иллюзия освоения космоса и колонизации других планет. Для освоения других миров от человека требуется ни много ни мало расстаться со своей биологической природой, наши тела приспособлены к жизни на определенной планете, а на любой другой — обречены на разрушение и гибель. Осознание этого простого факта ввергло мировую элиту в панику. Материя следует по пути наименьшего сопротивления: поэтому и решение было выбрано простое — отсечь от потребления максимально возможное количество людей. И пошла «работа»: рукотворная эпидемия вируса, принуждение изо всех сил упирающейся России к локальному конфликту, инфляционное цунами, уверенно превращающее повседневные блага в предметы роскоши, отсечение Европы от российских природных ресурсов, разрушение по всему миру логистических цепочек. Что общего во всей этой безумной вакханалии? Сокращение потребления ресурсов!

Использование для этой цели антигуманных средств и методов свидетельствует об истинном облике хозяев планеты. Информационный вал наших времен притупил значение многих смыслов, так то, что в начале XX в. вызывало ясную и предсказуемую реакцию, в начале XXI-го воспринимается как прием риторики. Такая же метаморфоза произошла и со словом «антигуманность», у современного человека это вызывает чаще ассоциацию с избыточной жесткостью решений, которую можно оправдать чрезвычайными обстоятельствами нашего беспокойного мира.

Между тем, прямой и первичный смысл антигуманности — борьба с человеком, когда речь идет о миллиардах людей — борьба с Человеком общемировым, с созданием Всевышнего. Это борьба мирового Зла с человеком, который создан по образу и подобию Божьему, а значит это борьба Зла против человеческой веры. Совсем недавно метафизика этой борьбы была предметом исследования философов и теологов, общество видело в этом избыточную экзальтацию, старомодность, а порой и маргинальность.

Когда я впервые увидел работу Ю.М. Осипова «Обнажение», это странное название меня как-то покорило, показалось уходом в сторону, в саморефлексию, в отрицание нашего прекрасного и самоуничтожающегося мира. Обнажение и общество, обнажение на людях — это стриптиз, обнажение за деньги. И тут я понял глубинный замысел автора: а ведь это действительно стриптиз, но не в кабаке, а на всей планете, когда за деньги общество бесстыдно демонстрирует свои пороки, гордится ими, навязывает их, откровенно шельмует происходящее и врет, врет до самозабвения.

Где наука, где стремление к истине, где правда? — ничего этого нет и в помине: все, что угодно, но только не это, не правда — вот оно — *обжигающее обнажение!* Фальшь, фикция, фейк, ну и заблуждения тоже — «вот и вся недолга!» [1, 37]. То, что было закамуфлировано культурой, этнографией, средствами массовой информации, фарисейством, сейчас выпукло, явно выступает на поверхность без макияжа и маскировки. Уже не вызывают удивления ознакомительные уроки сатанизма в американских школах, деятельная поддержка неонацистов коллективным Западом, ненависть к России и всему русскому, пропаганда и навязывание разнообразных извращений в так называемых цивилизованных странах. Все это копилось и пряталось до поры, а теперь гнойник прорвался!

Означает ли это, что человечество в очередной раз должно погрузиться во тьму бесконечных и во многом бессмысленных испытаний? Ресурсный кризис может разрешиться по-разному, отсечение от потребления огромного количества людей и принудительное сокращение населения — не единственный путь: развивается замещение материальных потребностей виртуальными, совершенствуются технологии экономии ресурсов, возможны добровольное сокращение потребления и выход народного хозяйства из рыночной парадигмы.

Когда-то давно я увидел книгу Проскурина «Корни обнажаются в бурю». А ведь так и есть. Человечество тысячелетиями копило успехи и ошибки, а теперь наступает пора подведения итогов — что перевесит? Достойны мы называться людьми или эксперимент не удался?

Литература

1. Михайлов Юр. Обнажение (исповедь ученого странника). Сказание вперемешку со сказкой. М.; Тамбов: И.Д. «Державинский», 2022.

References

1. Mihajlov YUr. Obnazhenie (ispoved' uchenogo strannika). Skazanie vperemeshku so skazkoj. M.; Tambov: I.D. «Derzhavinskij», 2022.

В.Я. ИОХИН

Преображение России в изменяющемся мире*

Аннотация. Начало специальной военной операции России на Украине стало точкой отсчета новой эпохи активного переустройства сложившегося мирового порядка. Бросив вызов НАТО, она стала как перед необходимостью кардинального изменения собственной общественной системы, так и главным центром притяжения и консолидации развивающегося мира, выступающего за упразднение установленной Западом неокOLONиальной системы отношений и защиту традиционных ценностей.

Ключевые слова: мировой порядок, геополитика, цивилизация, политика, идеология, экономика, хозяйство, предпринимательство, капитал, труд.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иохин В.Я. Преображение России в изменяющемся мире // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 28—47.

Abstract. The beginning of Russia's special military operation in Ukraine has become the starting point of a new era of active restructuring of the existing world order. Having challenged NATO, it has become both faced with the need to radically change its own social system, and the main center of attraction and consolidation of the developing world, advocating the abolition of the neocolonial world order established by the West and the protection of traditional values.

Keywords: world order, geopolitics, civilization, politics, ideology, economy, entrepreneurship, capital, labor.

УДК 33
ББК 65в

Вокруг специальной военной операции

Отказ США и их союзников по североатлантическому альянсу от конструктивного политико-дипломатического диалога по обеспечению национальной безопасности России в условиях расширения НАТО, маниакальная устремленность Киева вступить в него и демонстративное невыполнение им Минских соглашений стали основанием для принятия Президентом РФ решения о проведении специальной военной операции (СВО) на Украине. В ней нашли свое преломление различные аспекты начавшегося процесса реформирования как сложившегося миропорядка, так и нашей социально-экономической системы, которая требует кардинального своего переустройства в силу изменившихся внешних обстоятельств.

В данном контексте СВО следует рассматривать как результат, с одной стороны, преднамеренных провокационных действий со стороны США, а с другой, неизбежной и, слава Богу, своевременной реакции на предотвращение готовившейся военной авантюры против Донбасса и России. Она продемонстрировала и самодостаточность России в обеспечении своей безопасности, и решительность действий при угрозах, проистекающих из враждебной политики стран приграничных зон, и крах надежд США на гегемонию в мире, и начало реального переустройства сложившегося мирового порядка.

При этом Малая Европа, следуя в фарватере американской политики, не только наносит колоссальный экономический ущерб себе

и своей конкурентоспособности, но и способствует втягиванию отдельных ее стран в военный конфликт, становясь полем боя, но без непосредственного участия заокеанского куратора. К тому же она утратила возможность стать самостоятельным геополитическим центром силы и перспективу Большой Европы, превращаясь в новые американские колониальные задворки.

По утверждению госсекретаря США Э. Блинкена, политика России и Китая бросает вызов сложившемуся мировому порядку, а действия России возвращают нас «в мир, в котором сила имеет право, в котором большие нации могут запугивать малые нации. Это противоположно порядку, основанному на правилах» [1]. В этом заявлении, во-первых, нашло проявление все лицемерие и лживость американской внешней политики, так как именно США перманентно демонстрировали «право силы» в отношении множества стран на всех континентах, начиная с Кореи и кончая Афганистаном.

Во-вторых, США, находясь под воздействием эйфории от «победы» над СССР в «холодной войне», предприняли попытку установить однополярный неоколониальный миропорядок. И то, что Россия и Китай стремятся изменить существующий мировой порядок с его международными институтами, в которых доминируют США, полностью отвечает интересам стран развивающегося мира.

В-третьих, применение Россией военной силы на Украине стало актом принуждения стран НАТО к выполнению положения ОБСЕ о том, что безопасность одного (их) государства не может быть обеспечена за счет безопасности другого (их), и к соблюдению международных договоренностей и права.

В-четвертых, совершенно абсурдно звучит утверждение госсекретаря США о каких-то правилах, неизвестно кем и когда установленных. В международных отношениях известно действие нормативных и правовых актов, договоренностей и Устава ООН, но именно США постоянно попирают их, придерживаясь, очевидно, каких-то установленными ими же правил, соответствующих задаче реализации своей неоколониальной политики по отношению к остальному миру.

Россия не без давления Запада, разворачиваясь на Восток, тем самым обеспечила безопасность своих восточных границ, так как

именно всестороннее сотрудничество с Китаем позволяет объединить как наш природно-ресурсный и духовно-интеллектуальный потенциал с китайскими инженерно-технологическими достижениями, так и военный потенциал РФ с экономической мощью КНР. При этом руководство Китая не может не осознавать, что всеохватывающая система мер по изоляции и удушению России является своего рода репетицией перед неизбежной схваткой с ним. Учитывая высокую степень его втянутости в систему отношений с США и ЕС, несомненно, он столкнется и с на порядок большими проблемами в противоборстве с ними, в котором он не должен сомневаться в полной поддержке со стороны России. Поэтому заключение военно-политического союза между нашими странами стало бы непреодолимым препятствием на пути к установлению не то что гегемонии, а даже доминирования, от которого в настоящее время страдает весь мир. Сотрудничество с Китаем позволяет России не только с меньшими трудностями преодолевать возникающие проблемы, но и, главное, избежать участи той ее роли в противоборстве Запада с Китаем, которую сейчас выполняет Украина в их отношениях с нашей страной.

Из такого течения международной жизни в геополитическом пространстве вытекает неизбежность поляризации сил Востока и Запада, которая усиливается давлением со стороны цивилизационной составляющей с ее системой ценностей. Дело в том, что и древняя в большей степени материалистическая и прагматическая китайская цивилизация, и молодая православная русская цивилизация, несмотря на, казалось, их несовместимость, едины в том, что и там, и там в центре общественных систем остается человек, его совершенствование, его преображение, тогда как Запад со своей идеологией трансгуманизма в единстве с техническим либертарианством, отбросившим христианскую антропологию и не признающим никаких природных барьеров для «эволюции» человека, открыто реализует богоборческую доктрину, превозносящую эгоиндивидуализм (каждый для себя бог) и исключаящую любые формы проявления альтруизма.

В новых условиях усилиями Президента РФ В.В. Путина Россия вернула себе статус мировой военно-политической державы и стала геополитическим центром притяжения многообразных интересов развивающихся стран, которому явно не достает экономической

мощи, столь необходимой не только в противоборстве с Западом, но и для упрочения сотрудничества в рамках развивающегося мира. При этом надо осознать, что возврата к прошлому состоянию ни бытия человечества, ни отношений России с Западом не будет, ибо человечество вступило в перманентное противоборство божественных и дьявольских сил за сохранение мира, против его превращения в антимир, иначе говоря, за бытие или небытие мира. По точному определению Ю.М. Осипова, человечество вступило в эпоху «мировой войны» с ее глобальной «войной между мирами» в различных их проявлениях, агломерация которых происходит в двух центрах: «мира» и «антимира», первый из которых олицетворяется Россией, а второй коллективным Западом [6].

О системном кризисе

Это противоборство усиливается и тем обстоятельством, что капитализм переживает системный кризис, требующий его «демонтажа» [13] и перехода к «посткапитализму» [11], под которым понимается модель так называемого стейкхолдерского (не акционерного), инклюзивного (включающего) капитализма [12], основой которого опять-таки является капитал в его финансово-информационной корпоративной форме. Но он не удовлетворяется обладанием вещественными факторами производства (собственность), а стремится управлять невещественными социально-духовными факторами (власть), используя которые, он надеется навязать развивающимся странам необходимые для него направления их развития путем прежде всего упразднения их государственного суверенитета. При этом они сохраняют государство в странах своего происхождения и максимально используют его для оказания давления на развивающиеся страны, очевидно, откладывая «разборку» с ним.

Однако в цитадели западного мира не все так однозначно как представляется. Не исключено, что до наступления этого момента государство может «разобраться» с ними, не без помощи промышленного капитала, которому претят виртуально-спекулятивные формы его функционирования. Такая попытка, в частности, была предпринята во время президентства Д. Трампа, когда национальный промышленный капитал («индустрия») выступил против господства американского финансово-цифрового капитала («бизнеса»). Приход

к власти демократов несколько приглушил это противостояние, но уже сейчас можно наблюдать нарастающее обострение противоборства между ними, развязка которого может обернуться и для США, и для мира непредсказуемыми последствиями.

Если же в США консервативные силы потерпят поражение, то человечество столкнется с новыми попытками его трансформации по западным лекалам и установления системы глобальной несправедливой власти «последних времен», как о том свидетельствуют сакральные источники. Причем особое место в этом процессе отводится искусственному интеллекту, который, беря на себя все новые и новые функции человека и вытесняя живой труд техникой, превращает миллионы и миллиарды людей в «лишних». В соответствии с идеологией трансгуманизма их ждет либо антропологический геноцид, либо концлагерь, тогда как других (избранных) — усовершенствование (генное, техническое и т.д.). Идет подготовка процесса дифференциации «человечества» на разные виды и подвиды, что станет основой для установления иерархии и власти и осуществления антропологического репрессинга. Это становится реальной угрозой для бытия человечества как такового и требует от последнего консолидации в противостоянии западной модели либерально-фашистского типа «посткапитализма».

Постмодерн, отторгая религиозные традиции и идеологию, тем самым выхолащивает объединяющие общество смыслы и выстраивает матрицу так называемой «постидеологии», фрагментирующей его и низводящей их до состояния, при котором все выстраивается как нечто само собой разумеющееся. Речь идет уже не росто о придании релятивистского характера абсолютным значениям добра и зла, а о такой их нивелировке, при которой место добра заступает зло, но уже не осмысляемое и не осознаваемое как зло. При этом индивид, оторванный от мировоззренческой составляющей, утрачивая связь с обществом, оказывается отрешенной частицей, оставленной один на один с обрушивающейся на него информацией, чем пользуется правящая элита и глобальные корпорации для манипулирования массовым сознанием с целью отработки механизмов латентного мирового управления.

В таких условиях страны развивающегося мира, видя угрозу для своего национального суверенитета, все больше обращают внимание на укрепление института государственности во всех его функциях. Пока же глобальные корпорации делают акцент на политическом давлении и финансово-экономических санкциях, что опять-таки еще больше подрывает доверие к международной валютно-финансовой системе, базирующейся на долларе и поддерживаемой МВФ и ВБ, которые являются «прислужниками Министерства финансов США» [9, 238]. Переход в межгосударственных расчетах на национальные валюты ведет к созданию параллельной международной валютно-финансовой системы в рамках БРИКС, пополнение которой новыми членами-партнерами существенно усиливает позиции этой организации в установлении мира не противоборства, а глобального сотрудничества.

О нашем «посткапитализме»

Тотальная блокада России со стороны Запада стала своего рода предупреждением опасности сохранения модели «открытой экономики» и необходимости перехода к модели «самодостаточной экономики», обеспечивающей научно-технический и финансово-экономический суверенитет страны. СВО прервала «бег» России в чужом цифровом пространстве, который в худших обстоятельствах мог бы завершиться парализацией многих ее сфер хозяйственной и общественной жизни. Теперь во весь рост видны и масштабы угроз, истекающих из технико-технологической зависимости от Запада, и цели, и задачи в области развития фундаментальных исследований и инженерно-конструкторской мысли. Среди них следует выделить проекты создания искусственного интеллекта (ИИ), суверенного космического или стратосферного интернета, развитие высокотехнологических отраслей обрабатывающей промышленности, а также решение инженерных задач по выводу нашей экономики на новый технологический уровень. Причем реализация проекта «ИИ» должна осуществляться непременно с участием человека в цепочке принятия решений, так как его изъятие из этой цепи может быть чревато не только десуверенизацией процесса, но и снижением уровня духовно-интеллектуального развития самих людей, что может вызвать непредвиденные и далеко идущие негативные последствия.

Надо понимать, что мы переживаем не досадный эпизод, который пройдет и забудется, а вступили изнурительную разнообразную по своим формам и средствам войну, в которой решается и судьба России, и будущее устройство мира. Поэтому требуется консолидация всех политических сил в организации мобилизационного процесса во всех его разнообразных формах проявления в социальной и хозяйственной жизни, и освобождения общества от навязанных ему чуждых форм жизнеустройства и возвращения к национальному образу жизни. При этом для нас «посткапитализм» — это то, что следует за тем, чего мы в полной мере не пережили (капитализм), но зато он запечатлелся в нашем сознании в компрадорских и олигополистических формах торгашества и потребительства, что оказалось несовместимым с нашим цивилизационным кодом. Но в связи с тем, что капиталистическое предпринимательство необходимо воспринимать как неотъемлемую составляющую хозяйственной жизни, его деятельность должна быть направлена в русло нравственного порядка посредством его очищения от спекулятивно-финансовых форм обогащения («хрематистика»), ведущих, согласно Аристотелю, к «неправедному богатству», чтобы экономика служила человеку, а не человек ей.

В то же время в нашем общественном сознании «посткапитализм» ассоциируется в определенной степени с тем, от чего мы отошли в результате либерально-буржуазной революции — социализмом, в соответствии с принципами которого необходимы достижение социального равенства и справедливости прежде всего в отношении общедоступности объектов просвещения и воспитания, образования и науки, здравоохранения и культуры и обеспечение повышенной ответственности, соотносенной с положением человека в обществе и государстве (чем выше положение, тем большая ответственность) в служении «общему делу».

Исходя из опыта и капиталистического предпринимательства, и социалистического хозяйствования, нам необходимо выстраивать модель социально-экономического развития, используя триалектику Гегеля: «тезис — антитезис — синтез», в виде формулы: «капитализм — социализм — новое общество». И тот, и другой нам известны по жизни, поэтому на первоначальном этапе нового курса их сочета-

ние представляет собой скорее симбиоз, который в процессе дальнейшей конвергенции переходит в их синтез, новое общество. Придерживаясь идеи русского консерватизма с его устремленностью в будущее и опорой на удержание положительного опыта с последующей его адаптацией к новым формам организационно-технических, организационно-экономических и организационно-управленческих отношений, требуются поиски таких комбинаций капиталистических элементов экономики и социалистических элементов хозяйствования, которые ведут к синтезу труда и капитала. Нам необходима система, сочетающая в себе элементы государственного и частного предпринимательства, централизованного управления и частной инициативы, плана и рынка, беспроцентной экономики и прозрачных кредитно-финансовых отношений на макро- и микроуровнях.

О политике и идеологии

В соответствии с данной парадигмой следует выстраивать и систему политических, идеологических и экономических отношений. С уходом с мировой арены капитализма, очевидно, должна быть и упразднена порожденная им партийно-классовая система политической жизни, тем более что авторитет партий катастрофически падает, партийное строительство девальвировано его бюрократизацией, а партийно-идеологические ориентиры развития общества стали размытыми. Одновременно существующий относительно высокий культурно-образовательный уровень населения и сложившаяся социально-профессиональная структура общества, как нам представляется, являются хорошей основой для перехода от партийной — формальной — демократии непосредственно к народовластию путем выборов представителей социально-профессиональных групп и сообществ в соответствующие структуры государственной власти.

При этом непосредственное представительство социально-профессиональных групп и сообществ в этих органах власти, находящееся в соответствии с их долей в общей структуре общества, позволяет с ее изменением в автоматическом режиме формировать в соответствии с ней и состав представительных органов власти, тем самым выражая интересы динамично изменяющегося общества. Такой принцип формирования политической системы власти позволяет из-

бавиться от партийно-идеологических противоречий и перейти к общей государственной идеологии, консолидирующей различные слои общества в деле обустройства будущего бытия российского народа, вне которого теряют смысл и государственность, и власть, и формы социально-экономических и духовно-культурных отношений.

Эту идеологию, очевидно, правильно было бы назвать «социальным витализмом» с его целевой установкой: быть российскому народу, быть России. А это требует от государственной власти постоянной и неустанной заботы об обеспечении расширенного воспроизводства населения и его качественного совершенствования как структурно, так и в целом, что непосредственно отразится на перманентном росте человеческого потенциала страны. Основные ее положения, по нашему мнению, уже сформулированы президентом В.В. Путиным в его высказываниях: «мир без России нам не интересен», что значит «России быть»; «любить свою Родину», быть патриотом — означает постоянно и неустанно укреплять государство, защищающее наше Отечество, его народ; «опора на наши традиционные ценности», означает руководствоваться в жизни принципами, вытекающими из догматов прежде всего православия. В совокупности они возвращают нас к российской триаде: «народ — великодержавие — православие».

Поэтому главной стратегической задачей является обеспечение роста народонаселения во взаимосвязи с процессом воспроизводства рабочей силы, в котором неразрывно переплетаются и демографические, и экономические, и социальные аспекты бытия человека и общества. Именно российский народ как межнациональная общность является тем субъектом, который только и может воплощать в жизнь национальные проекты и планы, как бы грандиозны они ни были. При этом решение демографической проблемы должно быть тесно увязано с процессом социально-экономических преобразований, направленных на совершенствование его жизнеустройства, открывающего всем и каждому перспективы наращивания творческих и созидательных сил и новые горизонты преображения самого человека с целью достижения максимальной величины человеческого потенциала страны. А это требует и трансформации услуг просвещения, образования, науки, медицины, культуры в соответствующие системы, работающие на принципах бесплатности и общедоступности, и их «заточенности» на развитие отечественной науки, техники

и высокотехнологических производств, на первостепенное обеспечение новейшей научно-технической информации нашего, а не зарубежного научного сообщества, как это имело место до СВО.

В центре предлагаемой общественной системы должен находиться человек, развитие и совершенствование которого сопряжено с духовным и интеллектуальным его преображением, или «обожением» на пути его приближения к образу своего Творца в созидательной и творческой его ипостаси. Творческий процесс предполагает, что новое, которое укоренено в глубинах знаний и памяти пережитого бытия, преодолевается под воздействием новых идей, несущих в себе целевые причины нового бытия. Истинное творчество ведет к преображению мира и человека «через изменение доминирующих, властных начал, частей, элементов их структур» [10, 37], к которым следует отнести прежде всего просвещение и образование, обеспечивающие формирование и развитие духовно-интеллектуальных сил общества. Следовательно, системы просвещения и образования, науки и религии должны стать доминирующими в структуре властных начал государства, направленных на сохранение и развитие культуры наших народов, среди которых культура русского народа выступает в роли центра притяжения и интегрирования всего культурного пространства многонационального российского народа.

Экономический аспект народонаселения сопряжен с обеспечением финансовой сопричастности всего взрослого населения к увеличению рождаемости в стране то ли в прямой, то ли в опосредованной форме. Это относится к взрослому населению, достигшему установленного законом возраста, на котором лежит ответственность за воспроизводство народа, более важного общественного блага, чем оборона и безопасность страны, в обеспечении которых мы все участвуем через систему финансов, ибо без народа они теряют смысл. Речь идет не о введении налога на бездетность, а о внесении определенной доли от получаемого дохода в федеральный специальный фонд народонаселения, предназначенный исключительно для поддержки многодетных семей и решения иных демографических проблем. Это позволит каждому гражданину не только сознавать свою причастность в разрешении самой главной социально-экономической проблемы своего Отечества, но и чувствовать исполнение морально-нравственного долга перед своим народом, неотъемлемой частью которого он является.

Одновременно необходимо в законодательном порядке признать труд родителей (матери) по воспитанию детей самым востребованным и производительным трудом, так как он связан с воспроизводством главной производительной силы общества, что требует разработки принципов его оплаты. Не может занятость по формированию главной производительной силы будущего общества осуществляться на основе социального вспомоществования, она нуждается в ее оценке как труда с адекватной его оплатой. Таким образом, причастность всего населения к его расширенному воспроизводству через фонд народонаселения и оплату труда по воспитанию детей позволит высвободившиеся финансовые ресурсы направить на решение других социальных проблем.

За ценностью народа следует ценность государства как единственного института, способного сохранить и защитить его от всякого рода посягательств и обеспечить его бытие в будущей системе устройства мира, равно как реализовать его властные полномочия внутри страны. При этом Россия со своей православной цивилизованностью и специфическим имперским духом не вписывается в дискурс господства, подчинения и доминирования Запада, так как устремлена не к колонизации огромных полиэтнических пространств, а к их «метрополизации» путем интегрирования и органического включения в единую неразрывную великодержавную целостность многонационального российского государства.

К тому же с позиций наших национальных традиций оно рассматривается не только как носитель политической воли, но и как сосредоточение морали и нравственности, ибо безнравственное государство — залог растления, развращения и угасания того общества, которое оно олицетворяет. Как отмечает И.А. Ильин, оно не должно допускать «гонение на любовь — поход на семью, отрицание Родины, подавление веры и религии» [4, 167], но должно быть гарантом и права, и исполнения долга, и ответственности за обеспечение нравственного порядка в обществе. В новых условиях Россия, благодаря усилиям Президента РФ В.В. Путина, вернув статус мировой военно-политической державы, стала геополитическим центром притяжения разнообразных интересов многих стран, что требует превращения ее в мощное в экономическом отношении государство.

Что касается российского общества, то оно не может быть не устремлено к воплощению русской мечты о всеобщей любви и справедливости. Любовь как одна из ипостасей человека пробуждает в нем не только глубокое чувственное восприятие близких и окружающего его мира, но и творческую силу служения народу и государству. Именно служение одновременно жертвенное и героическое, высокое и скорбное, общечеловеческое и вселенское может до конца времён стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти.

Из любви проистекает и справедливость, которая никак не может сводиться к уравнительности, количественному или механическому усреднению чего бы то ни было и в отношении кого бы то ни было, ибо люди от природы индивидуально уникальные. В них находят свое проявление различные состояния обособленности и коллективизма, эгоизма и альтруизма, которые всего лишь одни из множества их ипостасей. Общество справедливости не может допускать уравнивания неравных, в каких бы формах общественного бытия мы их не рассматривали. Прав И.А. Ильин в своем утверждении, что «справедливость есть искусство неравенства» [4, 168], которое требует от тех, кто пытается им овладеть, чтобы они обладали чувством и меры, и ответственности, и воздаяния, и снисхождения, и сострадания. При этом систему отношений справедливости можно выстроить, только исходя из учета конкретной политико-исторической действительности, которая в настоящее время требует духовно-нравственного оздоровления общества, в котором царит дух не просто антикультуры, а имеет еще и явно выраженный антинациональный характер. К культуре может относиться лишь то, что способствует интеллектуально-нравственному развитию человека, главную роль в котором играет система образования и воспитания с ее «человекостроительством», а не с освоением компетенций и способностей по предоставлению услуг, тем более что мы располагаем лучшими в мире традициями отечественной педагогики.

О новой модели общественного воспроизводства

Что касается производственных отношений, то они должны выстраиваться с ориентацией не на «экономического человека», склонного к стяжательству и наживе, консюмеризму и гедонизму, а на «естественного человека», придерживающегося в своей жизнеде-

тельности принципа воспроизводства жизни и жизненного пространства в их совершенствовании. А это требует адаптации предпринимательской и трудовой деятельности к хозяйственному укладу жизни, в котором производство «обволакивается» социальными, культурными, нравственными отношениями, или, как говорит Ю.М. Осипов, жизнеотправлением его участников [7, 161—218], представляющем собой не что иное, как все то, от чего отталкивается человек в своей жизни и что обеспечивает ее. Именно этико-экономические принципы хозяйствования позволяют регулировать процесс общественного воспроизводства с учетом новых вызовов [5].

И в экономике, и в хозяйстве имеет место соизмерение затрат и полученных результатов, но если экономика останавливается на этом, то хозяйство рассматривает деятельность с позиций не только онтологии, но и аксиологии в ее культурно-историческом контексте. Это обуславливает переход от традиционного бизнес-рынка к совершенному регулируемому рынку, на котором стихия рыночных сил «усмиряется» и направляется в русло не экономической, а социально-экономической эффективности и целесообразности. При этом экономика как всеобщая технико-экономическая составляющая хозяйства призвана адаптироваться к специфической духовно-культурной среде конкретного народа, нации, а в ее динамике находили бы проявление и увеличение продукта, и создание новых реалий, и акт творчества, реализующий как потенциально наличные качества, так и принципиально новые [10].

В новой модели процесса общественного воспроизводства необходимо исходить из того, что в хозяйственных отношениях проявляются прежде всего государственные и общественные интересы, сопряженные с производством общественных благ, тогда как экономические отношения, связанные с частным предпринимательством, направлены на обеспечение производства частных благ, выпуск которых требует высокой степени гибкости и адаптивности к быстро изменяющейся конъюнктуре спроса. Такое разграничение указывает на целесообразность использования двухсекторной модели процесса общественного воспроизводства, один из секторов которой был бы сосредоточен на производстве общественных благ, другой — на производстве и удовлетворении потребностей в частных благах [3, 162].

К первому сектору следует отнести базовые и отрасли высоких технологий, обеспечивающие оборону, национальную безопасность,

а также развитие социальной сферы с ее просвещением, образованием, наукой, здравоохранением и культурой, отвечающей за развитие национального человеческого потенциала. В связи с тем, что здесь и ресурсы, и распределение произведенных благ сосредоточены в руках государства, то в данной сфере становится предпочтительным использование директивного планирования и государственного регулирования в случае привлечения частных инвестиций.

Развитие второго сектора, ориентированного на реализацию интересов частного предпринимательства, должно осуществляться с помощью инструментария индикативного планирования и регламентирования деятельности капитала с целью облагораживания его делового поведения и соблюдения справедливости в распределении произведенного продукта. Поэтому в случае получения предприятиями сверхприбыли в результате благоприятной рыночной конъюнктуры или других внешних эффектов, а не усилий предпринимателей, она должна изыматься в специальный государственный фонд. А в случае неблагоприятной конъюнктуры и возникновения негативных обстоятельств они должны получать «нормальную прибыль» за их предпринимательские усилия (талант) за счет этого фонда, который становится своего рода инструментом регулирования и активизации предпринимательской и трудовой деятельности в процессе формирования так называемого «нравственного капитализма». Одновременно следует освободить от налогообложения ту часть прибыли предприятий, которая превращается в капиталовложения, так как это положительно отразится не только на самовозрастании капитала, но и на росте занятости и доходов, на увеличении поступлений в государственный бюджет и предложение товаров и услуг при одновременном росте спроса, из чего, собственно, и складывается социально-экономическое развитие.

В целом нам необходимо переосмыслить опыт нашего и далекого, и не столь далекого прошлого и адаптировать его к современным хозяйственным формам организации, управления и регулирования процесса общественного воспроизводства в соответствии со стратегическим планом, разработка и реализация которого может иметь успех лишь в сочетании со среднесрочными и текущими планами развития страны и регионов в отраслевом и территориальном разрезах. Только постоянный анализ результатов тактических шагов

и мероприятий и их корректировки в соответствии со стратегией развития народнохозяйственного комплекса в состоянии обеспечить успешную ее реализацию. Причиной всех стратегических провалов в любых делах, как правило, являются тактические просчеты и промахи без их своевременного устранения и корректировки.

С организационно-управленческой точки зрения представляется целесообразным создать при Президенте РФ орган, ответственный за разработку целевого стратегического развития страны, адаптивность национальных проектов и планов к реальным условиям их реализации, организацию и контроль их выполнения. При этом мобилизационная индустриализация требует не просто государственного планирования, а планирования опережающего роста капиталовложений в экономику (не менее 25% ВВП) в соответствии с национальным инвестиционным планом привлечения капиталовложений и портфелем конкретных инвестиционных проектов, взаимоувязанных между собой, сбалансированных по ресурсам и соотнесенных с рынками сбыта производимой продукции. Успех реализации народнохозяйственных планов и национальных проектов при их разработке во многом зависит от степени достоверности статистической информации о макроэкономических показателях и положении дел в стране, которую может обеспечить лишь независимая от правительства служба статистики (Росстат), что требует ее переподчинения либо непосредственно Президенту, либо Совету Федерации РФ.

Что же касается современной методики расчета ВВП, то она учитывает 90% наших достижений, тогда как на Западе ВВП на 90% состоит из меркантильных выгод (у нас они составляют 10%). В этой связи требуется разработка методики измерения духовных эффектов от материального производства и материальных эффектов от духовного производства [2]. Обращают на себя внимание и изъяны в использовании добавленной стоимости, лежащей в основе расчета ВВП, величина которого зависит от объема транзакций: чем больше в стране посредников между производителями продуктов и конечными их потребителями, тем больше получится ВВП, хотя в натурально-вещественной форме он остается неизменным. Одновременно требуются и совершенствование, и разработка методик статистических расчетов новых показателей. Примером может служить индекс человеческого развития, величина которого определяется на

основе ВВП, скорректированная с помощью поправочных коэффициентов состояния образования и здравоохранения в стране. С нашей точки зрения, эти коэффициенты можно было бы дополнить оценкой морально-нравственного состояния общества (преступность) и среды его обитания (экология).

Переход к «посткапиталистической» экономике предполагает возможность упразднения банковского процента, так как последний не только пронизывает собой всю систему капиталистических отношений, но и выступает в качестве критерия оценки эффективности любых экономических деяний. Отказ от банковского процента существенно расширит возможности предпринимательской и трудовой деятельности, что, непременно, благоприятно скажется и на занятости населения, и на его благосостоянии. Именно с процентом в решающей степени связаны «хрематистика» у Аристотеля и «бизнес» у Т. Веблена, избавившись от которых хозяйство, опирающееся исключительно на труд, включая и труд предпринимателей, имеющий творчески-созидательный характер, открывает дорогу к обществу праведного богатства, соответствующему догматам и православия, и ислама, которые столь же единодушны в своем осуждении процента.

Только в труде, в его сакральной содержательности и всеобщей ипостаси бытия человека находит свое проявление духовный акт народа, превращая его из акта материальной необходимости в свободное жизнеутверждающее творчество. Человек является единственной силой природы, которая посредством волевого акта, называемого трудом, кратно увеличивает свободную энергию Земли, одновременно концентрируя и рассеивая ее в пространстве [8, 68]. Поэтому для познания и овладения естественными процессами природы, оказывающими воздействие на развитие общества, требуется человек — носитель духовно-интеллектуальной силы и культуры. Формирование и совершенствование таких носителей требуют от государства повышенной ответственности за образовательно-интеллектуальное и нравственно-культурное состояние общества, находящее свое проявление в развитии человеческого потенциала страны.

И последнее. Исходя из того, что Россия располагает огромным природным достоянием, а ее экономика еще долго будет носить рентный характер [5], необходимо регулировать процесс природопользования с помощью имманентных ему рентных платежей, а не

налога. Это позволит как устанавливать дифференцированные платежи в зависимости от продуктивности месторождений, так и обеспечивать равные конкурентные условия для всех природопользователей. В настоящее время при единой налоговой ставке крупнейшие компании, эксплуатируя наиболее продуктивные природные ресурсы, незаслуженно присваивают сверхприбыли, которые по сути своей являются рентой, не выплаченной ими государству. Разграничивая естественную и технологическую продуктивность природных месторождений, вызывающих различного вида рентные платежи, можно принять следующую форму их распределения: дифференциальную ренту I, получаемую с лучших и средних по продуктивности ресурсов, направлять в федеральный бюджет; абсолютную ренту, взимаемую со всех вовлеченных в эксплуатацию ресурсов, — в региональный и местные бюджеты; дифференциальную ренту II — в региональный бюджет как вознаграждение за привлечение новых технологий в эксплуатацию месторождений региона. В результате бюджеты всех уровней получают дополнительные финансовые ресурсы, а предприятия добывающих отраслей будут поставлены в равные конкурентные условия.

Литература

1. Блинкен назвал Россию и Китай угрозой существующему миропорядку: URL: www.kommersant.ru/doc.5458511 (дата обращения: 12.07.2022).
2. Богомолов О.Т., Симчера В.М. Навигатор для президента // Завтра. 2012. 21 марта. № 9.
3. Ващекин А.Н., Хрусталёв М.М. Исследование устойчивости экономико-математической модели неантогонистической игры субъектов оптового рынка // Автоматика и телемеханика. 2005. № 10. С. 161—174.
4. Ильин И.А. Поющее сердце // Наш современник. 1991. № 6. С. 164—180.
5. Львов Д.С. Нравственная экономика. М.: Институт экономических стратегий, 2004. 45 с.
6. Осипов Ю.М. Необъявленная война как знамение заблудшего времени // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 11—21.

7. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
8. *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Белые Альвы, 2005. 160 с.
9. *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004. 556 с.
10. *Шулевский Н.Б.* Развитие или преобразование России? // Философия хозяйства. 2013. № 3. С. 30—45.
11. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020. 280 p.
12. *Shwab K., Vanham P.* Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. Wile, 2021. 304 p.
13. *Weizsaeckt E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet // A Report to the Club of Rome. Springer. 2017.

References

1. Blinken nazval Rossiya i Kitaj ugrozoy sushchestvuyushchemu miroponyadku: URL: www.kommersant.ru/doc/5458511 (data obrashcheniya: 12.07.2022).
2. *Bogomolov O.T., Simchera V.M.* Navigator dlya prezidenta // Zavtra. 2012. 21 marta. № 9.
3. *Vashchekin A.N., Hrustalyov M.M.* Issledovanie ustojchivosti ekonomiko-matematicheskoy modeli neantagonisticheskoy igry sub"ektov optovogo rynka // Avtomatika i telemekhanika. 2005. № 10. S. 161—174.
4. *Il'in I. A.* Poyushchee serdce // Nash sovremennik. 1991. № 6. S. 164—180.
5. *L'vov D.S.* Nравstvennaya ekonomika. М.: Institut ekonomicheskikh strategij, 2004. 45 s.
6. *Osipov YU.M.* Neob"yavlenная vojna kak znamenіe zabludshego vremeni // Filosofiya hozyajstva. 2022. № 3. S. 11—21.
7. *Osipov YU.M.* Ocherki filosofii hozyajstva. М.: YUrist", 2000. 368 s.
8. *Podolinskij S.A.* Trud cheloveka i ego otnoshenie k raspredeleniyu energii. М.: Belye Al'vy, 2005. 160 s.
9. *Hatton U.* Mir, v kotorom my zhivem. М.: Ladomir, 2004. 556 s.

10. *SHulevskij N.B. Razvitie ili preobrazhenie Rossii? // Filosofiya hozyajstva. 2013. № 3. S. 30—45.*

И.Р. БУГАЯН

«Преждевременный человек» как инноватор, опережающий время. От теории экономики к философии хозяйства*

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема неоднозначности оценки возможного места субъекта общества как человека в национальном, международном и историческом аспектах.

Ключевые слова: преждевременный человек, современный мир, хозяйство, причины хаосов.

Abstract. The actual problem of ambiguity in assessing the possible place of the subject of society as a person in national, international and historical aspects is considered.

Keywords: premature man, modern world, economy, causes of chaos.

УДК 330
ББК 65в

Первый подобный феномен — *преждевременный человек* — как это у нас нередко случается, был замечен в российской — еще дореволюционной — литературе. Революционная трансформация нашей страны и образование СССР ничего принципиально не изменили, скорее даже усилили — произошел переход к *преждевременному инженеру*, обобщенный портрет которого был безупречно и узнаваемо дан М. Горьким. Впрочем, несколько позже на эту тему высказались ученые, причем не только естественных, но и общественных наук.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бугаян И.Р. «Преждевременный человек» как инноватор, опережающий время. От теории экономики к философии хозяйства // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 47—58.

Последнее было чем-то новым! Но предтечей этого стала защищенная еще в 1912 г. в России, в Московском университете диссертация «*Философия хозяйства*». Ее автор, С.Н. Булгаков, некоторое время был марксистом: его научные труды, подготавливаемые им для научно-образовательной и преподавательской деятельности в Московском университете, рецензировал В.И. Ленин.

В.И. Ленин, будучи преимущественно предвестником революционным, после своего прихода к власти предпочел научного предтечу — С.Н. Булгакова — выслать «философским пароходом» из страны в 1922 г., что, как мне объяснил президент Академии философии хозяйства Ю.М. Осипов, было продиктовано соображениями его безопасности и свободы творчества.

Таким образом, возник, если можно так выразиться, «предтечный ряд»: С.Н. Булгаков открыл новое направление научных исследований в области общественных наук — философию хозяйства, В.И. Ленин реализовал его с политологической, военной и революционной сторон. Ю.М. Осипов (спустя годы и годы) сам вновь вышел на философию хозяйства, что случилось после внезапного ознакомления в 1992 г. с работой С.Н. Булгакова. Он же принял активное участие в возвращении научного наследия Булгакова. Каковы же зримые свидетельства сказанного?

1. «Московский университет, в котором все началось с успешной защиты С.Н. Булгаковым в 1912 г. диссертации “Философия хозяйства”. Сегодня в университете под руководством Ю.М. Осипова работают “Центр общественных наук МГУ”, открытый в 1990 г. правительством СССР, и научно-исследовательская лаборатория философии хозяйства в качестве подразделения экономического факультета (создана приказом по МГУ в 2000 г., имея статус проблемной лаборатории, действовавшей с 1988 г. по линии Государственного комитета по науке и технике СССР с целью сравнительного анализа хозяйственных механизмов). И вот уже треть века, охватывая столь непростой для России исторический период (конец XX и начало XXI в.), бессменным руководителем как “Центра...”, так и лаборатории является профессор Ю.М. Осипов, по инициативе которого они были созданы и перепрофилированы» [3].

2. Журнал, одноименный с темой булгаковской диссертационной работы, «Философия хозяйства» (выходит с 1999 г. 6 выпусков в

год, объемом 19 п. л.) содержит уже более 4000 статей и иных публикаций, что увидели свет в его 162 номерах.

3. «На базе лаборатории функционируют Философско-экономическое ученое собрание и Межрегиональная общественная организация “Академия философии хозяйства” (АФХ, чей президент — Ю.М. Осипов), имеющая нестандартную историю возникновения, становления и задачи развития. В составе собрания более 600 ученых, около 150 членов академии, представляющих разные науки и направления из МГУ, РАН, СПбГУ, иных опорных вузов и научных организаций, учебных заведений регионов РФ и из-за рубежа» [3].

Запись об основании АФХ была внесена в Единый государственный реестр юридических лиц 5 октября 2009 г., т. е. спустя 10 лет после учреждения научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства. Устав АФХ утвержден делегатами региональных отделений 31 августа 2009 г. на учредительном собрании академии. Председателем собрания был А.Ю. Архипов, секретарем — И.Р. Бугаян. Решение о государственной регистрации АФХ принято *Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области* 23 сентября 2009 г. Таким образом, сама идея АФХ реализована научной общественностью с участием Юга РФ и при поддержке государственных служб столицы ЮФО.

Научные изыскания в направлении философии хозяйства (ФХ), начатые С.Н. Булгаковым еще в Российской империи, оказались на долгие годы прерванными, о самом булгаковском труде не было известно вплоть до 1990 г. Работы Сергея Николаевича томились в спецхранах библиотек, а многие коллеги из РФ, СНГ и зарубежных стран не имели к ним доступа.

Президент АФХ Ю.М. Осипов в городе своего рождения — Ростове-на-Дону — нашел полное взаимопонимание. Заметное событие с участием ростовских ученых произошло в 2005 г.: в Ростове-на-Дону вышла в свет монография «**Империя Россия**». Она издана как второе (расширенное) издание книги «Имперские предчувствия России», посвященное злободневным мировоззренческим и практическим вопросам современного российского бытия: быть или не быть России, а если быть, то какой?

Через три года Редакционно-издательский совет антологии (РИСА), включивший 18 известных ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Ростова-на-Дону и других городов под председательством Ю.М. Осипова издает «Антологию современной философии хозяйства» (2008). Антологический материал члены РИСА отбирали из статей, предварительно опубликованных в журнале «Философия хозяйства» в период с 1999 по 2008 г. Для этого им пришлось ознакомиться с 1770 работами и рекомендовать наиболее соответствующие решению поставленных философией хозяйства задач. Таким образом, из 2000 потенциальных соавторов «Антологии...» реальными стали 40, из них трое ростовчане — 2%; не зря старались!

Философия хозяйства по характеру научной и образовательной деятельности междисциплинарна: в поле ее притяжения не только экономика как таковая (с ее деньгами, ценами, банками, капиталистами, инновациями и т. д.), но и «ВСЕ! — *все жизнеотправления человека*, не исключая домоводчества, браков, свадеб, семейного дела, деторождения, воспитания, обучения, охраны здоровья, психбольниц, военного дела, поддержания общественного порядка, судов, тюрем, фабрик, заводов, дорог и транспорта, мореходства, рыбной ловли, литераторства... — ВСЕ!» [5, 14].

Учреждение АФХ позволило Ю.М. Осипову привлечь на общественных началах большое количество специалистов и исследователей, изучающих и раскрывающих внутренние закономерности взаимодействия всего содержательного разнообразия *жизнеотправления человека*. Одним из системных решений, по мнению автора, стало выделение двух диалектически связанных противоположностей: экономики и общественного сектора, в своем единстве образующих то, что в целостном выражении и есть хозяйство.

После сформулированной сути хозяйства как диалектического единства двух полных противоположностей — экономики и общественного сектора, взаимно не способных содержать ни одного атома противоположной стороны, — стали возможны не только постановка, но и решение проблем повышения эффективности хозяйствования. Важными стали оптимизация соотношения между его экономическим и общественным секторами, определение внутренней меры хозяйства.

Как оптимизировать внутреннюю меру хозяйства?

В данном случае инструментом оптимизации может служить изменение соотношения внутренней структуры целого: экономики и общественного сектора как частей хозяйства, а критериальным показателем — его динамика эффективности. Фиксирование эффективности экономического сектора хозяйства дело известное. Но как быть с его общественным сектором? Нарботки по выявлению динамики эффективности, связанные с экономикой, для общественного сектора хозяйства не пригодны, ведь у них разная природа. Следовательно, придется наряду с определением эффективности экономики отдельно (и по-другому) прослеживать динамику эффективности общественного сектора хозяйства.

В воспоминаниях и размышлениях маршала Победы Г.К. Жукова много свидетельств случаев, когда ресурсы общественного сектора хозяйства СССР распределялись в натурально-вещественном виде — и даже иногда поштучно (танки) лично Верховным главнокомандующим И.В. Сталиным (как было в 1941 г., во время обороны Москвы). Цель — максимизировать не экономический, а общественно-значимый эффект, а в рассматриваемом случае — его оборонительный аспект, ставший в конкретной ситуации главным для спасения хозяйства страны в целом. Под Москвой нужна была победа, одна на всех, по принципу «...мы за ценой не постоим». Она была достигнута благодаря такому уровню гипертрофированности общественного сектора, который позволил полностью подчинить ему экономику.

Противоположностью 1940-х гг. явились 1990-е: ваучеризация и приватизация хозяйственного сектора происходили, исходя из политических задач отъема власти у Коммунистической партии, т. е. за любые цены и даже бесплатно. Такое игнорирование соблюдения меры между общественным сектором и экономикой неизбежно вызвало хаос в хозяйстве, сопровождаемый падением эффективности и экономики, и общественного сектора. Вывод: недопустимо осуществлять решение хозяйственных проблем политическими методами.

Эта ошибка за XX в. повторилась дважды: сначала под руководством В.И. Ленина, а позже — Б.Н. Ельцина, каждый раз ввергая

хозяйство страны в немыслимый хаос. В первый раз она была осуществлена путем одностороннего уничтожения экономики политическими методами, во второй — общественного сектора. То есть политические решения были приняты в противоположных, особенно разрушительных для хозяйства и населения страны, направлениях. Последствия оказались особенно труднопреодолимыми. Для АФХ и ее президента Ю.М. Осипова с самого начала было абсолютно ясно, что обе эти крайности ведут к одному и тому же — к хаосу, усугубляемому необходимостями осуществления НТП и НТР, которые невозможны без наличия в стране совокупного цикла «исследование—производство». Хаос, который всегда начинается в общественном секторе хозяйства в предпроизводственной сфере со стадии фундаментальных исследований, продолжается в сфере прикладных исследований, а заканчивается (после сферы производства) либо в одном из подразделений, создающих тот или иной фактор производства, т. е. в рынке — экономике, либо в общественном секторе производства (см. матрицы в: [1, 50—54]).

С середины XX в. начался НТП, сопровождающийся стремительным и опережающим развертыванием НТР, принявшей с начала XXI в. взрывной характер, особенно в сфере информационных технологий. Как известно, НТП порождает технологии, значимые, преимущественно, только для одного из пяти подразделений хозяйства (см.: [1, 50—54]), НТР же — для всех одновременно. Особенно это характерно для информационных технологий.

Межгосударственное перемещение граждан, способных к созданию подобных технологий, не может оставаться незамечаемым: слишком серьезными могут быть последствия. Одно дело, если это происходит между дружественными странами и народами, например, с января 2022 г. по август 2022 г. из РФ, в Армению переместилось 100 тыс. молодых людей. Из них вернулось на родину 30000. Остальные 70000 продолжают искать себя и преимущественно находят именно в сфере информационных технологий, подчеркивая при этом значение окружающей их дружественной среды, высокую степень разнообразной поддержки и коммуникабельности. Всего того, что способствует образованию *синергетического*, общественно-хозяйственного эффекта, полезного обеим странам, поскольку творче-

ское и предпринимательское взаимодействие высококвалифицированных молодых людей — граждан Армении и 70 тыс., приехавших из России — в благоприятной среде сможет создать гораздо больший, чем обычно, объем хозяйственно значимых, преимущественно информационных, технологий (и, соответственно, больше добавленной стоимости и национального дохода для обеих стран). Однако в целом отъезд квалифицированных молодых граждан — прямой ущерб для первой и выигрыш для второй — принимающей — стороны.

Законы природы вечны и неизменны, но общественные принципиально иные. Они, как и жизнь, способны возникать, меняться, исчезать и вновь возобновляться. Двойственность законов, одновременно воздействующих на человеческое общество, не может не отражаться на хозяйстве. Все из понимания человеческим обществом законов природы и их использования, что вовлечено в хозяйство, вызывает существование, преимущественно, общественного сектора, а из рынка — экономики. Большой удельный вес вовлеченности в хозяйство действий законов природы объективно усиливает общественный сектор, и наоборот. Ясно, что экономика и общественный сектор — абсолютные противоположности. В экономике все имеет цену, а в общественном секторе нет ни одного атома экономики, и наоборот. Подобные противоположности тоже образуют единство, но лишь в одном случае, если он носит диалектический характер. Именно диалектическое единство противоположностей — экономики и общественного сектора — образует хозяйство. Его можно сравнить с двумя полюсами магнита. Как бы не разрезали магнит, два его полюса неизбежно притягиваются. Также и в хозяйстве, начиная с его элементарной частицы — домохозяйства и кончая мировым хозяйством в целом.

Однако баланс между полюсами сохраняется лишь в мировом хозяйстве в целом. В национальных же хозяйствах и тем более на элементарном уровне — в домохозяйствах — никакого баланса не бывает. Чем меньше сбалансированы полюсы хозяйств на разных уровнях, тем большая необходимость обмена и рынка в целом. Разбалансировка хозяйств может вызываться разными причинами:

1) субъективными ошибками руководителей (продналог и продразверстка В.И. Ленина);

- 2) объективными явлениями (неурожай);
- 3) дискриминационными мерами (санкции).

Последнее особенно широко (на протяжении почти 100 лет) применяется в отношении СССР, РФ и постепенно, наряду с другими, стало одной из важных причин того, что вот уже целый век уровень жизни населения очень богатой страны — России — остается невысоким.

Однако дискриминации наносят ущерб не только отдельным, специально избранным, субъектам, но и мировому хозяйству в целом, в том числе, и самим «санкционерам». Характерно в этом отношении недавнее «бунтарское» — не скоординированное с другими — поведение одного из них — ФРГ. Оно вызвано недопониманием «*мировым центром*» *последствий принимаемых решений*, которые, в свою очередь, являются следствием непонимания того, что такое хозяйство вообще, тем более мировое.

Бросается в глаза, что самыми активными санкционерами являются, прежде всего, страны «золотого миллиарда» (ЗМ). Как уже неоднократно подчеркивалось, их объединяет нечто общее: содержание хозяйств этих стран противоположно содержанию хозяйств Индии, Китая и России (КИР). Этим содержанием является *экономика*, измеряемая совокупностью банковских билетов, включающих в себя не только сеньораж, но и другие сеньоражеподобные компоненты. Полученная сумма может быть почти любой, но непременно отрицательно-синергийной ($1+1$ меньше 2), поскольку некоторые ее компоненты никоим образом не связаны с добавлением стоимости. Впрочем, в КИР общественный сектор также отражается цифрами, но они несут уже преимущественно отпечаток физики. Например, кубометров транспортируемого по трубопроводам газа (РФ) или количества (в штуках) гаджетов, произведенных в Китае, и т. п. Приборы, отражающие объемы физического производства, созданы на основе законов вечных, природных, законов физики, и если они исправны, то показания безупречны!

Таким образом, в мировом хозяйстве в оценке места в нем, например РФ, неизбежно возникает ряд коллизий:

- 1) оценка РФ странами ЗМ, базирующаяся на таком содержании их хозяйств, как *экономика*, известна — 1,5% мирового продукта;

2) оценка же РФ странами КИР, базирующаяся на ином содержании хозяйств — *общественном секторе*, тоже известна — в разы отличная.

Бунт ФРГ и комментарии Франции в связи с санкционными потугами ЕС и США создали препятствия газоснабжению Европы через «Северный поток»; жесткие переговоры МИД РФ с государственным секретарем США в январе 2022 г. совершенно не случайны и исторически обусловлены. Народы, проживающие в этих двух государствах, прекрасно помнят неудачи Карла XII, Наполеона, Германии (неоднократные) в силовом противостоянии с Россией — «колосса на глиняных ногах». Они остались для них не только незабываемыми, но и необъяснимыми. Более того, из многих совпадающих, повторяемых и узнаваемых эпизодов прошедших войн, как для Франции, так и Германии становится все очевидней, что дело не только в «генерале морозе». Нужен поиск общего в явлениях однопорядкового характера, сопровождающего эти военные кампании. Среди них следующие.

1. Полная противоположность тенденций в начале и завершающих фазах военных кампаний. Не просто поражение противника на территории России, но и его стремительное отступление и даже временами бегство под давлением *значительно* превосходящих сил.

2. Безоговорочная капитуляция.

3. Резкое усиление хозяйства и всплеск международного престижа России и СССР по завершении войн.

Не сможет удовлетворить народы этих стран и мнение русского поэта Тютчева. Дескать: «Умом Россию не понять...»; ей надо просто верить, по-хорошему... Давайте попробуем помочь «партнерам» и тем самым самим себе! Откуда каждый раз, внезапно, возникали все эти превосходящие военные силы России? Не из экономики же, оцененной самими западными «партнерами» РФ всего-то в 1,5%!

В одной из телевизионных передач С.Е. Кургинян привел образный пример: «Если мы сидим в каком-то высоком месте за хорошим столом и пьем чай, то за ним удобно вести переговоры, писать, договариваться. Если кто-то из присутствующих захочет на столе сплясать, он, скорее всего, устоит. Но взгромоздить на стол танк не удастся». Нужны совсем другие резервы, которые и в России Алек-

сандра I, и в СССР были. Подобные резервы всегда относятся к общественному сектору хозяйства, и их невовлеченность в «веселую жизнь» объясняется тем, что создает соблазн переместить и эту часть хозяйства в экономику — еще «сделать деньги». Но в этом случае возможно нарушение меры между противоположностями, образующими диалектическое единство — хозяйство РФ, что неизбежно вызовет в нем грандиозную трансформацию. Внешне это может проявиться в перемещении РФ из одной группы стран, в которых содержанием хозяйства является общественный сектор, включающий резервы (Индия, КНР), в другую, где содержание — экономика, исключающая возможность наличия таких резервов.

Подобная трансформация еще не произошла. Но продвижение РФ в этом направлении заметно (и не только С.Е. Кургиняну). Главное! Зачем нам это?! РФ никто и нигде не ждет — ни ЕС, ни США! Возможны, конечно, и исключения в виде отдельных россиян — доноров «со сделанными в результате приватизации и ваучеризации деньгами», после отъема которых от них при малейшей возможности постараются избавиться (в лучшем случае, вернут на Родину) — за очень редкими исключениями, они там и с деньгами не нужны: у них своих мошенников хватает.

Вернемся к *мере* между двумя противоположностями, диалектическое единство которых образует хозяйство любого государства: экономикой и общественным сектором. Лаборатория сравнительного анализа хозяйственных механизмов, предложенная и открытая Ю.М. Осиповым в 1988 г. в МГУ, была впервые призвана найти эту новую, оптимальную меру. Нарушение *прежней меры* неизбежно сопровождается двумя вариантами последствий: 1) *оптимизацией меры*, о чем можно судить по росту эффективности хозяйства в целом; 2) *хаосом*.

Россия как ни одно другое государство знает, к каким трагическим последствиям приводят нарушения меры, вызывающие *хаосы*. Наиболее разрушительным был хаос, вызванный попытками реализации предложений В.И. Ленина по переходу на продналог и продразверстку. Его же перу принадлежат предложения по восстановлению меры через введение так называемой «новой экономической политики» и осуществление блестящей денежной реформы — другими словами, восстановление разрушенной им же экономики. Однако для

нынешней России актуальна уже иная — противоположная — проблема оптимизации меры: восстановлению подлежит не экономика, а общественный сектор. Прежде всего, здравоохранение, резервы ВПК и связанные с ними отрасли образования.

Литература

1. Бугаян И.Р. Неотмирность России: возможные варианты воспроизводственного роста хозяйства при многоукладности // Россия под переменами. По итогам международной конференции «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера» (4—6 декабря 2019 г., экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Издательство ЮРНИЦ РАНХиГС, 2020. С. 43—59.
2. Бугаян И.Р. Предпринимализм и предпринимательство, экономика и общественный сектор: соотношение и мера // Философия хозяйства. 2017. № 2. С. 61—69.
3. Научно-образовательная школа философии хозяйства: уникальная, свободная, признанная: URL: https://www.econ.msu.ru/departments/lfh/cd312/Category.20131008_4226/ (дата обращения: 22.09.2022).
4. Осипов Ю.М. Под ударными переменами // Россия под переменами. По итогам международной научной конференции «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера» (4—6 декабря 2019 г., экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Издательство ЮРНИЦ РАНХиГС, 2020. С. 3—25.
5. Осипов Ю.М. Экономика XXI века // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 13—28.

References

1. Bugayan I.R. Neotmirst' Rossii: vozmozhnye varianty vosproizvodstvennogo rosta khozyaystva pri mnogoukladnosti // Rossiya pod peremenami. Po itogam mezhdunarodnoy konferentsii «Rossiya v koordinatakh udarnykh peremen: sotsium, ekonomika, tekhnosfera» (4—6 dekabrya 2019 g., ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova)

/ Pod red. YU.M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotovoy. M.; Rostov n/D: Izdatel'stvo YURNTS RANKHiGS, 2020. S. 43—59.

2. *Bugayan I.R.* Predprinimalizm i predprinimatel'stvo, ekonomika i obshchestvenniy sektor: sootnoshenie i mera // *Filosofiya khozyaystva*. 2017. № 2. S. 61—69.

3. Nauchno-obrazovatel'naya shkola filosofii khozyaystva: unikal'naya, svobodnaya, priznannaya: URL: https://www.econ.msu.ru/departments/lfh/cd312/Category.20131008_4226/ (data obrashcheniya: 22.09.2022).

4. *Osipov YU.M.* Pod udarnymi peremenami // *Rossiya pod peremenami. Po itogam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiya v koordinatakh udarnykh peremen: sotsium, ekonomika, tekhnosfera»* (4—6 dekabrya 2019 g., ekonomicheskyy fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova) / Pod red. YU.M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotovoy. M.; Rostov n/D: Izdatel'stvo YURNTS RANKH i GS, 2020. S. 3—25.

5. *Osipov YU.M.* Ekonomika XXI veka // *Filosofiya khozyaystva*. 2021. № 5. S. 13—28.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.М. КУЛЬКОВ

Новая реальность России: узлы адаптации*

Аннотация. В статье раскрывается новая реальность России, сформировавшаяся в последний период и требующая адекватных ответов. Показано, что необходимость адаптации к этому новому состоянию должна найти свое отражение в усилении внимания к системному, национально ориентированному, социально-экономическому и воспроизводственному подходам. Обобщенным выражением их применения выступает экономическая система России, нуждающаяся в реальных изменениях. Выделяются ее основные этапы в новейшей истории страны. Особое внимание обращается на значение национально ориентированного подхода. В этой связи раскрывается роль геополитической экономики.

Ключевые слова: новая реальность России, экономическая система России, национально ориентированный подход, геополитическая экономия.

Abstract. The new reality of Russia is revealed, which has been formed in the recent period and requires adequate answers. It is shown that the need to adapt to this new state should be reflected in increased attention to systemic, nationally oriented, socio-economic and reproductive approaches. The generalized form of their expression is the economic system of Russia, which needs real changes. Its main stages in the recent history of the country are highlighted. Particular attention is drawn to the importance of the nationally oriented approach in economic theory. In this regard, the role of geopolitical economy is emphasized.

Keywords: new reality of Russia, Russian economic system, nationally oriented approach, geopolitical economy.

УДК 330.34
ББК 65.02

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кульков В.М. Новая реальность России: узлы адаптации // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 61—72.

Современная Россия столкнулась с одним из самых серьезных вызовов в своей истории. Ведь речь идет не о каком-то региональном конфликте (в данном случае с Украиной), а о глубоком и масштабном противостоянии России и коллективного Запада, которое носит не только геополитический, но и цивилизационный характер, затрагивает многие (в том числе и институциональные, социальные, экономические и прочие) характеристики. Корни этого противостояния давние, но они особенно обнажились именно сегодня, когда все более стало проявляться, с одной стороны, ослабление позиций в мире стран (имея в виду, прежде всего, США и их сателлитов), претендующих на глобальное доминирование, а с другой — усиление позиций и здоровых амбиций России, Китая и других развивающихся стран, отстаивающих идею многополярного мира. Стремление изменить складывающиеся тенденции и соотношение сил лежит в основе агрессивного поведения Запада, его нежелания считаться с «красными линиями», справедливо отстаиваемыми другой группой стран, среди которых оказалась Россия.

Отмеченное противостояние будет, судя по всему, носить долгий и масштабный характер. Испытанию подвергаются сама российская государственность, ее цивилизационные устои, экономический потенциал страны, национальная конкурентоспособность, границы и место в мире. Россия вступила в *новую реальность*, требующую общенациональной сосредоточенности, поиска ответов, форм и решений, адекватных этой реальности.

Не претендуя на охват всего набора характеристик, выделим в этом ряду некоторые аспекты, касающиеся, прежде всего, экономической системы России в ее разных ракурсах, включая научный и образовательный. Их можно рассматривать как узлы адаптации России к новой реальности.

Во-первых, должно быть усилено внимание к *системному подходу*, который нацелен на целокупность и взаимосвязь явлений, поиск причинно-следственных связей, выделение фундаментальных характеристик, сочетание экономических и неэкономических, объективных и субъективных, универсальных и специфических элементов и т. п. А это означает неприемлемость упования на локальное знание и локальные решения, на «ручное управление», на спонтанность и

выборочность целеполагания. Системность должна учитывать все стороны и последствия предпринимаемых решений и действий, касающихся как текущей ситуации, так и долгосрочных параметров. В экономическом отношении этот подход должен найти свое воплощение в экономической системе страны как совокупности взаимосвязанных отношений социально-экономического, институционального, макро-, мезо- и микроэкономического характера, способной ответить на существующие и, возможно, новые нарастающие вызовы, обеспечить как выживание, так и развитие страны, ее экономики. Но национальная экономическая система лишь одна из множества частей национальной мегасистемы («Системы России»), в которой экономическая сторона взаимодействует с геополитической, цивилизационной, социальной и иными. Именно такое позиционирование позволяет более целостно и качественно оценить системное своеобразие России, что должно быть основой выработки всех значимых решений, соответствующих состоянию современной России и стоящим перед ней вызовам.

Казалось бы, системный подход сам по себе не является крамоллой и вряд ли имеет много ярых противников, но его реальное использование в трансформационном периоде российской истории было затруднено упованием на «здоровый смысл» и «ручное управление», порождавшим, в конечном счете, слабость обоснования, фрагментарность и бессистемность проводимой политики. В экономической науке и в экономическом образовании это выразилось в притеснении политической экономии, которая наиболее выпукло ориентировала на обнаружение системных связей и выявление фундаментальных основ в экономике. Наступившие новые условия со всей силой выявили дефицит политэкономического анализа. Таким образом, первой, самой общей, формой адаптации России к новой реальности выступает системный подход, усиление его роли и масштаба.

Во-вторых, требует внимания *национально ориентированный подход*. Он исходит из необходимости учета всей совокупности национально специфических факторов, целей национального развития и национальных интересов. Принцип универсализма имеет свои ограничения, соприкасаясь с парадигмальным разнообразием в науке (в том числе в экономической теории), с разным уровнем развития стран, с национальными особенностями. Новейшая история России

(особенно в 1990-е гг.) продемонстрировала недостаточное внимание к специфике страны — прежде всего, цивилизационной и геополитической. Верх взяла ориентация на внешние образцы, на второсортность (если не ущербность) отечественного наследия, на вхождение в цивилизационное пространство Запада, на неоправданные уступки в геополитической сфере. И, хотя в последние годы здесь произошли существенные подвижки, последствия указанной ориентации дают знать о себе до сих пор. Западнический ориентир, присущие ему ценности и его носители, довольно сильно укоренились в общественной и экономической жизни России. Так и не нашла своего выражения цельная, развернутая трактовка экономической системы России, которая лежала бы в основе программных документов. В учебно-научной сфере по-прежнему властвует монополия мейнстрима. Курс «Национальной экономики» («Теории национальной экономики», «Экономической системы России» или под другим названием) так и не получил своего твердого и постоянного места в структуре экономических дисциплин и учебных предметов. Нет внимания и к «Геополитической экономике», которая начинает разрабатываться в последние годы и прямо соотносится с проблемами, вставшими во весь рост перед современной Россией. В целом национальная ориентация теоретического анализа экономики выражена, на наш взгляд, недостаточно. Новая реальность, надвинувшаяся на Россию, требует существенных изменений применительно как к реальной экономической жизни и ее национальной системе, так и к ее научному и учебно-образовательному оформлению. Таким образом, усиление национально ориентированного подхода в экономике и в общественной жизни в целом можно считать еще одной насущной формой адаптации России к новой реальности.

В-третьих, стоит говорить и о возрастании роли *социально-экономического подхода*, который ставит в центр внимания вопросы социального присвоения, собственности, структуры общества, ценностей, социальной справедливости, неравенства и т. п. Все это — остро звучащие параметры общественной жизни, значение которых выросло именно в данный период. Это касается и внутрироссийской жизни, требующей высокой степени социальной консолидации общества, а в этих целях — искоренения социальных язв, доставшихся от предыдущего этапа новейшей отечественной истории,

обеспечения высокой степени доступа к социальной сфере и формирования условий для подлинного развития человека. Но это касается и освобожденных территорий, для жителей которых небезразлично, какой социально-экономический строй утвердится на данных территориях, что он даст людям, в чем состоит его привлекательность. Данный ракурс по большому счету раскрывается в рамках политэкономического анализа, но заслуживает того, чтобы выделить его в качестве отдельной формы адаптации России к новой реальности.

В-четвертых, большего внимания заслуживает и *воспроизводственный подход*. Его особенностью является акцент на взаимосвязи технологических и социальных трендов функционирования и развития экономики, ее структуры и динамики, различных фаз воспроизводства с приоритетом сферы производства. Его использование — не просто напоминание о важном (и, к сожалению, полузабытом) ракурсе анализа экономических взаимодействий, но и привлечение востребованного современным положением России акцента на национальном воспроизводстве. Это касается, в частности, оценки экономического потенциала страны и необходимости его наращивания, формирования материально-технической базы суверенного развития, повышения системности и качества экономической политики государства и эффективности управления народным хозяйством. Этот подход позволяет также лучше отразить сочетание выживания и развития, крайне актуальное для современной России. «По стечению обстоятельств, часто непрогнозируемых, экономика из способа воспроизводства жизни превращается в фактор национального выживания в пространстве всей цивилизационной оболочки нации» [10, 104]. В нашей стране накоплен большой исторический опыт совмещения выживания и развития (достаточно вспомнить период индустриализации и военные годы в XX в.), и нам нужен проект нового совмещения такого рода, адаптированного к сложившимся ныне условиям. Именно воспроизводственный подход более адекватен национальным условиям и целям развития России по сравнению с известной из курса макроэкономики и внешне похожей моделью кругооборота потоков, отдающей предпочтение функциональным связям.

Таким образом, новая реальность, в которой оказалась Россия, требует активизации системного, национально ориентированного,

социально-экономического и воспроизводственного подходов — и не только в исследовательском аспекте, но и применительно к самой экономической жизни. В них заложены наиболее емкие узлы необходимой адаптации.

Сосредоточим наше дальнейшее внимание главным образом на подходе, ставящем во главу угла национальную ориентацию. Это то, что наиболее востребовано в условиях новой реальности России, и то, что в сильной мере вбирает в себя и действие других обозначенных выше подходов.

Прежде всего, стоит раскрыть *основные этапы* формирования экономической системы России в новейшей истории страны. Ранее автор уже высказывался по этому вопросу [6], но хотел бы еще раз обратить на это внимание с учетом новой российской реальности.

Первый этап (в основном 1990-е гг.) характеризовался, по сути, отсутствием национального вектора развития, неучетом особенностей страны и национальных интересов. Возобладал курс на вхождение в цивилизационное пространство Запада, на подражание зарубежным образцам организации экономической деятельности. Экономическая теория активно перестраивалась в то время на западные рельсы. Единственное, в чем находили отражение национально-специфические черты — это сравнительный анализ национальных экономических моделей зарубежных стран под углом зрения ориентации на копирование какой-то (каких-то) из них применительно к России. Большую конструктивную роль сыграла здесь разработка «теории переходной (или трансформационной) экономики», в которой проглядывали зерна национально ориентированного подхода.

Второй этап (кризис 1998 г. и примерно последующее десятилетие) начался с глубокого кризиса, показавшего всю ущербность преобразований предыдущего десятилетия. С другой стороны, это стало поводом для усиления внимания к национальной специфике страны — как в практическом, так и в научно-образовательном аспектах. Возникла учебная дисциплина «Национальная экономика», появились кафедры и учебники по национальной экономике, усилилась национальная составляющая российской экономической теории. Однако выгодная внешнеэкономическая конъюнктура тех лет, обеспечившая относительное благополучие страны, в реальности не способствовала формированию самоценной экономической системы

России, отвлекала внимание от этой стратегической задачи. Более того, стали укореняться черты сырьевой модели экономики с деградацией реального сектора, что подрывало экономический суверенитет страны. Стала складываться своего рода квазисистема, где за внешней оболочкой вроде бы наладившихся взаимодействий не стояли векторы прогрессивного развития и укрепления подлинного суверенитета страны.

Третий этап (в основном 2010-е гг. и период до февраля 2021 г.) характеризовался неустойчивостью динамики российской экономики, введением и наращиванием санкций против России (с 2014 г.). В условиях геополитического и внешнеэкономического давления стала сильнее проявляться необходимость в усилении национальной ориентации отечественной экономики. Стало уделяться больше внимания вопросам обеспечения экономической безопасности страны и суверенного развития, расширения импортозамещения, усиления стратегического целеполагания. Стало укрепляться национально ориентированное направление в экономической теории. Однако, несмотря на указанные подвижки, экономическая политика во многом сохранила черты генетики предыдущих десятилетий, а именно: либерально-монетаристские акценты, доминирование финансового подхода и курса на финансовую стабилизацию, что не может не вступать в противоречие с задачами подлинного развития страны, обеспечением технологической и экономической самодостаточности национального хозяйства, развитием передовых отраслей реального сектора экономики. Кардинального переосмысления экономического облика России, по большому счету, не произошло. Он во многом еще сохраняет черты упоминавшейся выше квазисистемы. К тому же в сфере экономического образования продолжил свое доминирование англо-саксонский мейнстрим при сокращении возможностей политэкономического и национально ориентированного анализа. Одним словом, для данного периода была характерна двойственность, противоречивость акцентов.

Наконец, современный, четвертый этап, который следует датировать, начиная с известных событий февраля 2022 г., может дать сильный толчок для построения адекватной экономической системы России. Это в определенной степени парадокс: использовать наличие чрезвычайной ситуации для решения задачи, которую не удалось по-

настоящему решить в более благоприятных условиях. Но зато это весьма по-русски, имея в виду известный образ «жареного петуха». Именно в таких условиях лучше выпячивается необходимость такой системы, которая бы соотносилась со всей спецификой России, адекватно выражала ее самодостаточность и суверенные интересы. При этом она должна вбирать в себя и совмещать судьбоносные задачи выживания и развития национальной экономики и страны в целом. Конечно, при этом будет сохраняться опасность консервации «чрезвычайщины», закрепления ее элементов в системе. Важно вовремя это понять и сепарировать, тем самым извлекая исторические уроки развития советской системы, так и не освободившейся до конца от наслоений чрезвычайных периодов. Но это дело будущего, а сейчас надо обеспечить реальное и теоретическое совмещение выживания с национальной системой и задачей развития. От этого вопрос о научном содержании системы не превращается в конъюнктурный вопрос, который будет зависеть от того, как в дальнейшем сложатся отношения России с Западом, будут ли нарастать санкции и их последствия. Очевидно, в зависимости от реально складывающихся условий могут меняться модели этой системы, хотя сама система при этом сохраняет коренные характеристики — прежде всего, в сферах экономической координации и социального присвоения. Система должна содержать в себе такой потенциал, который способен развернуть в ней те или иные акценты модельного характера. Вряд ли среди вариантов системы будет либеральная экономика, слабо совмещаемая с коренными основами системы и содержащая в себе риска превращения национального хозяйства в периферийную экономику. Но не может быть перспективной и попытка сохранения сложившейся на предыдущих этапах системы (точнее, квазисистемы): она не способна обеспечить того прорыва, в котором уже давно нуждается Россия. Таким образом, России нужна такая экономическая система, которая, с одной стороны, была бы способна гарантировать выживание страны в современных крайне сложных условиях, а с другой стороны — обеспечить ее развитие в параметрах экономического суверенитета, социальной ориентации и прогрессивных воспроизводственных процессов (трендов).

Теперь стоит остановиться на научном оформлении национально ориентированного подхода. При анализе этапов

формирования российской экономической системы обращалось внимание на эволюцию данного подхода (от сравнительного анализа национальных моделей экономики до попыток осознать наступающую новую российскую реальность). Шло постепенное усиление фундаментальных научных основ этого подхода. Особую роль сыграли в этом труды В.Т. Рязанова, посвященные «диалектике особенного» и включению национального аспекта в политэкономическую структуру «неомарксистского синтеза» [9]. Заслуживают внимания усилия по закреплению национальной ориентации в научно-образовательном пространстве экономической теории [8]. Оригинальной является попытка создания «евразийской политэкономии», предпринятая группой ученых из Санкт-Петербурга [2]. В рамках кафедры политической экономии МГУ уже давно ведутся разработки экономической системы России и соотнесения национального и интернационального начал [3; 7]. Предпринимаются и другие усилия — в основном более локального характера. Все это вместе взятое способно сформировать целостную трактовку национальной экономической системы и лежащего в ее основе национально ориентированного подхода, что станет научной базой адекватной государственной политики.

Что, однако, тревожит? Во-первых, слабая консолидация ученых национально ориентированного направления; во-вторых, отсутствие явной поддержки со стороны руководящих структур, по инерции более доверяющих представителям либерального, универсалистского направления.

В этой связи следовало бы обратить большее внимание на китайский современный опыт. «В КНР планируют открыть до 100 высококачественных национальных аналитических центров <...> Китайское правительство планомерно строит целостную систему аналитических научных организаций, которые должны не только своевременно реагировать на новые вызовы, с которыми государство сталкивается в ходе проводимых в стране реформ и на международной арене, но также быть готовыми при необходимости экспортировать выдвигаемые ими идеи <...> Приоритетное внимание в стране уделяется созданию аналитических центров при университетах <...> В Пекине при Китайской академии общественных наук создан Центр инноваций современной марксистской политэкономии с китайской

спецификой. Создание Центра знаменует собой продолжение поиска китайского пути развития и усилий по адаптации иностранных учений к специфическим условиям Китая» [4]. Для современной России было бы также крайне полезно и дальновидно создавать и развивать научные центры такого рода, базирующиеся на национально ориентированном подходе — в том числе центры при ведущих университетах страны с акцентом на подготовку системно мыслящих и национально ответственных экономистов.

Хорошие новости приходят и с Запада. В данном случае имеется в виду разработка «Геополитической экономики» («геополитэкономии»), плодотворно ведущаяся в последние годы профессором университета Манитоба (Канада) Р. Десаи и ее исследовательским центром. Автор предлагает новый взгляд, в соответствии с которым наряду с глобальным вектором капитализма соседствует «фундаментальная ценность» национального государства: «Геополитическая экономия <...> отводит основную роль национальным государствам, национальной экономике и обязательному для этой модели многополярному характеру мироустройства» [1, XVIII].

Основой такого подхода является «смешанное неравномерное развитие», которое отразило противоречие между подчинением одних стран другими странами («гегемонами») и сопротивлением («скачками», нежеланием «соблюдения очередей»), оказываемым империалистическому давлению со стороны «отсталых» государств (см.: [1, 50—52]). Концепция смешанного неравномерного развития «позволяет нам рассматривать все примеры успешного развития в единых рамках и учитывать все многообразие форм такого развития» [1, XXVI]. В числе адекватных примеров автор называет такие страны, как Германия, Япония, США, проводившие в свое время индустриализацию, оспаривая британское промышленное лидерство; СССР и КНР, успешно осваивавшие некапиталистический путь развития; страны Восточной Азии и др.

Геополитэкономия как научное направление может сыграть важную роль: во-первых, в расширении пространства национально ориентированного подхода и в обретении им нового звучания; во-вторых, в углублении представления об объективности и неизбежности многополярного мира; в-третьих, в лучшем понимании воздействия геополитического фактора на функционирование и развитие

российской экономики. Отечественная экономика и Россия в целом подвергаются в настоящее время мощнейшему геополитическому давлению. В условиях новой реальности задача состоит в том, чтобы выжить, одновременно обеспечивая развитие и укрепление позиций в мире. В учебно-научной сфере России геополитэкономика должна занять более прочное место в политической экономии, в экономической теории, в экономическом образовании в целом. Это будет способствовать укреплению национально ориентированного взгляда на экономические процессы. Одну из своих статей, раскрывающих содержание данного взгляда, автор назвал «Новое дыхание национальной экономики» [5]. Геополитэкономика позволит сделать это дыхание еще более сильным.

Литература

1. Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Цен-тркаталог, 2020.
2. Евразийская политическая экономия: учебник / Под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016.
3. Интернациональное и национальное в XXI в. (в свете экономической теории) / Под ред. А.А. Пороховского, А.В. Сорокина. М., Экономический фак-т МГУ, 2021.
4. Китай взял курс на создание «мозговых центров» со своей спецификой: URL: <http://www.riss.ru/analytics> (дата обращения: 01.09.2022).
5. Кульков В.М. Новое дыхание национальной экономики // Проблемы современной экономики. 2020. № 3. С. 51—55.
6. Кульков В.М. Российская экономическая модель: этапы и новые вызовы // Философия хозяйства. 2018. № 5. С. 55—66.
7. Кульков В.М., Теняков И.М., Чирков М.А. Экономическая система России. М.: Теис, 2019.
8. Национальная экономика: учебник / Под ред. А.В. Сидоро-вича. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2020.
9. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: пер-спективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетей, 2019.

10. Хубиев К.А., Теняков И.М. Российская экономика в системе ограничений и перспектив // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 103—132.

References

1. Desai R. Geopoliticheskaya ekonomiya: posle amerikanskoj gegemonii, globalizacii i imperii. M.: INIR im. S.YU. Vitte: Centrkatolog, 2020.
2. Evrazijskaya politicheskaya ekonomiya: uchebnik / Pod red. I.A. Maksimceva, D.YU. Miropol'skogo, L.S. Tarasevicha. SPb.: Izd-vo SPbGEU, 2016.
3. Internacional'noe i nacional'noe v XXI v. (v svete ekonomicheskoy teorii) / Pod red. A.A. Porohovskogo, A.V. Sorokina. M., Ekonomicheskij fak-t MGU, 2021.
4. Kitaj vzyal kurs na sozdanie «mozgovyh centrov» so svoej specifikoj: URL: <http://www.riss.ru/analytics> (data obrashcheniya: 01.09.2022).
5. Kul'kov V.M. Novoe dyhanie nacional'noj ekonomiki // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2020. № 3. S. 51—55.
6. Kul'kov V.M. Rossijskaya ekonomicheskaya model': etapy i novye vyzovy // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 5. S. 55—66.
7. Kul'kov V.M., Tenyakov I.M., CHirkov M.A. Ekonomicheskaya sistema Rossii. M.: Teis, 2019.
8. Nacional'naya ekonomika: uchebnik / Pod red. A.V. Sidorovicha. 2-e izd. M.: Infra-M, 2020.
9. Ryazanov V.T. Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aletejya, 2019.
10. Hubiev K.A., Tenyakov I.M. Rossijskaya ekonomika v sisteme ograniczenij i perspektiv // Filosofiya hozyajstva. 2022. № 3. S. 103—132.

В.В. БИРЮКОВ

**Парадигмальные особенности альтернативных стратегий
конструирования теорий институциональной экономики***

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, связанные с использованием институционального подхода в качестве специфического метода анализа экономики как эволюционирующей сложной системы. Показано, что современные стратегии исследования экономики сложились вследствие конструирования дуалистической версии неоклассической парадигмы, которая, явно или скрыто, опирается на утилитаристскую трактовку мотивов поведения субъектов экономики и использует коллективные феномены в качестве экзогенных факторов, что приводит к созданию эклектичных, различных по своему содержанию, экономических теорий. При этом в ценностно-нейтральной стратегии институты являются основным фактором, определяющим особенности экономического поведения и взаимодействий субъектов, а в ценностно-ориентированной стратегии ключевую роль в описании экономических процессов выполняют ценностно-нормативные установки субъектов. Смену исследовательской парадигмы предлагается осуществлять, опираясь на конструктивистский подход и идеи классической политэкономии, заложившей основы анализа эндогенных механизмов развития институциональной экономики, что будет способствовать разработке реалистичной стратегии системного анализа современной экономики.

Ключевые слова: экономическая методология, конструктивизм, институционализм, экономические институты, институциональная экономика.

Abstract. The article discusses issues related to the use of the institutional approach as a specific method of analyzing the economy as an evolving complex system. The paper shows that modern strategies of economic research have developed as a result of the construction of a dualistic

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Парадигмальные особенности альтернативных стратегий конструирования теорий институциональной экономики // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 73—87.

version of the neoclassical paradigm, which relies explicitly or implicitly on the utilitarian interpretation of the motives of the behavior of economic subjects and uses collective phenomena as exogenous factors, which leads to the creation of eclectic in its content of various economic theories. At the same time, in a value-neutral strategy, institutions are the main factor determining the features of economic behavior and interactions of subjects, and in a value-oriented strategy, the value-normative attitudes of subjects play a key role in describing economic processes. The change of the research paradigm is proposed to be carried out based on the constructivist approach and the ideas of classical political economy, which laid the foundations for the analysis of endogenous mechanisms of the development of the institutional economy, which will contribute to the development of a realistic strategy for the system analysis of the modern economy.

Keywords: economic methodology, constructivism, institutionalism, economic institutions, institutional economics.

УДК 330
ББК 65.01

Введение

В современных дискуссиях о реалистичности исследовательских подходов все больше обращается внимания на специфику их построения, опираясь на концепцию Т. Куна о наличии исследовательской парадигмы и И. Лакатоса — о создании программы исследований в рамках ее «жесткого ядра». Вместе с тем важно учитывать, что поиск соответствующих усложняющейся экономике исследовательских стратегий сегодня определяется своеобразием современного этапа развития экономических знаний.

Произошедший в конце XX в. в экономической науке методологический поворот к анализу экономики как сложной системы способствовал повышению значимости институционального подхода и появлению в настоящее время многочисленных направлений и исследований. Происходящие перемены часто интерпретируются как утрата неоклассикой своей доминирующей роли и переход от монопарадигмального подхода к мультипарадигмальному мейнстриму. При этом, несмотря на существенное увеличение количества институциональных исследований, сегодня публикуется все больше

критических работ, в которых указывается на важность пересмотра применяемых институциональных подходов, так как сложившиеся институциональные теории обладают фундаментальными изъянами и скромной ценностью для проведения экономической политики [14].

В связи с этим важными представляются прояснение логики конструирования парадигмальных рамок разработки экономических теорий, особенностей создания альтернативных стратегий институциональных исследований и определение путей перехода к парадигме исследования институциональной экономики адекватной реалиям.

Парадигмальные основы разработки экономических теорий и особенности альтернативных стратегий институциональных исследований экономики

Особенности разработки конкурирующих стратегий проведения исследований поведения субъекта как участника тех или иных экономических процессов и взаимодействий изначально определяются тем, что уже более ста лет остается нерешенной проблема индивидуализма и холизма, субъекта и институтов. Данная проблема порождается двойственной природой процессов формирования социальной реальности, в которой проявляется своеобразие взаимодействия социальных структур и субъектов, выступающих в соответствии с системным подходом носителями индивидуальных и общесистемных характеристик. В связи с этим, несмотря на расхождения в понимании проблемы «индивидуализм — холизм», сторонники конкурирующих неинституциональной и неортодоксальной теорий неизбежно пришли к признанию потребности начинать анализ всегда с субъектов и институтов, с индивидов и структур [17, 48].

Парадигмальные особенности современных теорий мейнстрима определяются специфическим видением экономической реальности, которое возникло под влиянием маржиналистского переворота в результате использования неоклассического подхода, основанного на эгоистической трактовке мотивов экономического поведения. Опора на данный подход вызвала необходимость привлечения социокультурных феноменов для описания экономической реальности, поскольку взаимодействие экономических эгоистов порождает

«войну всех против всех». Экономистам, как пишет К. Эрроу, требуется привлекать социологические элементы, поскольку индивидуальное поведение всегда опосредовано социальными отношениями [19, 4—5]. В условиях маргиналистского переворота и доминирования позитивистских идей в мейнстриме в рамках дуалистической версии неоклассической парадигмы сложилась ценностно-нейтральная стратегия, которая предполагает использование обладающих экзогенным статусом институтов в качестве основных факторов, определяющих выбор субъектом форм и моделей поведения. Данная стратегия способствует созданию мифов, связанных с идеологией рыночного фундаментализма, и легитимации экономической политики, проводимой в интересах властвующих групп. Сегодня модифицированная модель homo economicus является точкой отсчета для всех новейших экономических исследований [7].

Эклектичная логика конструирования теорий мейнстрима складывалась на основе замещения теории трудовой стоимости теорией субъективной полезности. При этом неоклассический подход к анализу стоимости и цены стал рассматриваться как непревзойденное достижение экономической науки [2]. Однако рыночная цена в неоклассической теории, как пишет К. Эрроу, является следствием влияния внешней (экзогенной) силы; поэтому, вопреки тому, о чем повествуется во всех учебниках и книгах по экономике, неоклассики не смогли дать теоретическое обоснование стоимости и цены [18]. Использование (по умолчанию) рыночной цены, денег и других институциональных феноменов, обладающих экзогенным статусом, способствует утверждению мифа о возможности описывать микроэкономические процессы исключительно в рамках неоклассического подхода. Однако, фактически, данный подход выступает лишь скрытой версией институционального подхода, поскольку поведение субъектов рынка объясняется благодаря рассмотрению влияния на них экзогенных по своей природе коллективных феноменов.

Неоклассическая версия микроэкономики не позволяет объяснять происходящие в экономике сложные процессы создания различных форм экономических взаимодействий. Утвердившийся на основе работ Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона и Э. Острома неоинституциональный подход стал реакцией на необходимость использования институтов в явном виде. Но, вместе с тем, данный подход

возник в рамках неоклассической традиции [8]. Получившие сегодня широкое распространение оценочно-нейтральные версии неоинституциональных описаний развития процессов на разных уровнях экономики осуществляются в рамках неоинституциональной логики, в соответствии с которой институты выступают в качестве основных факторов, определяющих особенности экономического поведения субъектов. Поэтому субъекты являются «узниками» институциональной системы экономики.

В последние десятилетия сформировался неоинституционально-исторический проект исследований (во многом благодаря работам Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста, а также Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсона [11; 1]). Сторонники данного проекта привлекают обширный исторический материал для изучения процессов развития национальных экономик, однако предлагаемая объяснительная схема построена на основе монокаузальной логики, в соответствии с которой институты являются независимыми переменными, а другие социальные феномены рассматриваются только в качестве зависимых, что и порождает одностороннюю интерпретацию процессов экономического развития.

Возникшее в 1930-х гг. разделение экономической теории на микро- и макроэкономику создало только видимость появления альтернативной парадигмы исследования. Фактически, опора на неоклассическую традицию послужила основанием конструирования макротеорий мейнстрима, предусматривающих привлечение агрегированных характеристик в качестве экзогенных институциональных феноменов. Эволюция макротеорий мейнстрима привела к доминированию неоклассической версии макроэкономики, которая основывается на использовании элементов неоклассической и кейнсианской теорий. Современная волна пересмотра макротеорий формируется под влиянием мирового кризиса 2008—2009 гг. в ходе жесткой конфронтации сторонников и противников макротеории мейнстрима и усиления внимания к проблеме микрооснований макроэкономики. Поиск более реалистичных подходов к анализу макропроцессов вызвал рост популярности идей поведенческой экономики, в которой указывается на важность учета разнообразных отклонений от неоклассической версии поведения субъектов. Однако и

предлагаемые новации не затрагивают мотивационного ядра традиционной парадигмы.

Ответом на узкий формализм теорий мейнстрима является проведение исследований в рамках ценностно-ориентированной стратегии сторонниками неортодоксальных школ политической экономики в широком смысле. Неортодоксальные институционалисты (как и марксисты) всегда считали, что в экономической теории требуется изучать системные изменения с помощью институционального анализа, поэтому методологический индивидуализм должен быть дополнен методологическим коллективизмом [15, 127]. Критика неортодоксальными институционалистами неоклассики выступает важной составляющей обоснования необходимости использования иной стратегии исследования институциональной экономики. В поисках более реалистичной стратегии они обращаются к разработкам других социальных дисциплин — социологии, психологии, антропологии, однако при этом им не удалось предложить альтернативу неоклассической методологии, тогда как уже ранние институционалисты применяли ее элементы [23]. В результате исследования стали проводиться на основе ценностно-ориентированной стратегии в рамках дуалистической версии неоклассической парадигмы изучения влияния социальных структур на поведение субъектов экономики, которое определяется (часто молчаливо) эгоистическими мотивами.

Истоки ценностно-ориентированной стратегии восходят к этической традиции Аристотеля, эта традиция воплотилась в учении средневековых схоластов, работах классиков политической экономики и немецкой исторической школы. При этом в классической политэкономии был разработан системный подход, ориентированный на описание эндогенных механизмов развития экономики [3]. В свою очередь, в рамках исторической школы была предложена экзогенная версия описания развития национальных экономик; в ней культурные факторы рассматривались как независимые переменные, причины хозяйственной деятельности и хозяйственной координации [9, 132]. В отличие от ортодоксальной логики неортодоксальный подход, реализованный в работах Т. Веблена, Дж.Р. Коммонса, а также в различных иных неортодоксальных теориях, позволяет

анализировать более широкий спектр социально-экономических проблем и предлагать социально-ориентированные методы их решения.

Неортодоксальные институционалисты исходят из ключевой роли культурных феноменов в социально-экономическом процессе, поэтому для них особое значение приобретают идеи, идеология, ценности и различные нормы [12, 44]. Они указывают на важность возрождения классической традиции, учитывающей влияние моральных мотивов на экономическую деятельность и зависимость ключевых институтов от моральных правил [22]. По мнению Дж. Ходжсона, институциональные исследования следует развивать на основе синтеза элементов институционального подхода Веблена, марксистского и посткейнсианского анализа, а также идей Шмоллера и Коммонса [24]. Неортодоксальные институционалисты анализируют связи изменений власти, институтов и технологий, отмечают конфликтность властных отношений, но не отрицают значимость отношений сотрудничества. Ключевое их микроэкономическое положение состоит в том, что распределение ресурсов и доходов выступает не функцией рынка, а проявлением власти в рыночной экономике. При этом внимание сосредоточивается на том, в чьих интересах происходит распределение ресурсов, доходов и формирование занятости [15].

Неортодоксальные макроэкономические теории активно разрабатываются на основе традиции, заложенной Дж. Кейнсом в русле идей классической политэкономии и исторической школы; в них подвергаются критике ключевые положения неоклассической школы, в том числе теория предельной полезности, факторная теория стоимости и закон Сэя. Поиск более реалистичных описаний макропроцессов посткейнсианцы связывают с переосмыслением микрооснований макроэкономики с учетом неопределенности и сложности социальных взаимодействий. Они обосновывают несостоятельность теорий мейнстрима и неолиберальной политики, необходимость отказа от неолиберального проекта, порождающего обогащение меньшинства за счет большинства и резкое возрастание социально-экономических проблем [21; 25]. Посткейнсианцы предлагают, опираясь на новые ценности и современное видение экономики, перейти к ее новой модели, позволяющей проводить справедливую политику

доходов и успешно бороться с безработицей, финансовой неустойчивостью и структурными диспропорциями.

С позиций либеральных ценностей, еще в период маржиналистского переворота, с критикой неоклассического подхода выступили приверженцы австрийской школы, указывавшие на необходимость изучения экономики с учетом экзогенного влияния социальных факторов. Они исходят из последовательной реализации методологического индивидуализма; в соответствии с данным принципом предпочтения различных людей являются несоизмеримыми, поэтому субъективные оценки не могут быть агрегированы в виде одной рыночной цены или иных коллективных феноменов. В рамках австрийской школы сложилась традиция интерпретации развития экономики как результата культурной эволюции и спонтанной трансформации институтов. При этом отмечается, что представления людей, доставшиеся им как часть культурного наследия общества, и новые идеи, которые становятся общим достоянием, фактически, направляют развитие [16, 145—147]. Неоавстрийцы указывают на социальную опасность методологического холизма как открывающего дорогу к авторитаризму и рабству, при этом их подход связан с абсолютизацией значимости развития экономики на основе свободных рыночных отношений и их институтов.

В рамках ценностно-ориентированной стратегии сегодня сложились различные теории, представители которых считают, что институты функционируют благодаря поддержке данного общества со стороны культурных ценностей; поэтому они зависят от ценностей. На данной основе предлагаются разные исторические теории развития национальных экономик. В наиболее значимой теории, разработанной К. Венцелем и Р. Инглхартом, институциональные изменения объясняются переменами в культурных ценностях общества [5; 6]. Однако при этом, как и в неоинституционально-историческом подходе общественные трансформации интерпретируются на основе моноказуальной логики.

Таким образом, маржиналистский переворот привел к формированию в экономической науке парадоксальной ситуации, которая состоит в том, что при всех различиях конкурирующих подходов они стали конструироваться на основе общего видения экономической реальности, порождающей необходимость использования для

объяснения поведения людей явно или неявно социальные феномены, обладающие экзогенным статусом. Вместе с тем в рамках сложившейся парадигмы сформировались альтернативные стратегии институциональных исследований: в ценностно-нейтральной стратегии институты рассматриваются в качестве основных факторов, определяющих особенности конструирования других коллективных феноменов и экономических процессов, а в ценностно-ориентированной такую роль выполняют ценностно-нормативные представления субъектов.

Пересмотр традиционной парадигмы институциональных исследований

Парадигмальное переосмысление конкурирующих исследовательских стратегий предполагает рассмотрение институционального подхода как специфического направления применения системной методологии. В связи с этим следует учитывать, что уже в рамках классической политэкономии и немецкой исторической школы, сложившихся до маржиналистского переворота, возникла исследовательская традиция, в соответствии с которой институциональный подход рассматривался в качестве основного метода анализа экономики как эволюционирующей сложной системы. Так, Д. Норт отмечал, что в работах К. Маркса представлены первые значимые усилия, направленные на разьяснение развития экономики на основе изучения взаимосвязи институциональных и технологических изменений [10, 168]. Б. Селигмен писал, что уже первые представители исторической школы исходили из необходимости рассмотрения вопроса о том, как возникали и развивались экономические институты [13, 26]. Следуя данной традиции, гетеродоксальные институционалисты (в отличие от представителей мейнстрима) также считают, что институциональный анализ экономики не выступает ее неким дополнительным исследованием [15].

Сегодня в социальных науках институциональные исследования проводятся на основе различных исследовательских программ. При этом понятие «институт» является центральным для всех видов институционального анализа. В рамках неинституционального подхода понимание институтов возникает, исходя из оценочно нейтрального их видения и эгоистической трактовки мотивов поведения

субъектов. Поэтому институты часто рассматриваются только как «правила игры» или «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [10, 17—18].

Для разработки адекватной реальностям парадигмы исследования экономики важно покинуть неоклассическую логику и перейти к логике конструктивизма. Конструктивистский подход, сложившийся в конце XX в. вследствие сдвигов в методологии социального познания, исходит из того, что социальные процессы конструируются в ходе коммуникативных практик ценностно-рациональными субъектами, которые достигают согласия о ценностях и формах коллективных действий с помощью накопленных знаний и диалога. На данной основе возникает более содержательная трактовка институтов. Так, по мнению Ф. О'Хары, институты выступают, прежде всего, как «устойчивые долгосрочные взаимосвязи, определяющие социальное поведение людей» [12, 39]. Н. Флигстин пишет, что институты — это не только правила, но и разделяемые смыслы; о наличии институтов люди знают, или они могут быть осознанны. Институциональные изменения связаны с легитимацией социальных связей и их властной природой, поскольку правила взаимодействия и распределения ресурсов выступают источником власти [20].

Смена парадигмальных рамок исследования экономики предполагает использование идей конструктивистского подхода, а также классической политэкономии, заложившей основы анализа эндогенных механизмов развития институциональной экономики. Исходя из этого становится возможным изучение экономической реальности как части социального мира, ее специфическим содержанием является система экономических отношений, институциональных связей, экономических норм и правил, коллективные и субъективные представления об устройстве экономики, научные и обыденные экономические знания, экономические идеи и ценности, экономические идеологии и мифологии. При этом субъекты экономики выступают как обладающие экономической культурой, которая присутствует в качестве феномена сознания в экономической деятельности и выражает противоречивое единство общесистемных и индивидуальных характеристик экономического мышления и поведения субъектов, что определяет двойственную природу их экономических ценностей, интересов и целей [3].

Предлагаемый подход способствует переориентации исследовательского взгляда на происходящие в экономике процессы исходя из разнообразия и противоречивости экономических мотивов и интересов субъектов, определяющих особенности их поведения и экономических взаимодействий. Он позволяет рассматривать экономические институты как эндогенные феномены, которые выступают в виде относительно устойчивых, существенных связей, складывающихся в ходе экономико-коммуникативных практик на основе достижения ценностного согласия субъектов. Формирование и изменение институциональных связей в экономике происходят под влиянием используемых методов легитимации и построения властных отношений. Эти связи поддерживаются принудительными и побудительными мотивациями и проявляются в разных институциональных формах: нормах, правилах, агрегированных параметрах и др.

Предлагаемый пересмотр парадигмальных рамок позволяет изучать особенности формирования эндогенных механизмов развития национальных экономик, которые возникают в результате достижения ценностно-институционального компромисса в процессе взаимодействия разнородных акторов. При этом становится возможным выйти за рамки моноказуальной логики описания траекторий развития национальных экономик на основе рассмотрения двусторонних, причинно-следственных связей экономических институтов и ценностных ориентаций субъектов, влияние на экономическое развитие которых не является общепринятым [4].

Изменение методологических предпосылок проведения институциональных исследований предполагает переосмысление используемых методов познания трансформирующейся современной глобальной экономики на основе рассмотрения складывающихся на разных ее уровнях противоречивой, эндогенной взаимосвязи ценностных, институциональных и технологических изменений. Сегодня Россия возглавила борьбу стран, которые стремятся сменить утвердившуюся в мире неолиберальную систему институциональных связей и отношений, ориентированную на использование национальных богатств в интересах финансово-олигархических кланов с помощью неокOLONIALных методов и инструментов. В условиях нарастания кризисных процессов в мировой экономике и жесткого санкционного давления на российскую экономику все более необходимой

становится потребность смены сложившейся парадигмы экономического развития на основе отказа от неоклассического восприятия картины экономической реальности. Также невозможно обойтись без формирования, исходя из новых ценностно-нормативных ориентиров, экономических приоритетов развития национальной экономики и гибких институциональных регуляторов, обеспечивающих успешное решение задач структурной трансформации и достижения технологического суверенитета в результате конструирования баланса частных и общих интересов.

Заключение

Ключевые особенности разработки современных стратегий исследования экономики как сложной системы возникли вследствие опоры на дуалистическую парадигму изучения картины экономической реальности. При этом, в отличие от мейнстримовских экономистов, представители неортодоксального институционализма исходят из более широкого видения проблемного поля и предлагают социально-ориентированные методы проведения экономической политики. Вместе с тем конкурирующие в рамках сложившейся парадигмы исследовательские стратегии основываются на использовании утилитаристской трактовки мотивов поведения субъектов экономики и привлечении коллективных феноменов в качестве экзогенных факторов, что порождает исследовательский тупик. Пересмотр парадигмальных рамок компромиссной версии неоклассической парадигмы институциональных исследований предполагает формирование адекватного видения современной экономической реальности на основе использования междисциплинарного конструктивистского подхода и идей классической политэкономии, что будет способствовать разработке стратегии анализа эндогенных механизмов развития экономики, обладающей большим когнитивным потенциалом.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: Изд-во АСТ, 2016.
2. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 73—107.

3. *Бирюков В.В.* Дуалистическая теория стоимости и особенности изучения экономики как сложной системы // *Общество и экономика*. 2021. № 10. С. 20—40.
4. *Бирюков В.В.* Экономическое развитие как системный процессе культурных и институциональных изменений // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 160—176.
5. *Венцель К.* Рождение свободы. М.: Изд-во ВЦМОМ, 2017.
6. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяется человеческие мотивации и как меняется этот мир. М.: Изд-во Мысль, 2019.
7. *Капелюшников Р.* Кто такой homo oeconomicus? // *Экономическая политика*. 2020. Т. 15. № 1. С. 8—39.
8. *Кирдина С.* Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. 2013. № 10. С. 66—89.
9. *Козловски П.* Прощание с марксизмом-ленинизмом: о логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму; Очерки персоналистской философии. СПб.: Экономическая школа, 1996.
10. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Изд-во Фонд экономической книги «Начала», 1997.
11. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
12. *О`Хара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономики // *Вопросы экономики*. 2009. № 12. С. 38—57.
13. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М.: Изд-во Прогресс, 1968.
14. *Сухарев О.С.* Институционализм: расцвет или упадок? // *Общество и экономика*. 2021. № 11. С. 18—43.
15. *Сэмюэлс У.* Институциональная экономическая теория // *Панорама экономической мысли в конце XX в. Т. 1.* СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 125—141.
16. *Хайек Ф.А.* Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018.
17. *Ходжсон Дж.* Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // *Вопросы экономики*. 2008. № 8. С. 45—61.

18. Эрроу К.Дж. К теории ценового приспособления // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 432—447.
19. Arrow K.J. Methodological individualism and social knowledge // American Economic Review (Papers and Proceedings). 1994. Vol. 84. No. 2. P. 1—9.
20. Fligstein N. Architecture of markets: an economic sociology of twenty-first century capitalist societies. Princeton: Princeton University Press, 2001.
21. Galbraith K. The End of Normal. N. Y.; L.: Simon and Schuster, 2015.
22. Hodgson G.M. From Pleasure Mechanics to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus. Chicago and London: Chicago U. P., 2013.
23. Hodgson G.M. On fuzzy frontiers and fragmented foundations: Some reflections on the original and new institutional economics // Journal of Institutional Economics. 2014. Vol. 10. No. 4. P. 591—611.
24. Hodgson G.M. Prospects for institutional research // RAUSP Management Journal. 2019. Vol. 54. No. 1. P. 112—120.
25. Stiglitz J.E. Where modern macroeconomics went wrong // Oxford Review of Economic Policy. 2018. No. 34 (1—2). P. 70—106.

References

1. Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. M.: Izd-vo AST, 2016.
2. Baumol' U. CHego ne znal Al'fred Marshall: vklad XX stoletiya v ekonomicheskuyu teoriyu // Voprosy ekonomiki. 2001. № 2. S. 73—107.
3. Biryukov V.V. Dualisticheskaya teoriya stoimosti i osobennosti izucheniya ekonomiki kak slozhnoj sistemy // Obshchestvo i ekonomika. 2021. № 10. S. 20—40.
4. Biryukov V.V. Ekonomicheskoe razvitie kak sistemnyj processe kul'turnyh i institucional'nyh izmenenij // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 1. S. 160—176.
5. Vencel' K. Rozhdenie svobody. M.: Izd-vo VCMOM, 2017.
6. Inghart R. Kul'turnaya evolyuciya: kak izmenyaetsya che-lovecheskie motivacii i kak menyaetsya etot mir. M.: Izd-vo Mysl', 2019.

7. *Kapelyushnikov R.* Kto takoj homo oeconomicus? // *Ekonomicheskaya politika*. 2020. T. 15. № 1. S. 8—39.
8. *Kirdina S.* Metodologicheskij individualizm i metodologicheskij institucionalizm // *Voprosy ekonomiki*. 2013. № 10. S. 66—89.
9. *Kozlovski P.* Proshchanie s marksizmom-leninizmom: o logike perekhoda ot razvitogo socializma k eticheskomu i demokraticeskomu kapitalizmu; Ocherki personalistskoj filosofii. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1996.
10. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M.: Izd-vo Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997.
11. *Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B.* Nasilie i social'nye poryadki: Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2011.
12. *O'Hara F.* Sovremennye principy neortodoksal'noj politicheskoy ekonomiki // *Voprosy ekonomiki*. 2009. № 12. S. 38—57.
13. *Seligmen B.* Osnovnye techeniya sovremennoj ekonomicheskoy mysli. M.: Izd-vo Progress, 1968.
14. *Suharev O.S.* Institucionalizm: rascvet ili upadok? // *Obshchestvo i ekonomika*. 2021. № 11. S. 18—43.
15. *Semyuels U.* Institucional'naya ekonomicheskaya teoriya // *Panorama ekonomicheskoy mysli v konce XX v. T. 1*. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2002. S. 125—141.
16. *Hajek F.A.* Konstituciya svobody. M.: Novoe izdatel'stvo, 2018.
17. *Hodzhson Dzh.* Instituty i individy: vzaimodejstvie i evolyuciya // *Voprosy ekonomiki*. 2008. № 8. S. 45—61.
18. *Errou K.Dzh.* K teorii cenovogo prispособleniya // *Teoriya firmy*. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1995. S. 432—447.

М.Ю. ПАВЛОВ

**Определение творческой (креативной) деятельности:
экономический подход***

Аннотация. Несмотря на разнообразие определений креативности, в них не прослеживается системности и выделения именно экономических аспектов. Творчество в экономической теории можно рассматривать как «черный ящик». Творение или создание нового для целей экономики необходимо лишь такое, которое увеличивает возможности по созданию, либо распределению, либо обмену, либо потреблению материальных благ, т. е. увеличивает эффективность, результативность названных процессов (создания, распределения, обмена, потребления). Творчество, которое, напротив, уменьшает или оставляет без изменений экономические возможности людей, ни для экономики, ни для менеджмента не представляет ни теоретического, ни практического интереса.

Экономисты и менеджеры востребуют лишь такое создание нового, которое увеличивает их экономические возможности. И именно это принципиально важно для всех определений творчества.

Ключевые слова: креативная экономика, творчество, творческая деятельность, креативный класс.

Abstract. Despite the variety of definitions of creativity, they do not trace the consistency and emphasis of economic aspects. Creativity in economic theory can be considered as a «black box.» creating or creating a new one for the purposes of the economy only needs one that increases the ability to create or distribute or exchange or consume material goods, that is, increases the efficiency, effectiveness of these processes (creation, distribution, exchange, consumption). Creativity, which, on the contrary, reduces or leaves unchanged the economic capabilities of people, is neither theoretical nor practical for the economy nor for management.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов М.Ю. Определение творческой (креативной) деятельности: экономический подход // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 88—97.

Economists and managers will only demand the creation of a new one that increases their economic capabilities. And this is what is fundamentally important for all definitions of creativity.

Keywords: creative economy, creativity, creative activities, creative class.

УДК 330.110.4
ББК 65.011

Экономический рост, экономическое развитие в последние десятилетия, наряду с бурным развитием науки и техники в развитых странах, создали как необходимые предпосылки (возросший платежеспособный спрос), так и (во многом искусственное, форсированное государственными программами стимулирования экономики) увеличение разнообразия производимых благ и услуг, специальностей и профессий, экономических институтов и механизмов. От относительно простого экономика все в большей степени переходит как к сложному производству, так и к сложному потреблению [5—7; 16; 18].

Например, сегодня потребителю услуг мобильного интернета надо совершить многомерный выбор среди смартфонов, затем — среди тарифных планов мобильных операторов, а затем среди множества приложений для смартфонов и подписок на услуги, предоставляемых агрегаторами в интернете. В условиях перенасыщения вариантами выбора, когда потребитель вынужден выбирать из многих сотен, а то и тысяч однотипных товаров, резко выросло значение креативных идей, способствующих скачкообразному повышению спроса на продукцию фирмы, в том числе и путем создания новой продукции или новых способов взаимодействия с потребителями. Возрастание спроса на такие идеи означает возрастание роли креативной (творческой)¹ деятельности в экономике — не только в технологиях материального производства, но и в «технологиях» обмена, распределения и потребления. Правительства, общественные организации — все, кто что-либо предлагает на выбор (как на основе рыночных, так и нерыночных механизмов — в частности,

¹ Здесь и далее слова «творческий» и «креативный» и их производные будут использоваться как синонимы.

правительство может предлагать гражданам делать выбор между услугами в цифровом и в традиционном, нецифровом, формате), также предъявляют все возрастающий спрос на новые решения, чтобы быть востребованными в очень сложной, разнообразной и динамичной экономике.

Специфика креативной экономики обусловлена особенностями творческого труда как базисного детерминанта этой системы. Творческий по содержанию труд обеспечивает преодоление труда как в силу того, что главным «ресурсом» творческой деятельности является знание и другие культурные блага, в креативной экономике изменяется характер затрат и результатов (сокращается доля физически потребляемых средств производства, а результатом становится создание продуктов, потенциально являющихся неограниченными и неконкурентными общественными благами). Труд в таких условиях перестает быть обременением и превращается в самоценность вследствие свойства самомотивации творческой деятельности [14].

Несмотря на разнообразие определений креативности, в них не прослеживается системности и выделения именно экономических аспектов. Внутренней организацией творческого процесса должны заниматься такие науки, как психология, нейрофизиология и др., а для экономической науки вполне достаточно изучения творческого результата, а не самого процесса его получения. Творчество в экономической теории можно рассматривать как «черный ящик». В творческом процессе (иначе говоря, в ходе креативной деятельности) создается новое. С этим согласны авторы всех определений творчества [2—4; 8—12; 15; 19; 20]. Очень важно уточнить, что поскольку экономика имеет прямое отношение к материальным благам, в известном человечеству материальном мире невозможно создание ни большего количества материальных ресурсов (они уже изначально созданы и создаются силами природы, и человечество может увеличить свои возможности лишь посредством познания сил природы), ни большего времени (действует жесткое ограничение — 24 часа в сутки). Поэтому творчество не может создать большего исходного объема для создания материальных благ, а очень жестко лимитировано пространственно-временными рамками. Творчество может лишь изменить возможности использования ограниченных пространственно-временных ресурсов.

Недостаточность и нечеткость существующих определений ярко проявляется в огромном разноплановом множестве характеристик, относящихся к творчеству в экономике, при этом очень нечетких, размытых, неквантифицируемых и нередко опытно невоспроизводимых (невозможно повторить опыт), т. е. не соответствующих строгим научным критериям. Важно сделать самое главное уточнение, которое отсутствует практически в подавляющем большинстве определений творчества: творение, или создание нового, для целей экономики необходимо лишь такое, которое увеличивает возможности по созданию, либо распределению, либо обмену, либо потреблению материальных благ, т. е. увеличивает эффективность, результативность названных процессов (создания, распределения, обмена, потребления). Творчество, которое, напротив, уменьшает или оставляет без изменений экономические возможности людей, ни для экономики, ни для менеджмента не представляет ни теоретического, ни практического интереса [1; 17].

Может иметь место конфликт экономических интересов, как, в частности, выявил Дж. Гэлбрейт характерный для техноструктуры конфликт интересов, при котором наемные менеджеры вступают в скрытый экономический конфликт с собственниками, уменьшая их экономические возможности, поскольку в условиях господства техноструктуры наемные менеджеры заинтересованы лишь в увеличении своих собственных экономических возможностей, как, к примеру, в случае с Кеннетом Лэем и корпорацией «Ergon» (США). Кеннет Лэй вошел в историю как автор печально известной «творческой бухгалтерии», нанесяший своим «творчеством» собственникам (акционерам) и государству огромный ущерб — на миллиарды долларов.

Экономисты и менеджеры востребуют лишь такое создание нового, которое увеличивает их экономические возможности. И именно это принципиально важно для всех определений творчества. Данное утверждение легко доказать от противного, предложив, к примеру, логистической фирме вдвое более долгие способы (при прочих равных) доставки грузов. Это могут быть намного более красивые, интересные, увлекательные и захватывающие способы, но, очевидно, что они не будут приняты, если логистическая фирма, как и любая фирма, ориентированная прежде всего на экономические показатели, заинтересована в максимально возможной экономической

эффективности. Конечно, здесь встает вопрос о рациональном выборе и критериях рациональности, но, даже абстрагируясь от критериев рациональности, можно утверждать, что любой экономический агент нацелен на большую, а не меньшую эффективность достижения своих экономических целей.

В отличие от репродуктивного труда, творческая деятельность обладает резко выраженными внешними эффектами. Хотя в некоторых случаях эти эффекты могут быть отрицательными (к примеру, академик А.Д. Сахаров считал создание термоядерного оружия вредным изобретением, способным вернуть человечество в каменный век или даже вовсе уничтожить жизнь на Земле), в подавляющем большинстве случаев творческая деятельность увеличивает, расширяет возможности всей экономики. Это можно представить в виде сдвига кривой производственных возможностей вправо-вверх.

Таким образом, творчество (креативную деятельность) в экономических категориях можно определить как увеличение (умножение) возможностей людей относительно уже достигнутых возможностей для целей создания, распределения, обмена и потребления материальных благ посредством выраженных положительных внешних эффектов. Ни уменьшение названных возможностей, ни воспроизведение (повторение) уже достигнутых возможностей творчеством (креативной деятельностью) не являются. Другое дело, что многие и даже очень многие результаты креативной деятельности могут увеличить экономические возможности людей в другом месте и в другое время (как, например, изобретения Леонардо да Винчи), но данная тема столь широка, что требует отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи [13].

Определив качественные критерии креативной деятельности, кратко охарактеризуем влияние креативной деятельности на количественные характеристики. Несмотря на то, что творчество (креативная деятельность) означает создание нового, для экономики эта новизна лишь относительна. Можно утверждать, что любая новая продукция или любая новая схема деятельности имеют аналоги для сравнения, причем прежде всего — сравнения количественного. К примеру, аналогом даже полностью роботизированного, пусть даже «беспилотного» экскаватора служит обычная лопата. Экономические потребности, которые удовлетворяет продукт, можно удовлетворить

с помощью другого — аналогичного — продукта. Сложный продукт может иметь сразу целый набор аналогов, но суть от этого не меняется. К примеру, в качестве аналогов смартфона можно назвать телефон, персональный компьютер, фотоаппарат, видеокамеру, будильник, даже карманный фонарик и телевизор. С точки зрения экономики важен результат (эффективность) в целом, а не конкретная техническая реализация. К примеру, если смартфоны оказываются результативнее в информировании о новостях в сравнении с телевизорами, выбор будет сделан в пользу смартфонов.

Развитие индивидуализации производства, производство на заказ, преодоление, благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, разрыву между производителем и потребителем, предъявляют требования не к возможности создания как можно большего количества одинаковых изделий или к удешевлению их тиражирования, а к творческим способностям человека. Креативная деятельность не создает ни новых пространств, ни нового времени. Она создает лишь новые возможности использования того, что уже имеется в существующей Вселенной. При этом главным пространством формирования и воспроизводства человеческого потенциала в креативной экономике становится творческий потенциал человека — от возможности индивидуализации изделий до более глубокого постижения законов природы.

Литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. Андрюхина Л.М. Креативность, креативный капитал и креативные практики в образовании. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019.
3. Байкова Э.Р. Опыт развития креативных индустрий за рубежом // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 1 (163). С. 11—17.
4. Белокрылова О.С., Дубская Е.С. Мировой опыт формирования креативной экономики и возможности его использования в России // Terra economicus. 2013. Т. 11. № 4. Ч. 2. С. 5—11.
5. Бодрунов С.Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое

возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 5—14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14.

6. Бузгалин А.В. Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 109—115.

7. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. 2018. № 2. С. 10—38.

8. Жупарова А.С., Исмаил Г.Ж. Экономика креативных индустрий: сущность и основные характеристики // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2021. № 3. С. 36—45.

9. Левченко Е.А. Креативная экономика, креативное образование и формирование креативной личности // Потребительская кооперация стран постсоветского пространства: состояние, проблемы, перспективы развития: сб. науч. ст. межд. науч.-практич. конф., посвященной 55-летию университета, Гомель, 26—27 сентября 2019 г. Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2019. С. 49—53.

10. Лозина О.И., Рогожникова В.Н., Тутов Л.А. Модель творческого человека в современной экономике: опыт создания // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2020. Т. 12. № 4. С. 7—20.

11. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2011.

12. Махалин В.Н. Государственное регулирование креативной экономики России: креативный климат и креативный класс // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2014. № 17. С. 19—24.

13. Осипов Ю.М. Российский разворот: от не-России к России и от цифромании к человеку // Философия хозяйства. 2019. № 6 (126). С. 11—21.

14. Павлов М.Ю. О методологических аспектах определения креативного класса на основе содержания труда // Философия хозяйства. 2021. № 3. С. 65—73.

15. *Павлов М.Ю.* Творческий потенциал человека: Вызов для современной экономической теории // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2019. № 1. С. 11—16.
16. *Павлов М.Ю.* Трансформация характера взаимодействия между трудом и капиталом в условиях четвертой индустриальной революции // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. С. 71—82.
17. *Пороховский А.А.* Человек и робот: технологизация versus гуманизация экономики // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 39—47.
18. *Пороховский А.А.* Цифровизация и производительность труда // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 8. С. 5—24.
19. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005.
20. *Яковлева Н.Г.* Государственная образовательная политика в эпоху креативной революции: цели и ресурсы // Философия хозяйства. 2019. № 6. С. 86—99.

References

1. *Avtonomov V.S.* Model' cheloveka v ekonomicheskoy nauke. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1998.
2. *Andryuhina L.M.* Kreativnost', kreativnyj kapital i kreativnye praktiki v obrazovanii. Ekaterinburg: Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet, 2019.
3. *Bajkova E.R.* Opyt razvitiya kreativnyh industrij za rubezhom // Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal. 2022. № 1 (163). С. 11—17.
4. *Belokrylova O.S., Dubskaya E.S.* Mirovoj opyt formirovaniya kreativnoj ekonomiki i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v Rossii // Terra economicus. 2013. Т. 11. № 4. Ch. 2. С. 5—11.
5. *Bodrunov S.D.* Genezis noonomiki: NTP, diffuziya sobstvennosti, socializaciya obshchestva, solidarizm // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2021. № 1 (67). С. 5—14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14.

6. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya revolyuciya transformiruet rynok i otnosheniya sobstvennosti // *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*. 2021. № 1. S. 109—115.
7. *Buzgalin A.V.* Pozdnij kapitalizm i ego predely: dialektika proizvoditel'nyh sil i proizvodstvennyh otnoshenij (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2018. № 2. S. 10—38.
8. *ZHuparova A.S., Ismail G.ZH.* Ekonomika kreativnyh industrii: sushchnost' i osnovnye harakteristiki // *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*. 2021. № 3. S. 36—45.
9. *Levchenko E.A.* Kreativnaya ekonomika, kreativnoe obrazovanie i formirovanie kreativnoj lichnosti // *Potrebitel'skaya kooperaciya stran postsovetskogo prostranstva: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya: sb. nauch. st. mezhd. nauch.-praktich. konf., posvyashchennoj 55-letiyu universiteta, Gomel', 26—27 sentyabrya 2019 g. Gomel': Belorusskij trgovovo-ekonomicheskij universitet potrebitel'skoj kooperacii*, 2019. S. 49—53.
10. *Lozina O.I., Rogozhnikova V.N., Tutov L.A.* Model' tvorcheskogo cheloveka v sovremennoj ekonomike: opyt sozdaniya // *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal ekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova*, 2020. — T. 12. № 4. — S. 7—20.
11. *Lendri CH.* Kreativnyj gorod. M.: Klassika-XXI, 2011.
12. *Mahalin V.N.* Gosudarstvennoe regulirovanie kreativnoj ekonomiki Rossii: kreativnyj klimat i kreativnyj klass // *Ekonomika i upravlenie: analiz tendencij i perspektiv razvitiya*. 2014. № 17. S. 19—24.
13. *Osipov YU.M.* Rossijskij razvorot: ot ne-Rossii k Rossii i ot cifromanii k cheloveku // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 6 (126). S. 11—21.
14. *Pavlov M.YU.* O metodologicheskikh aspektah opredeleniya kreativnogo klassa na osnove soderzhaniya truda // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 3. S. 65—73.
15. *Pavlov M.YU.* Tvorcheskij potencial cheloveka: Vyzov dlya sovremennoj ekonomicheskoy teorii // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika i upravlenie*. 2019. № 1. S. 11—16.

16. Pavlov M.YU. Transformaciya haraktera vzaimodejstviya mezhdru trdom i kapitalom v usloviyah chetvertoj industrial'noj revolyucii // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2020. № 2. S. 71—82.
17. Porohovskij A.A. Chelovek i robot: tekhnologizaciya versus gumanizaciya noonomiki // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2021. № 1 (67). S. 39—47.
18. Porohovskij A.A. Cifrovizaciya i proizvoditel'nost' truda // SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2019. T. 49. № 8. S. 5—24.
19. Florida R. Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee. M.: Klassika-XXI, 2005.
20. YAkovleva N.G. Gosudarstvennaya obrazovatel'naya politika v epohu kreativnoj revolyucii: celi i resursy // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 6. S. 86—99.

А.В. ОРЛОВ

Социально-экономические проблемы рынка ПЦР-тестов*

Аннотация. Цель работы заключается в анализе тенденций функционирования в России рынка ПЦР-тестов для диагностики «SARS-CoV-2». Главным образом, в статье анализируются проблемы современного состояния рынка диагностических реактивов, изучаются особенности современного состояния рынка ПЦР-тестов для диагностики «SARS-CoV-2», уточняется влияние на него пандемии COVID-19. Для этого был проведен комплексный анализ данных сайтов «Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения», «Федеральной налоговой службы РФ» и «Единой информационной системы в сфере закупок». Особое внимание уделяется развитию рынка ПЦР-тестов в допандемийный и пандемийный периоды,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Орлов А.В. Социально-экономические проблемы рынка ПЦР-тестов // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 97—112.

определены факторы влияния на функционирование и развитие рынка как положительного, так и негативного характера. Результаты исследования расширяют представления о методике получения данных о рынке ПЦР-тестов для диагностики коронавируса, а также позволяют судить о современных тенденциях этого рынка. По результатам теоретического и аналитического исследования можно сделать вывод о том, что структура рынка ПЦР-тестов для диагностики «SARS-CoV-2» подвержена динамичным изменениям, на которые влияют внешнеполитические изменения, распространение коронавирусной инфекции, действия регулятора, инвестиции в инновационные разработки.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, вакцинация, рынок ПЦР-тестов для диагностики SARS-CoV-2, in vitro диагностика.

Abstract. The purpose of the work is to analyze the trends in the functioning of the market of PCR tests for the diagnosis of the «SARS-CoV-2» in Russia. The article mainly analyzes the problems of the current state of the market of diagnostic reagents, studies the features of the current state of the market of PCR tests for the diagnosis of «SARS-CoV-2», clarifies the impact of the COVID-19 pandemic on it. For this purpose, a comprehensive analysis of the data of the websites of the Federal Service for Supervision in the Field of Healthcare, the Federal Tax Service of the Russian Federation and the Unified Information System in the field of procurement was carried out. Special attention is paid to the development of the PCR test market in the pre-pandemic and pandemic period, the factors influencing the functioning and development of the market, both positive and negative, are determined. The results of the study expand the understanding of the methodology for obtaining data on the market of PCR tests for the diagnosis of coronavirus, and also allow us to judge the current trends in this market. Based on the results of theoretical and analytical research, it can be concluded that the market structure of PCR tests for the diagnosis of the «SARS-CoV-2» is subject to dynamic changes, which are influenced by foreign policy changes, the spread of coronavirus infection, the actions of the regulator, investments in innovative developments.

Keywords: coronavirus pandemic, vaccination, market of PCR tests for the diagnosis of SARS-CoV-2, in vitro diagnostics.

УДК 338.4
ББК 65.2/4

Актуальность

На современном этапе социально-экономического развития Российской Федерации растет научный интерес к проблематике исследования рынков диагностических реагентов — *in vitro* диагностике. Особенно наглядно данная тенденция проявила себя в 2020 г.

По товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности («ТНВЭД 3822000000») показатель импорта «Реагенты диагностические или лабораторные на подложке, готовые диагностические или лабораторные реагенты на подложке или без нее, кроме товаров товарной позиции 3002 или 3006; сертифицированные эталонные материалы» в 2021 г. составил 51,5 млн упаковок (46% продаж в России) [4]. При этом, в 2021 г. в России было продано диагностических реагентов в 1,5 раза больше (111,5 млн упаковок), чем в 2020 г. (75,6 млн упаковок) [6]. Главное объяснение: вызванное действием Правительства РФ повышение объемов тестирования на фоне роста заболеваемости коронавирусом в стране. Санкции и негативные внешнеполитические связи РФ с остальными странами определяют вероятность наступления логистических рисков и рисков удорожания ПЦР-тестов.

Рынок диагностических реагентов *in vitro* представлен различными сегментами. Одним из таких сегментов является рынок тестов для определения заболеваний методом полимеразной цепной реакции (далее — ПЦР-тестов), позволяющим диагностировать наличие вирусов в организме человека. Тенденции производства и сбыта в данном сегменте за короткий отрезок времени характеризуются динамическими изменениями, представляющими значительный интерес для экономической науки.

В рамках данной публикации ставилась задача изучения рынка ПЦР-тестов именно на примере тестов, используемых для диагностики «SARS-CoV-2». Следует подчеркнуть, что функционирование данного рынка сопровождается целый комплекс социально-экономических проблем. Так, например, социальную напряженность вызывают рост цен на ПЦР-тесты для диагностики коронавируса, а также достоверность исследований — как ложноположительных, так и

ложноотрицательных. Отмечается, что в стране развит теневой рынок «нужных результатов» по ПЦР-тесту на коронавирус. Растет посредническая индустрия по забору биоматериалов, но стоимость подобных тестов не сопоставима с реальной закупочной ценой на них. Эксперты отмечают, что рынок ПЦР-тестов, используемых для диагностики «SARS-CoV-2», в настоящее время не регулируется должным образом со стороны государства (в частности, такими структурами как: Роспотребнадзор, ФАС, Росздравнадзор), поэтому цены на них не снижаются [13].

Распространение коронавирусной инфекции как в мире, так и в Российской Федерации определило необходимость в разработке тестов для определения в организме наличия вируса и анализа состояния человека после этой болезни. Высокая точность определения наличия вирусных инфекций предопределила повышенный спрос на ПЦР-тесты. Сказанное подтверждается статистикой: в 2020 г. было произведено 108,2 млн ПЦР-тестов для диагностики «SARS-CoV-2»; в 2021 г. — 121,2 млн ПЦР-тестов [5]. Прогнозировалось, что в 2022 г. производство данных изделий сократится на 36% и составит не более 77,6 млн штук. Тем не менее, серьезное влияние на спрос оказало администрирование со стороны государственных властей, требующих диагностику отрицательного результата на ПЦР-тест [2]. Также, по оценкам маркетологов, прогнозные значения производства «ковид-тестов» с 2023 по 2025 гг. сохраняют стабильные значения — 61—62 млн ПЦР-тестов в год [2]. Это означает, что благодаря вакцинации населения страны рост заболеваемости будет сдерживаться, и спрос на такие диагностические реагенты упадет почти на 50% [5].

Актуальность проводимого исследования заключается в том, что пандемия коронавируса дала импульс развитию производства и сбыта ПЦР-тестов, активизировала роль государственных институтов в регулировании данного рынка и частного бизнеса в организации обслуживания населения, что требует внимательного изучения тенденций и ключевых показателей развития рынка с позиций экономической науки, а также факторов влияния на этот рынок.

Цель статьи заключается в анализе тенденций функционирования в России рынка ПЦР-тестов для диагностики «SARS-CoV-2».

Методика

Рынок ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» является одним из наименее изученных в среде исследователей проблем экономики. Анализ достоверности представленных результатов базируется на методах анализа статистических данных [8].

Дополняют основные представления о данных по рынку ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» методы теоретического анализа научной литературы, а также мнений профильных экспертов и крупных участников рынка, где дается оценка развитию рынка за период 2010—2020 гг.

Следует подчеркнуть, методику отбора необходимых данных по рынку ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» отличает сложная, поэтапная исследовательская процедура:

- 1) систематизировалась номенклатура компаний, которые зарегистрировали тест-системы на Росздравнадзоре, и отбирались данные на сайте организации;
- 2) на сайте «Федеральной налоговой службы» систематизировались компании-производители тест-систем, которые либо ликвидированы, либо действующие;
- 3) на сайте единой информационной системы в сфере закупок были отобраны и систематизированы данные по сделкам, касающимся ПЦР-тестов (аукционы, результаты определения поставщика, контракты и др. процедуры).

После этих процедур данные по рынку за 2021 г. вносились в таблицы «Excel», где проводилась дополнительная обработка данных, и была получена дополнительная информация в виде диаграмм и таблиц.

Дискуссии

Различные аспекты исследования рынка ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» находится в фокусе внимания отдельных исследователей — А.А. Горбунова, Л.Е. Сорокиной, Д.В. Чегодарь, И. Широкова, А.В. Самойлова и др. При этом, непосредственно в большинстве данных исследований рынок ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» не упоминается, а речь больше идет про рынок диагностических реагентов, в том числе в период распространения коронавируса.

Интересным с точки зрения экономической науки является анализ тенденций рынка, проведенный И. Широковой (2010). Автор указывала, что на тот момент 90% рынка диагностических услуг был представлен государственными учреждениями (по состоянию на 2022 г. — наоборот — преобладают частные организации). Автор отмечает, что рост рынка диагностических реагентов отчасти обусловлен реализацией франчайзинговой программы по стандартам *in vitro* в регионах. Особенностью рынка диагностических реагентов в 2010 г. было наличие так называемых лабораторий-«призраков», принимающих анализы у клиентов: не имея своего диагностического оборудования подобные недобросовестные компании передавали диагностические материалы для других лабораторий. Подобный недобросовестный аутсорсинг подрывает конкуренцию с добросовестными участниками рынка. Другой тенденцией на рынке диагностических реагентов 2010-х было участие страховых организаций в выборе медицинского диагностического центра при обслуживании корпоративных клиентов по программам добровольного медицинского страхования [15].

Так, А.В. Обухов и А.А. Обухов (2013) предлагают диагностические подходы к анализу рынка диагностических тест-систем класса *in vitro* в г. Новосибирске [11]. Авторы подчеркивают, что особенности конкуренции между участниками рынка диагностических реагентов (ПЦР, ИФА и др.) определяют требования Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44—ФЗ (ред. 14.07.2022). Для этого законодательство предписывает проведение конкурсных процедур (аукционов, тендеров) для выбора контрагента на основе критерия меньшей цены. Данное условие, по мнению исследователей, детерминирует поиск новых стратегий продвижения продукта за счет снижения издержек при одновременном поддержании либо усовершенствовании качества диагностических тест-систем медицинского назначения. Авторы обращают внимание, что российский рынок тест-систем представлен как производителями, так и дистрибьюторами, олицетворяющими экономические интересы зарубежных производителей. В качестве основного метода изучения рынка диагностических реагентов исследователи выбрали индекс Херфиндаля — Хиршмана и индекс концентрации. Анализ

данных позволил установить, что рынок диагностических реагентов относится к категории высококонцентрированных, что позволяет злоупотреблять крупным игрокам своим положением и влиять на цены, нарушать конкурентные модели функционирования рынка.

С динамичным распространением коронавирусной инфекции в России повысилась роль Росздравнадзора для мониторинга диагностических исследований на определение коронавирусной инфекции. Объектом мониторинга стали: время, потраченное на диагностику; количество реактивов; недостаточная достоверность тестов ПЦР и рост цен на них; отказ в диагностике и др.; нарушение контрактных обязательств поставщиками или несвоевременное заключение контрактов с ними. В своей публикации А.В. Самойлова (2020) подчеркивает, что приобретенный в период пандемии Росздравнадзором регуляторный опыт оказал значительное влияние на рынок ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» и выработку механизмов обеспечения их доступности [12]. Этому способствовали ускоренная государственная регистрация препаратов для профилактики и лечения от коронавируса (всего зарегистрировано 221 изделие для диагностики *in vitro*), а также дистанционная торговля лекарственными и диагностическими препаратами в сети Интернет. Таким образом, можно говорить о значительной трансформации рынка ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» в период пандемии коронавируса.

Для борьбы с коронавирусом особое значение приобретает внедрение быстрых и валидных методов диагностики. Обращая на это внимание, коллектив исследователей под руководством И.И. Фомочкиной подчеркивает важность применения метода полимеразной цепной реакции как «золотого стандарта диагностики». При этом авторы подчеркивают, что производство в отрасли новых диагностических реагентов в условиях пандемии коронавируса динамично развивается. Ведутся разработки на основе иммуноферментного анализа, но они не лишены недостатков [7].

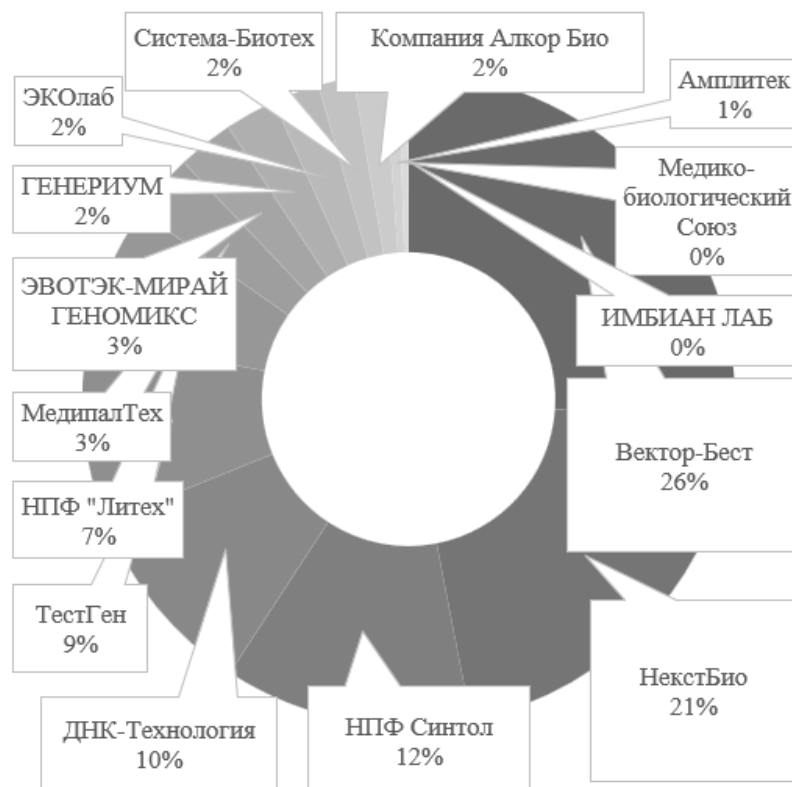
ПЦР-тесты относятся к категории «Реагенты диагностические или лабораторные на подложке, готовые диагностические или лабораторные реагенты на подложке или без нее, кроме товаров товарной позиции 3002 или 3006; сертифицированные эталонные материалы (по 31.12.2021)». Российская Федерация производит ПЦР-тесты и сбывает их как на внутреннем рынке, так и экспортирует в различные

страны мира. Набор реагентов для *in vitro* качественного обнаружения РНК SARS-CoV-2 в условиях пандемии пользуется значительным спросом. Следует учитывать и другие тесты — ПЦР-тесты существуют на иные виды исследований: ВИЧ, гепатит, сифилис и пр. Данная статья ограничивается оценкой именно рынка ПЦР-тестов для диагностики SARS-CoV-2.

За 2019—2020 гг. динамика продаж диагностических реагентов выросла на 15% (75,6 млн упаковок) на фоне пандемии коронавируса, что требовало увеличения производства ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» [1].

Контракты заключены не только с производителями, но и с дистрибьюторами. Производитель был определен на основании технического задания (указанного на основании инструкции по применению) в аукционной документации и закрывающих документах (накладные, акты приема-передачи и пр.). На основе полученных данных сайта государственных закупок справочно установлено, что наибольшая доля производства ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» приходится на 56 российских регионов — сумма контрактов, заключенных с производителями и дистрибьюторами ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» составила 6 199 590 973 р. [9]. Наиболее полно данные представлены в табл. 1 и на рис. 1.

Анализ доли производства ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» показывает, что в первые топ-5 компаний-производителей входят «Вектор-Бест» — 26%, «НекстБио» — 21%, НПФ «Синтол» — 12%, «ДНК-Технология» — 10% и «ТестГен» — 9%. Основная информация по компаниям, которые зарегистрировали тест-системы, находится на сайте Росздравнадзора [8]. Всего в России зарегистрировано 32 предприятия, занимающихся производством вышеуказанной продукции. Данные организации получили регистрационное удостоверение на ПЦР-тесты «SARS-CoV-2»; из них 6 государственных и 26 частных [14]. При этом, согласно данным Росздравнадзора, за все время 64 организации получали регистрационные удостоверения на ПЦР-тесты (все возможные, не только SARS-CoV-2), из них 14 государственных и 50 частных.

Составлено автором на основе данных сайта Госзакупок.

Рис. 1. Производители ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» в Российской Федерации: анализ доли производства в 2021 г.

На топ-5 компаний приходится 78,07% всех контрактов (или 4,84 млрд р.) на производство ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» (Россия): «Вектор-Бест» — 1,61 млрд р.; «НекстБио» — 1,29 млрд р.; НПФ «Синтол» — 0,76 млрд р.; «ДНК-технология» — 0,59 млрд р.; «Тест-Ген» — 0,56 млрд р. [9]. Согласно государственному реестру медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий Росздравнадзора, совокупное количество предприятий

составляет 32 компании, работающие во всех федеральных округах [8]. Основной потребитель этих тестов — государственные автономные и бюджетные учреждения здравоохранения, исследовательские лаборатории.

Таблица 1

Производство ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» в Российской Федерации в 2021 г.: крупные производители и суммы контрактов

<i>Производители</i>	<i>Суммы контрактов</i>
Вектор-Бест	1 617 818 136 Р
НекстБио	1 292 488 843 Р
НПФ Синтол	761 110 018 Р
ДНК-Технология	599 903 713 Р
ТестГен	568 829 209 Р
НПФ «Литех»	411 301 606 Р
МедипалТех	198 404 482 Р
ЭВОТЭК-МИРАЙ ГЕНОМИКС	171 767 117 Р
ГЕНЕРИУМ	157 191 479 Р
ЭКОлаб	144 649 587 Р
Система-Биотех	108 478 679 Р
Компания Алкор Био	95 890 396 Р
Амплитек	42 317 861 Р
Медико-биологический Союз	27 203 318 Р
ИМБИАН ЛАБ	2 236 528 Р
Итого	6 199 590 973 Р

Источник: составлено автором на основе данных сайта Госзакупок.

Российские производители делят рынок страны с зарубежными импортерами ПЦР-тестов «SARS-CoV-2». Данные по импорту тестов представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Импорт ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» в Россию в 2021 г.:
зарубежные производители и страны**

<i>Название производителя</i>	<i>Страна</i>
Roche Diagnostics GmbH	Германия
Bio-Rad	Франция
ООО «Альгимед Техно»	Белоруссия
Wallac Oy	Финляндия
Nanjing Vazyme Medical Technology Co., Ltd.	Китай
Bioneer Corporation	Корея
Life Technologies Corporation	США
Jiangsu Biopurfectus Technologies Co., Ltd.	Китай
Sentinel CH S.p.A	Италия
Procomcure Biotech GmbH	Австрия
Shenzhen Lifotronic Technology Co., Ltd.	Китай
Cepheid	США
Hunan Runmei Gene Technology Co., Ltd.	Китай

Источник: составлено автором на основе данных Государственного реестра медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий Росздравнадзора.

Поставки в Россию импортных реактивов осуществляются главным образом через дистрибьюторов. По состоянию на 2022 г. можно выделить 13 зарубежных предприятий из 9 стран, экспортирующих в Россию ПЦР-тесты «SARS-CoV-2». Отдельно следует подчеркнуть, значительная доля импорта принадлежит ООО «Альгимед Техно» (Белоруссия), которая составляет 3%, или 214 306 324 р. на

российском рынке. Импортные поставки обеспечивают страны Азии, Европы, Северной Америки. Оценить совокупный объем импорта конкретно ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» не представляется возможным, так как не ведется специальный учет. Анализ тенденций показывает, что доля импорта диагностических реагентов ежегодно сокращается. Ускоряют тенденцию импортозамещения инвестиции в основной капитал.

Выводы

Подведение итогов статьи позволяет заключить, что пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на структурные изменения рынка ПЦР-тестов «SARS-CoV-2». Данный вывод строится на материалах исследований других исследователей, уделивших внимание рынку диагностических реагентов как в «допандемийный» период, так и в период пандемии коронавируса.

Установлено, что в допандемийный период больше всего на рынок диагностических реагентов оказывали влияние недобросовестная конкуренция, деятельность страховых организаций, изменения в законодательстве, стратегия продвижения продукта и высокая концентрированность рынка.

В период пандемии коронавируса на рынок оказали влияние такие факторы, как задержки в поставках по причине логистических сбоев, нарушение контрактных обязательств, низкая достоверность и скорость диагностических тестов, ускоренная государственная регистрация диагностических препаратов, развитие онлайн-торговли и ведение инновационных разработок в отрасли производства диагностических реагентов.

Анализ исследовательских работ показывает, что изменения коснулись практики регулирования рынка (выросла роль Росздравнадзора, обновилось законодательство), производства (в общей структуре преобладают частные организации), сбыта ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» (онлайн-торговля изменила подходы к сбыту).

Анализ данных, проведенный непосредственно автором исследования, показывает, что в разрезе 56 регионов сумма контрактов, заключенных с российскими производителями и дистрибьюторами ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» составила 6 199 590 973 р. Производством занимается 32 предприятия, 26 из которых частные

организации, имеющие регистрационные удостоверения на ПЦР-тесты «SARS-CoV-2». На топ-5 компаний приходится 78,07% всех контрактов (или 4,84 млрд р.) на производство ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» (Россия). Российские производители делят рынок страны с зарубежными импортерами ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» — 13 предприятий из 9 стран. Значительная доля импорта ПЦР-тестов «SARS-CoV-2» принадлежит ООО «Альгимед Техно» (Белоруссия), которая составляет 3%, или 214 306 324 р., на российском рынке.

Литература

1. Анализ рынка диагностических реагентов в России в 2017—2021 гг., прогноз на 2022—2026 гг. Потенциал импортозамещения и новые рынки сбыта // Marketing.rbc: URL: <https://marketing.rbc.ru/research/27255/> (дата обращения: 04.09.2022).
2. Анализ рынка тестов для выявления коронавируса в России в 2020 г., прогноз на 2021—2025 гг. // BusinesStat: URL: <https://marketing.rbc.ru/research/46322/> (дата обращения: 12.08.2022).
3. Аналитики назвали препятствия для импортозамещения диагностических реагентов // Медвестник: URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Analitiki-nazvali-prepyatstviya-dlya-importozamesheniya-diagnosticheskikh-reagentov.html> (дата обращения: 20.08.2022).
4. Внешняя торговля России реагентами диагностическими или лабораторными, на подложке и приготовленными диагностическими или лабораторными реагенты на подложке или без нее кроме товаров товарной позиции 3002 и 3006 // Статистика внешней торговли России. Анализ онлайн: URL: <https://statimex.ru/statistic/3822000000/oborot/2020-2021/world/RU/> (дата обращения: 04.09.2022).
5. Горбунов А.А., Сорокина Л.Е., Чегодарь Д.В., Кубышкин А.В., Фомочкина И.И. Диагностика COVID-19: современное состояние проблемы и перспективы отрасли // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. 2020. № 2. С. 69—77.
6. Государственный реестр медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий // Росздравнадзор:

URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/misearch/> (дата обращения: 04.09.2022).

7. В 2020 г. в России было выпущено 108,2 млн тест-систем для выявления коронавируса: URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12848/> (дата обращения: 12.08.2022).

8. В 2021 г. продажи диагностических реагентов в России выросли в 1,5 раза до 112 млн упаковок. Основным фактором роста стало увеличение объемов тестирования на ковид: URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/13416/> (дата обращения: 04.09.2022).

9. Закупки. SARS-CoV-2. Результат поиска: более 4800 записей // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок: URL: https://zakupki.gov.ru/epz/order/extendedsearch/results.html?searchString=SARS-CoV-2&morphology=on&search-filter=%D0%94%D0%B0%D1%82%D0%B5+%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F&pageNumber=1&sortDirection=false&recordsPerPage=_10&showLotsInfoHidden=false&sortBy=UPDATE_DATE&fz44=on&fz223=on&af=on&ca=on&pc=on&pa=on¤cyIdGeneral=-1 (дата обращения: 18.09.2022).

10. Мингазов С. Россияне в разы чаще стали сдавать ПЦР-тесты на коронавирус в частных клиниках // Forbes: URL: <https://www.forbes.ru/biznes/443307-rossiane-v-razy-case-stali-prohodit-pcr-testy-v-castnyh-klinikah> (дата обращения: 12.08.2022).

11. Обухов А.В., Обухов А.А. Обзор новосибирского рынка медицинских лабораторно-диагностических тест-систем // Вестник новых медицинских технологий. 2013. № 3. С. 164—167.

12. Самойлова А.В. Роль Росздравнадзора в обеспечении качественной и безопасной медицинской помощи в период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Национальное здравоохранение. 2020. № 1. С. 16—22.

13. Соков А., Сенькин С. 150 рублей заводу и 1500 — на карман: Почему люди вынуждены переплачивать за ПЦР-тесты // Life: <https://life.ru/p/1465618> (дата обращения: 22.09.2022).

14. Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП в электронном виде // Сайт Федеральной налоговой службы РФ: URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 04.09.2022).

15. Широкова И. Медицинская диагностика: реалии отечественного рынка // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2010. № 10. С. 7—13.

References

1. Analiz rynka diagnosticheskikh reagentov v Rossii v 2017—2021 gg., prognoz na 2022—2026 gg. Potencial importozameshcheniya i novye rynki sbyta // Marketing.rbc: URL: <https://marketing.rbc.ru/research/27255/> (data obrashcheniya: 04.09.2022).
2. Analiz rynka testov dlya vyyavleniya koronavirusa v Rossii v 2020 g., prognoz na 2021—2025 gg. // BusinesStat: URL: <https://marketing.rbc.ru/research/46322/> (data obrashcheniya: 12.08.2022).
3. Analitiki nazvali prepyatstviya dlya importozameshcheniya diagnosticheskikh reagentov // Medvestnik: URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Analitiki-nazvali-prepyatstviya-dlya-importozamesheniya-diagnosticheskikh-reagentov.html> (data obrashcheniya: 20.08.2022).
4. Vneshnyaya trgovlya Rossii reagentami diagnosticheskimi ili laboratornymi, na podlozhke i prigotovlennymi diagnosticheskimi ili laboratornymi reagenty na podlozhke ili bez nee krome tovarov tovarnoj pozicii 3002 i 3006 // Ctatistika vneshnej trgovli Rossii. Analiz onlajn: URL: <https://statimex.ru/statistic/3822000000/oborot/2020-2021/world/RU/> (data obrashcheniya: 04.09.2022).
5. Gorbunov A.A., Sorokina L.E., CHegodar' D.V., Kubyshkin A.V., Fomochkina I.I. Diagnostika COVID-19: sovremennoe sostoyanie problemy i perspektivy otrasli // Krymskij zhurnal eksperimental'noj i klinicheskoy mediciny. 2020. № 2. S. 69—77.
6. Gosudarstvennyj reestr medicinskih izdelij i organizacij (individual'nyh predprinimatelej), osushchestvlyayushchih proizvodstvo i izgotovlenie medicinskih izdelij // Roszdravnadzor: URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/misearch/> (data obrashcheniya: 04.09.2022).
7. V 2020 g. v Rossii bylo vypushcheno 108,2 mln. test-sistem dlya vyyavleniya koronavirusa: URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12848/> (data obrashcheniya: 12.08.2022).
8. V 2021 g. prodazhi diagnosticheskikh reagentov v Rossii vyrosli v 1,5 raza do 112 mln upakovok. Osnovnym faktorom rosta stalo

увеличение об'ёмов тестирования на ковид: URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/13416/> (дата обращения: 04.09.2022).

9. Zakupki. SARS-CoV-2. Rezul'tat poiska: bolee 4800 zapisej // Oficial'nyj sajt Edinoj informacionnoj sistemy v sfere zakupok: URL: https://zakupki.gov.ru/epz/order/extendedsearch/results.html?searchString=SARS-CoV-2&morphology=on&search-filter=%D0%94%D0%B0%D1%82%D0%B5+%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F&pageNumber=1&sortDirection=false&recordsPerPage=_10&showLotsInfoHidden=false&sortBy=UPDATE_DATE&fz44=on&fz223=on&af=on&ca=on&pc=on&pa=on&cyIdGeneral=-1 (дата обращения: 18.09.2022).

10. *Mingazov S.* Rossiyanе v razy chashche stali sdavat' PCR-testy na koronavirus v chastnyh klinikah // Forbes: URL: <https://www.forbes.ru/biznes/443307-rossiane-v-razy-case-stali-prohodit-pcr-testy-v-castnyh-klinikah> (дата обращения: 12.08.2022).

11. *Obuhov A.V., Obuhov A.A.* Obzor novosibirskogo rynka medicinskih laboratorno-dagnosticheskikh test-sistem // Vestnik novykh medicinskih tekhnologij. 2013. № 3. S. 164—167.

12. *Samojlova A.V.* Rol' Roszdravnadzora v obespechenii kachestvennoj i bezopasnoj medicinskoj pomoshchi v period rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) // Nacional'noe zdravoohranenie. 2020. № 1. S. 16—22.

13. Sokov A., Sen'kin S. 150 rublej zavodu i 1500 — na karman: Pochemu lyudi vynuzhdeny pereplachivat' za PCR-testy // Life: <https://life.ru/p/1465618> (дата обращения: 22.09.2022).

14. Predostavlenie svedenij iz EGRYUL/EGRIP v elektronnom vide // Sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby RF: URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 04.09.2022).

15. *SHirokova I.* Medicinskaya diagnostika: realii otechestvennogo rynka // Remedium. Zhurnal o rossijskom rynke lekarstv i medicinskoj tekhnike. 2010. № 10. S. 7—13.

И.В. МАНАХОВА, М.Р. САВЧУК

Риски киноиндустрии в условиях глобальной дивергенции*

Аннотация. В статье исследуются тенденции развития киноиндустрии в условиях глобальной дивергенции. Рассматриваются основные риски и перспективы развития отрасли кинобизнеса в сложившийся период. Особое внимание уделяется мерам государственной поддержки отечественной киноиндустрии.

Ключевые слова: глобальная дивергенция, киноиндустрия, риски спроса, риски предложения.

Abstract. The article examines the trends in the development of the film industry in the context of global divergence. The main risks and prospects for the development of the film business industry in the current period are considered. Special attention is paid to measures of state support of the domestic film industry.

Keywords: global divergence, film industry, demand risks, supply risks.

УДК 7.05, 330
ББК 85.7

Введение

Противоречивое восстановление экономики после кризиса, вызванного пандемией COVID-19, чревато углублением глобальных разногласий в то время, когда государства и международное сообщество срочно нуждаются в сотрудничестве для устранения глобальных рисков. Экономические последствия пандемии усугубляются дисбалансами на рынке труда, протекционизмом и расширением пробелов в области цифровых технологий, образования и культуры, геополитической напряженностью, которые рискуют разделить мир по разным траекториям, вызывая *глобальную дивергенцию*. Это нарушает мегаэкономическое равновесие, предопределяет напряженность, которая возникнет в результате расхождения траекторий и подходов

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Манахова И.В., Савчук М.Р. Риски киноиндустрии в условиях глобальной дивергенции // *Философия хозяйства*. 2022. № 5. С. 113—124.

внутри стран и между ними, провоцируя новые вызовы и риски глобального масштаба. Сбои в цепочках поставок, инфляция, задолженность, разрывы на рынке труда и социально-экономическое неравенство приводят мировую экономику в неустойчивое состояние, в котором необходимо будет ориентироваться, чтобы восстановить социальную сплоченность, повысить занятость и благосостояние.

Глобальная дивергенция усложняет международное сотрудничество необходимое как для устранения ухудшающихся социальных последствий, так и для управления миграционными потоками, а также борьбы с опасными кибер-рисками и повышенной уязвимостью в инфопространстве. Необходимы усиление барьеров для международной мобильности, восстановление доверия и укрепление сотрудничества внутри стран, что будет иметь существенное значение для решения этих проблем, предотвратит дальнейшее отдаление мировых держав друг от друга и обеспечит безопасность как национального, так и планетарного масштаба.

Важную роль в этом процессе играют культура и искусство, которые транслируют миру общечеловеческие и гуманные ценности, сближают континенты и народы, несут значительный потенциал для безопасного будущего [10]. Самым интернациональным продуктом мировой культуры можно по праву считать кинематограф. В современном мире кино транслирует социальные, политические, экологические и культурные проблемы, при этом поднимая проблемы как отдельного человека, так и всего мира. Кинематограф является настоящей глобальной индустрией, которая стремительно развивается и крепнет. Киноиндустрия вовлечена в экономический сегмент всецело: кинокомпании, актерские агентства, дистрибьюторские организации, рекламные бюро, мерчендайзинг и сопутствующие креативные составляющие функционируют за счет большого финансового оборота, становясь важнейшим драйвером мировой экономики.

Тенденции развития киноиндустрии

Киноиндустрия является уникальным симбиозом творческой и экономической составляющих, что обуславливает ее организацию. Крупные киностудии монетизируют подход к реализации как производственной части, так и процесса релиза кинопродукта.

Деятельность киноиндустрии можно разделить на пять фаз (рис. 1), каждая из которых включает перечень определенных

функциональных задач, которые вместе складываются в конечный кинопродукт

Рис. 1. Фазы деятельности киноиндустрии

При этом структурно модель реализации кинопроизводства основывается на трех этапах: концептуальная разработка, рабочий кинопроцесс и дистрибуция. На каждом из этапов происходит модификация проекта, при этом финансовые затраты могут претерпевать изменения.

Управление рисками в данной сфере необычайно важно, так как кинофильм проходит многоуровневый путь, что обуславливает

обширную область рисков. Контроль и регулирование процесса производства и арт-релиза — основной залог успеха картины в прокате. Балансируя на стыке двух сфер — искусства и экономики — киноиндустрия всегда была областью с повышенным уровнем риска. Вместе с привычными экономическими рисками, киноиндустрия подвержена характерным рискам, присущим только данной области. Их отличают творческие, эстетические и социокультурные особенности, которые непосредственно влияют на успех той или иной кинокартины. Поэтому контроль и минимизация рисков в данной области наиболее важны для поддержания позиций киноиндустрии на мировом рынке.

Риски спроса киноиндустрии

Отличительной особенностью киноотрасли является неопределенность спроса на кинопродукцию. Будучи одновременно сферой искусства, в которой тематика выпускаемого контента основывается на личных предпочтениях автора, кинематограф является и экономическим сегментом, полагаясь на кассовый успех кинокартины. Однако почти невозможно предугадать какой фильм в итоге станет успешен в прокате. Потребительские предпочтения довольно хаотичны, и, несмотря на популярность определенного жанра или актера, картина может не окупиться в прокате. Безусловно, прогнозирование рисков в данной сфере активно функционирует, ведь без этого деятельность данной индустрии была бы невозможна. Расширение зрительских запросов и повышение уровня стандартов картин заставляют киноиндустрию постоянно видоизменяться.

Кроме того, для кинокомпаний важно соединить художественную и коммерческую составляющие, необходимые для успеха кинокартины. Авторское кино, которое в последнее время приобретает все большую популярность, остается невыгодным. Доходы у такого вида кинопродукции едва ли покрывают расходы, сопровождающие процесс съемки. Массовое кино, направленное на получение максимального размера прибыли, периодически пренебрегает значимыми для кинематографа (как вида искусства) постулатами. Такая кинопродукция теряет свою ценность как объекта творческой деятельности, оставаясь лишь коммерчески выгодной.

Высокие риски киноиндустрии связаны также с тем, что производственный бюджет осваивается в довольно короткие сроки, однако получение прибыли, размер которой довольно сложно спрогнозировать, может быть растянуто на долгий промежуток времени [7]. Урегулирование потенциальных рисков, связанных с процессом съемок и дальнейшей дистрибуции кинофильмов, здесь наиболее существенно. Минимизация рисков может достигаться путем сотрудничества кинокомпаний и независимых экспертных организаций, которые занимаются прогнозированием рисков для успешного финансирования кинопроектов. Подобного рода организации выступают посредником между кинокомпаниями и источниками финансирования, тем самым усиливая гарантию успешности фильма в прокате.

Стоит сказать о рисках, которые в некоторой степени смещают вектор кинодистрибуции. В последнее время китайский рынок становится мощным драйвером роста. Стремительная динамика азиатского кинопроизводства обусловлена в основном демографическим фактором и активным развитием национальной киносети. Однако аудиовизуальный контент из Голливуда по-прежнему будет доминировать на мировом рынке. Китай, обладающий высоким потенциалом роста, становится лидером в развитии национальной сети кинотеатров, а также усиливает кинопроизводство, что обуславливает новые риски мировой киноиндустрии, в частности Голливуда, когда стратегия поддержания релевантной конкурентоспособности и принципы поиска рынка сбыта контента ставят новые задачи, возникшие в силу того, что в китайском прокате есть свои особенности, а главное — существует довольно строгая цензура, что переструктурирует некоторые модели кинопроизводства.

Процесс глобализации существенно воздействует на развитие и трансформацию мировой киноиндустрии: усиливаются роль и влияние отраслевых организаций на национальную экономику, кинобизнес стремительно развивается, растут объемы реализации кинопродукции на мировом уровне, усиливаются интернационализация и международная конкуренция, появляются новые технологические и цифровые форматы, увеличиваются интеграционные модели в мировой киноиндустрии [5]. Появление новых внешних факторов, в значительной степени влияющих на организацию деятельности кинобизнеса, прогнозируют высочайший уровень рисков в этой области.

Нельзя не упомянуть, что последствия пандемии COVID-19 обусловили новую арену для появления дальнейшего спектра рисков, которые диктуют правила реализации современной киносферы. Согласно прогнозам экспертов, в ближайшие несколько лет киноиндустрия должна была демонстрировать позитивную динамику. Однако из-за мировой пандемии, рынок понес весомые потери. 2020 г. стал самым негативным этапом мирового кинопроката, повлекшим за собой сокрушительные убытки. В 2020-м доходы киноиндустрии США составили примерно 2,3 млрд дол., для сравнения: в 2019 г. здесь было заработано 11,4 млрд долл. Мировой бокс-офис упал более, чем на 70%. Во всем мире в 2020 г. кассовые сборы составили менее 15 млрд долл., тогда как в 2019-м они составляли 42,5 млрд долл. Китай вытеснил Северную Америку с пьедестала, став лидером мирового кинорынка, собрав в прокате 2,7 млрд долл. [3]. В 2020 г. совокупные кассовые сборы кинопроката РФ составили 22,8 млрд р., из которых 10,7 млрд собрали отечественные киноленты. Объем российского рынка кинопроката сократился почти на 60%. Сегодня киноиндустрия с большим энтузиазмом старается вернуться к прежней позитивной прогрессии, однако кассовые сборы в кинотеатрах в мире по итогам 2021 г. составили всего около 21 млрд долл., что вдвое ниже показателей 2019 г. [4].

Для минимизации последствий, вызванных эпидемиологической ситуацией, а также для устранения новых возможных рисков Министерство культуры РФ учредило политику финансовой помощи учреждениям культуры, деятельность которых была полностью или частично приостановлена в связи с пандемией COVID-19. Государственная поддержка помогла сохранить функционирование деятелей сферы культуры и искусства в России, находившихся в жестких условиях, в том числе деятелей киноиндустрии. Получив средства, упразднения налогообложения, выплаты, субсидии и другие виды финансовой поддержки, российский кинопрокат смог вернуться к работе, претерпев, однако, значительные ограничения и изменения.

Российские кинотеатры находились в ситуации локдауна более четырех месяцев, открывшись лишь в августе 2020 г. и с сопутствующими здравоохранительными ограничениями. В это время потребительский фокус сместился на стриминговые сервисы, в которых пользователям оперативно предложили бесплатные подписки, значительно популяризовав данную отрасль. Под влиянием глобальной

трансформации киноиндустрия сместила вектор проката на онлайн-площадки предоставления аудио-видео контента. Так многие кинокомпании сделали ставку на премьеры не только в кинотеатрах, но и на стриминг-релиз, перейдя на гибридный формат, который обусловил новые способы реализации кинодистрибуции. Первым такое решение приняла американская компания «Disney», выпустив кинофильм «Мулан» в смешанном формате, затем подобный вариант кинопроката анонсировала «Warner Brothers». Российская киноиндустрия также модернизировала подход к дистрибуции кинопродукта. Подстраиваясь под возможные риски в условиях дивергенции, кинобизнес меняет формы реализации аудио-видеоматериала, акцентируя свое внимание на потенциале и перспективах цифрового формата предоставления контента.

Опасения по поводу возвращения эпохи в пользу «малых экранов» относительно широкоформатного кино не подтвердились, 2021-й постепенно вернул кинопрокат к привычному функционированию: хотя совокупные доходы американского проката лишь слегка превосходят показатели 2020 г., в международном прокате фильмы показали хорошие результаты. Китай снова вырвался в лидеры, обогнав в денежном выражении самые кассовые голливудские фильмы. При этом кассу китайский кинопрокат делает лишь на национальной кинодистрибуции, не занимаясь международным прокатом кинолент. При этом стриминг-платформы не потеряли своей актуальности, параллельно развиваясь и увеличивая свое влияние. Онлайн-платформы утвердили свою позицию, в качестве новой прибыльной формы релиза видео контента. Таким образом, дистрибуция фильмов приобрела два направления реализации — кинотеатры и стриминг-сервисы.

Риски и предложения киноиндустрии

Начало 2022 г. повлекло новую волну рисков для российской сферы кино. Осложнения геополитической ситуации в мире привело к значительным изменениям в киноотрасли, которая только начала восстанавливаться после ковидного периода. На данный момент российский кинопрокат находится в крайне затруднительном положении. Уход крупных голливудских компаний с российского рынка ставит перед всеми участниками сложнейшие задачи реформации и реорганизации привычного формата, при этом решать данные задачи

следует безотлагательно. Американская «большая пятерка» кинокомпаний («The Walt Disney Company», «Warner Brothers», «Universal Studios», «Sony Pictures» и «Paramount») заявили об отмене премьер своих фильмов в России, а также об отмене дальнейшего кинопроката. Стоит отметить, что доходы от проката голливудского кино составляли около 75% выручки российских кинотеатров, что не может не сказаться на доходных показателях кино РФ. Так, по предварительным прогнозам экспертов, в 2022 г. российский кинопрокат потеряет более 11 млрд р. только ввиду ухода западного кинопродукта.

На фоне происходящего возрастает риск новой волны кинопиратства. С каждым годом расширяется и крепнет рынок онлайн-кинотеатров, при этом объем пиратской продукции также увеличивается. Большое количество онлайн-сервисов значительно упрощает кражу контента. Отсутствие официальных релизов голливудских кинокартин в российском кинопрокате не отменяет запросы зрителей на потребление привычного западного видеоконтента. Пользователи стараются искать пути обхода санкций и запретов незаконным путем, средствами копирования и кражи кинопродукта как с официальных стриминговых сервисов, так и с нелегальных, располагающихся на неофициальных площадках. В России подобное киберпиратство в полной мере не регламентируется законом, что пагубно влияет на доходы кинопроката. В результате наметившийся в последние годы запрос на потребление легального продукта в мире, включая Россию, снова идет на спад.

Долгосрочные перспективы кинопроката и кинопроизводства в России всецело зависят от развития политической обстановки в стране и мире; ситуация, сложившаяся сегодня, диктует новые риски киноиндустрии РФ, российская структура кинорынка сейчас находится в шатком положении, однако предпринимаются различные меры, способствующие минимизации рисков. Минкультуры РФ прорабатывает меры поддержки кинопроката совместно с отраслью. Главенствуют поддержка российской продукции и заполнение сетки проката отечественными кинолентами — при этом как новинками проката, так и повторным показом на больших экранах уже реализованных работ [8]. Правительство приняло решение дополнительного финансирования отечественной киноиндустрии, выделив на эти цели более 5 млрд р. из резервного фонда [9]. В федеральном бюджете на поддержку отрасли в 2022 г. предусмотрено свыше 9 млрд р. Таким

образом, с учетом дополнительно выделенных средств, в этом году киноиндустрия получит более 14,5 млрд р. [6].

Важно отметить, что вопросы протекционизма со стороны государства в национальном кинематографе значимы не только для поддержания нормального функционирования киноиндустрии, но и для активного выстраивания эффективной системы международного сотрудничества в культурной сфере [2]. Тем не менее, независимые дистрибьюторы, работающие с европейскими арт-релизами и другими зарубежными компаниями, обнадеживают, что их договоренности со студиями на ближайшее время остаются в силе. Это подтверждает, что российский кинопрокат не ограничится только местной кинопродукцией, процент которой на российских экранах существенно повысился. При этом стратегия активного продвижения российского кинопродукта на мировой рынок остается актуальной. Новым ориентиром стали Восток и Азия. Важно отметить, что этот рынок не уступает по своим масштабам Западу, в последние несколько лет даже превышая показатели в прибыльном эквиваленте.

Киноиндустрия как креативная сфера культуры и искусства весьма значима для дальнейшего социально-экономического состояния и устойчивости развития России. Интеграция отечественной кинопродукции в мировой кинобизнес способна усилить позиции киноотрасли как важного экономического сектора страны. Повышенными зонами рисков здесь выступают сложность выбора тематики и направленности кинокартин ввиду различных институциональных рамок и трудностей социокультурного характера на этапе создания и перевода сценариев, а также последующая дистрибуция продукта, успешность которой всецело зависит от зрительской оценки в условиях культурных различий и особенностей менталитета [1]. В данных условиях вопросы развития киноиндустрии встают с новой силой. В России модель реализации такого вида сотрудничества развита недостаточно. Данный способ создания киноматериала позволяет расширять границы кинодистрибуции и укрепляют межнациональные отношения и на культурном, и на экономическом уровне. Совместное производство и финансирование кинопроизводства позволяют подстроиться под запросы сразу нескольких потребительских сегментов.

Таким образом, в современной российской киноиндустрии происходят весомые трансформации, которые обусловлены

различными внешними факторами. Последние пару лет устоявшаяся система кинобизнеса РФ кардинально меняется: ограничения пандемии, повлекшее за собой резкий спад дохода кинорынка, появление новых площадок сбыта продукции, уход из российского проката голливудского контента ставят новые задачи для отечественного кинематографа. 2022 г. знаменует новый этап развития российской киноиндустрии, который направлен на модернизацию сложившейся системы кинорынка. Кинопроизводство подстраивается под запросы мирового рынка, стараясь отвечать ожиданиям зрителей о качественном кинопродукте.

Заключение

Высокий уровень спроса, его нестабильность, конкуренция участников кинорынка, развитие технологий и применение новых информационных сервисов — социокультурные особенности, влияющие как на процесс создания, так и на последующую кинодистрибуцию, что порождают новые риски киноиндустрии в период глобальной дивергенции. Последствия пандемии, современная геополитическая ситуация и экономическая нестабильность обуславливают высокий уровень рисков современного кинобизнеса, некоторые из них могут стать препятствиями, а другие, напротив, стимулировать развитие отечественного кинематографа.

Таким образом, даже в период турбулентности и трансформации кинорынка возможности для новых путей развития российского кинопроизводства и дистрибуции расширяются. Это подчеркивает значимость кино как важнейшего вида искусства и креативного сектора экономики.

Литература

1. Андреев А.И., Колобова Е.Ю., Алексеев Г.В. Интеграция российской киноотрасли в глобальный кинобизнес // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 1. С. 19—31.
2. Аракелян А.М. Механизмы государственной поддержки услуг киноиндустрии в Российской Федерации на основе международного опыта // Сервис+. 2017. № 3. С. 47—53.

3. Двенадцать главных итогов 2020 г.: URL: https://www.kinometro.ru/analytics/show/name/2020_goodbuy_8540 (дата обращения: 25.08.2022).

4. Итоги кинопроката в 2020 г.: URL: <https://www.fondkino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2020-godu/> (дата обращения: 25.08.2022).

5. Колобова Е.Ю. Интеграция российской киноотрасли в мировой кинобизнес в условиях глобализации // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 76—87.

6. Новости Министерства культуры РФ: URL: <http://culture.gov.ru/press/news/> (дата обращения: 31.08.2022).

7. Тевелева О.В., Татарников А.С. Зарубежный и отечественный опыт финансирования кинопроизводства и диверсификации рисков при инвестировании в кино // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 40. С. 32—40.

8. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 04.05.2022 № 694 «Об основных принципах государственной финансовой поддержки кинопроизводства в 2022 году»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208080039> (дата обращения: 02.09.2022).

9. Распоряжение правительства РФ № 1068-р от 29 апреля 2022 г.: URL: <http://static.government.ru/media/files/QEoAPnyHqd8SHafziE2OtiPcI3owgcKl.pdf> (дата обращения: 02.09.2022).

10. Савчук М.Р. Культура как ресурс национальной экономической безопасности XXI века // Глобальные социально-экономические трансформации: Будущее России: Материалы V Международного политэкономического конгресса (МПЭК-2021), состоявшегося в рамках Московского академического экономического форума — МАЭФ-2021, Москва, 27—28 мая 2021 г. М.: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 2022. С. 616—620.

References

1. Andreev A.I., Kolobova E.YU., Alekseev G.V. Integraciya rossijskoj kinootrasli v global'noj kinobiznes // Intellekt. Innovacii. Investicii. 2020. № 1. S. 19—31.

2. Arakelyan A.M. Mekhanizmy gosudarstvennoj podderzhki uslug kinoindustrii v Rossijskoj Federacii na osnove mezhdunarodnogo opyta // Servis+. 2017. № 3. S. 47—53.

3. Dvenadcat' glavnyh itogov 2020 g.: URL: https://www.kinometro.ru/analytics/show/name/2020_goodbuy_8540 (data obrashcheniya: 25.08.2022)
4. Itogi kinoprokata v 2020 g.: URL: <https://www.fondkino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2020-godu/> (data obrashcheniya: 25.08.2022).
5. Kolobova E.YU. Integraciya rossijskoj kinootrasli v mirovoj kinobiznes v usloviyah globalizacii // Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal. 2019. № 4. S. 76—87.
6. Novosti Ministerstva kul'tury RF: URL: <http://culture.gov.ru/press/news/> (data obrashcheniya: 31.08.2022).
7. Teveleva O.V., Tatarnikov A.S. Zarubezhnyj i otechestvennyj opyt finansirovaniya kinoproizvodstva i diversifikacii riskov pri investirovanii v kino // Finansovaya analitika: problemy i resheniya. 2013. № 40. S. 32—40.
8. Prikaz Ministerstva kul'tury Rossijskoj Federacii ot 04.05.2022 № 694 «Ob osnovnyh principah gosudarstvennoj finansovoj podderzhki kinoproizvodstva v 2022 godu»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208080039> (data obrashcheniya: 02.09.2022).
9. Rasporyazhenie pravitel'stva RF № 1068-r ot 29 aprelya 2022 g.: URL: <http://static.government.ru/media/files/QEoAPnyHqd8SHafziE2OtiPcI3owgcKl.pdf> (data obrashcheniya: 02.09.2022).
10. Savchuk M.R. Kul'tura kak resurs nacional'noj ekonomicheskoy bezopasnosti XXI veka // Global'nye social'no-ekonomicheskie transformacii: Budushchee Rossii: Materialy V Mezhdunarodnogo politekonomicheskogo kongressa (MPEK-2021), sostoyavshegosya v ramkah Moskovskogo akademicheskogo ekonomicheskogo foruma — MAEF-2021, Moskva, 27—28 maya 2021 g. M.: Institut novogo industrial'nogo razvitiya im. S.YU. Vitte, 2022. S. 616—620.

И.М. ТЕНЯКОВ, А.В. ЗАЗДРАВНЫХ

**Экономический рост в федеральных округах России:
факторы входа и выхода компаний***

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния факторов входа и выхода компаний на параметры валового регионального продукта в период 2005—2020 гг. На данных по федеральным округам России установлены поступательное снижение значений входа новых и рост значений выхода действующих компаний на протяжении рассматриваемого периода. На основе оценок предложенной эконометрической модели формулируется вывод о том, что процессы входа и выхода компаний являются факторами регионального экономического роста.

Ключевые слова: экономический рост, вход компаний, выход компаний, валовой региональный продукт, занятость, инвестиции.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of entry and exit factors of companies on the parameters of the gross regional product in the period 2005–2020. Based on the data for the federal districts of Russia, a gradual decrease in the entry values of new companies and an increase in the exit values of existing companies over the period under review were established. Based on the estimates of the proposed econometric model, the conclusion is formulated that the processes of entry and exit of companies are factors of regional economic growth.

Keywords: economic growth, company entry, company exit, gross regional product, employment, investment.

УДК: 338.1

ББК: 65.011

Введение

Задача достижения устойчивого экономического роста в России приобрела особую актуальность как в связи с неблагоприятными результатами экономической динамики десятилетия 2010-х гг., когда

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Теняков И.М., Заздравных А.В. Экономический рост в федеральных округах России: факторы входа и выхода компаний // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 125—140.

рост российской экономики существенно отставал от мирового роста, так и в связи с необходимостью решения задач модернизации экономики, повышения качества и уровня жизни. При этом экономический рост может рассматриваться с различных ракурсов. С одной стороны, он выступает как долгосрочная тенденция увеличения экономического потенциала и роста выпуска (потенциального ВВП) в экономике. С другой стороны, экономический рост проявляется в количественном увеличении реальных доходов на душу населения и качественном совершенствовании жизненных стандартов. Наконец, страна с высокими темпами экономического роста со временем увеличивает свою долю в мировом ВВП, что создает объективную основу для изменения сложившегося «баланса сил» и «правил игры» в мировой экономике, создает возможность для активного влияния на процессы мирового экономического развития. Так, например, по данным МВФ, доля Китая в мировом ВВП по ППС выросла с 7,2% в 1999 г. до 19,2% в 2020 г., в то время как доля США снизилась соответственно с 20,6% до 15,1%. Доля России из-за неблагоприятной динамики 2010-х гг. практически не изменилась, оставшись на уровне 3,1% [8].

При этом экономический рост в целом выступает как агрегированный результат функционирования национальной экономики как системы. Но для крупных стран, а особенно для России, актуальной является задача декомпозиции агрегированных результатов роста на частные составляющие, в качестве которых может выступать рост на уровне отдельных регионов страны. Подчеркнем, что российское экономическое пространство характеризуется высокой неоднородностью. Так, В.М. Кульков отмечает, что «межрегиональная инвестиционная неоднородность в России, выраженная через известный индекс концентрации Херфиндаля—Хиршманна, выросла за 1990-е гг. почти в пять раз. Велика социальная, финансовая, инновационная разнородность регионов. Одной из главных причин усиления неоднородности стал изначальный неучет пространственной специфики страны при переходе к рынку. Результатами недостаточного учета специфики страны стали нарастание дифференциации между регионами, а в отдельных случаях и локализация внутренней хозяйственной жизни регионов, усиление геополитических рисков, ослабление национальной экономической безопасности» [9, 88].

Таким образом, решение задачи достижения высоких темпов и качества экономического роста России в целом невозможно без внимания к региональному аспекту экономического роста и, в частности, без решения задачи по снижению неоднородности единого экономического пространства России.

Ряд исследователей выделяют следующие фундаментальные факторы долгосрочного роста российской экономики: демографический, состояние производственного и научно-технологического потенциала, наличие первичных ресурсов и резервов их использования, потенциальная емкость внутреннего и внешнего рынков [12]. К значимым факторам в последние годы относились динамика инвестиций в основной капитал, динамика мировых цен на нефть, динамика реальной денежной массы [14]. Однако в условиях «новой реальности» многие из традиционных факторов роста начинают утрачивать свое влияние, потому необходим поиск новых факторов роста, в том числе на региональном уровне.

Одним из таких факторов может стать уровень предпринимательской активности, усиление которой достижимо через формирование новых сегментов отечественных компаний, замещающих в различных секторах экономики ушедшие иностранные фирмы. Следует отметить, что проблемы экономического роста и развития часто исследуются в научной литературе в контексте теории экономической динамики. При этом сам по себе уровень предпринимательской активности в таких исследованиях часто рассматривается как фактор экономического роста, а появление новых фирм характеризуется в качестве показателя экономического развития.

В настоящей статье предлагается анализ влияния на показатели внутреннего регионального продукта в федеральных округах России двух индикаторов, косвенно характеризующих уровень предпринимательской активности, — входа и выхода новых компаний.

Значимость процессов входа и выхода для обеспечения экономического роста подчеркивается и в ряде публикаций российских и зарубежных авторов. В частности отмечается, что рождение новых предприятий рассматривается в качестве важного фактора экономического роста и создания рабочих мест [5; 20; 27], источника инновационного и технологического развития [4; 28]. Активная динамика входа новых компаний представляет собой характерную черту

наиболее развитых экономических систем [22], а высокая турбулентность среди предприятий и рабочих мест, высокие уровни входа и выхода компаний, наряду с активной динамикой рабочих мест, характеризуют здоровую адаптивную экономику. Утверждается, что новые фирмы всегда рассматриваются в качестве источника изменений [10], а снижение темпов формирования новых бизнесов несет в себе крайне негативные последствия для экономики.

Появление новых компаний считается важным явлением не только с позиций внедрения новых продуктов и технологических процессов, но и для установления «конкурентной дисциплины», когда новые компании вынуждают менее эффективных операторов покидать рынки [28]. Постоянная смена действующих участников отрасли через механизм входа и выхода является источником развития бизнес-процессов, становления эффективных и успешных компаний, имеет первое значение для эволюции отраслей и рынков в длительном периоде [3]. При этом, между процессами входа и выхода фирм рядом эмпирических исследований выявлены устойчивые причинно-следственные связи [15].

Таким образом, потенциальные эффекты изменения числа действующих операторов проявляются как в активизации технологических изменений, трансформации отраслей и секторов, так и в создании рабочих мест, росте суммарной отраслевой производительности и развитии конкурентной среды.

Экономический рост в федеральных округах России и факторы входа и выхода компаний

Кратко охарактеризуем тенденции в экономическом росте в федеральных округах России (табл. 1).

Несмотря на неоднородную динамику экономического роста в федеральных округах с 2001 по 2008 г., в среднем по всем округам отмечался рост показателя валового регионального продукта (ВРП). При этом наибольшие темпы прироста индексов физического объема реального ВРП демонстрировали Центральный, Северо-Кавказский и Уральский федеральные округа. Данный рост сопровождался увеличением численности занятых. Инвестиции также росли, но темпы их прироста снижались на протяжении 2005—2008 гг.

В 2009 году зафиксировано резкое падение ВРП по всем округам вследствие мирового экономического кризиса, при этом кризисные явления в наибольшей мере затронули Центральный и Уральский федеральные округа. Примечательно, что кризисные явления в России традиционно слабо отражаются на динамике уровня занятости, поскольку в российской экономике еще с 1990-х гг. типичной реакцией рынка труда на кризисы является не рост открытой безработицы (в соответствии с законом Оукена), а повышение неполной занятости, «безработицы на работе», рост неформальной занятости и прочие явления. В 2010—2011 гг. экономика федеральных округов оправлялась от последствий кризиса и демонстрировала невысокие темпы роста, которые далее еще больше замедлились. В 2014—2015 гг. наступила локальная рецессия, спровоцированная, в том числе, геополитическими и внешнеэкономическими факторами.

В 2020 г. получил развитие мировой кризис, обусловленный фактором пандемии COVID-19 и связанными с ней ограничениями (снижение экспорта, падение выпуска в сфере услуг из-за антиковидных мер и пр.). В отличие от кризиса 2009 г., кризис 2020 г. проявился в меньшем спаде ВРП на уровне федеральных округов. Отметим также, что кризис 2020 г. в целом больше сказался на сфере услуг, нежели на сфере материального производства, и по этой причине спад в России был ниже, чем в ряде западных стран с более развитой сферой услуг [13]. Наконец, следует отметить, что замедление роста в 2012—2014 гг. и рецессия 2015—2016 гг. стали объективными следствиями исчерпания потенциала экспортно-сырьевой модели роста, сложившейся в 2000-е гг.

Отметим, что с 2005 по 2020 гг. в среднем все федеральные округа демонстрировали положительные темпы прироста показателя валового регионального продукта (ВРП) (табл. 2). При этом наиболее быстрый экономический рост наблюдался в Северо-Кавказском, Южном, Северо-Западном и Центральном федеральных округах. Данный рост сопровождался увеличением численности занятых, за исключением Северо-Западного федерального округа. Инвестиции также росли во всех федеральных округах.

Таблица 1

**Темпы прироста реального валового регионального продукта
по федеральным округам России в 2005— 2020 гг.,
в % к предыдущему году**

Федеральные округа	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Центральный	9,80	9,90	8,90	7,50	–10,80	3,00	4,80	3,70
Северо-Западный	6,60	7,70	9,00	4,70	–5,10	4,40	6,10	3,80
Южный	6,10	8,80	10,10	8,50	–7,20	5,40	6,50	3,70
Северо-Кавказский	8,60	10,30	10,10	8,40	1,20	3,50	6,50	3,40
Приволжский	4,50	7,90	9,10	5,20	–7,50	5,50	6,80	4,10
Уральский	10,20	7,50	5,50	3,40	–8,00	6,80	4,60	1,50
Сибирский	4,90	6,20	7,30	3,80	–4,20	4,50	5,00	3,10
Дальневосточный	4,60	5,40	9,50	4,00	0,80	6,30	5,40	–1,10
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Центральный	1,60	0,80	–0,70	1,30	1,90	2,80	1,80	–0,80
Северо-Западный	0,30	0,90	1,50	1,70	0,90	2,40	1,70	–2,00
Южный	4,00	2,10	–0,50	1,30	3,30	1,70	1,20	–1,50
Северо-Кавказский	3,60	4,60	–0,20	0,90	1,50	0,80	1,70	–0,20
Приволжский	2,40	2,00	–1,30	0,00	1,50	1,80	2,00	–3,00
Уральский	2,20	–1,00	–1,20	0,30	3,00	5,20	0,70	–4,80
Сибирский	2,40	2,10	–1,20	0,50	2,40	2,40	1,20	–3,40
Дальневосточный	–0,90	1,10	0,50	–0,10	0,10	3,40	3,00	–1,90

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным Федеральной службы по статистике.

Следует отметить, что наибольшие темпы роста ВРП наблюдались в федеральных округах с положительной динамикой занятых. Несмотря на высокие темпы роста инвестиций в основной капитал в Уральском и Сибирском федеральных округах, экономический рост

в них шел медленнее, поскольку количество занятых сокращалось. И наоборот, при скромных темпах роста инвестиций в Южном и Северо-Кавказском федеральном округах темпы роста занятых в них были наивысшие по всем округам, что сказалось и на темпах экономического роста. Таким образом, как показывает анализ табл. 2, фактор динамики занятых для российской экономики в среднем оказывает большее влияние на экономический рост, чем фактор инвестиций в основной капитал.

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста валового регионального продукта (ВРП), занятых и инвестиций в основной капитал по федеральным округам России в 2005—2020 гг.

Федеральные округа	Темп прироста ВРП	Темп прироста занятых	Темп прироста инвестиций в основной капитал
Центральный	2,72	0,41	5,58
Северо-Западный	2,73	–0,08	3,29
Южный	3,26	1,45	4,43
Северо-Кавказский	3,98	1,77	3,34
Приволжский	2,48	–0,31	3,49
Уральский	2,14	–0,1	4,0
Сибирский	2,27	–0,39	5,46
Дальневосточный	2,46	–0,23	3,26

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным Федеральной службы по статистике

Сравнительно близкую динамику по федеральным округам России в период 2006—2021 гг. демонстрировали значения индикаторов входа и выхода компаний (табл. 3).

Таблица 3

**Коэффициент чистого входа компаний и его динамика в РФ
в 2006— 2021 гг.**

Федераль- ные округа	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Центральный	80,10	58,50	55,80	79,20	46,70	47,30	13,40	6,80
Северо-За- падный	86,50	68,60	79,30	84,40	44,10	48,70	33,90	29,00
Южный	93,90	66,40	56,10	84,30	47,10	49,10	-14,80	-31,40
Северо-Кав- казский	48,20	45,60	12,20	64,80	46,40	36,90	2,20	2,00
Приволжский	27,10	-1,10	-33,20	44,70	45,00	41,40	19,00	26,90
Уральский	75,00	43,30	35,20	69,60	46,10	39,50	-3,10	19,40
Сибирский	93,10	73,50	71,90	100,70	59,50	62,20	27,60	-29,90
Дальнево- сточный	78,10	55,20	51,30	67,80	42,50	44,50	-5,40	-26,10
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Центральный	7,40	35,30	-53,00	-44,10	-76,00	-95,60	-86,60	-51,92
Северо-За- падный	-9,20	27,00	-90,00	-20,10	-114,00	-116,80	-111,10	-60,03
Южный	11,40	43,80	-33,90	-39,70	-73,80	-98,60	-114,20	-51,60
Северо-Кав- казский	22,00	25,50	1,80	-26,50	-30,50	-91,50	-65,30	-35,34
Приволжский	21,40	10,80	3,40	-44,60	-52,40	-28,40	-47,20	-39,94
Уральский	22,70	43,90	-7,80	-69,30	-32,40	-69,10	-55,90	-46,53
Сибирский	17,80	31,10	-43,30	-89,20	-70,30	-89,50	-62,50	-35,04
Дальнево- сточный	14,50	25,80	-50,70	-50,10	-46,80	-78,40	-65,30	-39,85

Так, до 2007 г. во всех округах фиксировался рост, а с 2008-го — резкое снижение числа входящих компаний в расчете на 1000 действующих. После незначительного роста к 2015 г. произошло очередное снижение данного индикатора с пиком снижения в 2020-м. При этом на всем протяжении наблюдаемого периода наименьшее среднее значение числа входящих компаний было зафиксировано в

Северо-Кавказском федеральном округе, а наибольшее — в Сибирском федеральном округе.

В свою очередь, показатели выхода на 1000 действующих компаний возросли во всех федеральных округах с начала рассматриваемого периода. При этом, пики роста данного индикатора отмечались в 2012 г., а также в кризисные 2016 и 2020 гг. Наименьшая средняя динамика выходов фиксировалась в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах, а наибольшая — в Центральном и Северо-Западном.

Из табл. 3 видно, что динамика значений коэффициента чистого входа² в федеральных округах на протяжении всего рассматриваемого периода отражает поступательное снижение параметров входа новых компаний и рост параметров выхода.

Также видно, что после 2016 г. во всех федеральных округах показатель чистого входа принял отрицательные значения, которые свидетельствуют о превышении числа выхода компаний над числом входов. Данная тенденция сохранилась и к 2022 г.

Влияние факторов входа и выхода компаний на региональный экономический рост: результаты моделирования

Авторами настоящей статьи предлагается модель, отражающая влияние факторов входа и выхода компаний на региональный экономический рост.

Известен ряд методологических подходов к моделированию динамики валового регионального продукта. В частности, в работе Ю.С. Ивченко в качестве ключевых факторов уровня ВРП приводятся факторы основного капитала (оцениваемого по среднегодовой остаточной стоимости ОПФ), платежеспособного спроса (выражаемого через бюджетные социальные расходы, доходы населения и ФОТ), уровня финансовых ресурсов (выражаемого через объемы среднегодовых остатков средств на рублевых счетах юридических лиц и сальдо доходов и расходов предприятий и организаций) [6]. В работе Л.П. Бакуменко и Е.В. Костроминой среди значимых факторов роста ВРП указываются индекс промышленного производства,

² Коэффициент чистого входа определяется разницей между коэффициентами входа и выхода компаний.

объем продукции сельского хозяйства и оборот розничной торговли [1]. Влияние торговли между регионами на региональный экономический рост подробно исследуется и в исследовании [7].

В настоящей статье в качестве теоретической основы предлагаемой эконометрической модели роста принята неоклассическая модель Р. Солоу, предложенная им в 1956 г. [30] и основанная на предпосылках о взаимозаменяемости факторов производства, гибких ценах в долгосрочном периоде, равенстве сбережений и инвестиций. В неоклассических моделях экономического роста используется производственная функция Кобба—Дугласа с убывающей предельной производительностью и постоянной отдачей от масштаба вида $Y = AK^{\alpha}L^{\beta}$, где Y — совокупный выпуск (доход) в экономике, K — капитал, L — труд, A — параметр производительности факторов, или остаток Солоу, который аккумулирует в себе влияние всех прочих факторов роста, кроме капитала и труда. Дальнейшие исследования в русле неоклассического подхода шли в направлении включения в модель дополнительных факторов (вычленив их из «остатка Солоу»). Например, Д. Касс [19] предложил модель с эндогенной оптимизацией потребительского поведения, В. Брок и Л. Мирман [18] включили в модель фактор неопределенности, Р. Барро анализировал влияние на рост государственных расходов [16], а О. Бланшар включил в анализ факторы долга и дефицита [17].

Ряд российских исследователей также использует неоклассический подход для оценки вклада факторов роста в России. Так, И.А. Погосов оценил вклад НТП в накопленный прирост российского ВВП за период 1990—2011 гг. [11]. Внешнеторговый фактор роста был выделен в работе С.Г. Синельникова-Мурылева и др. [2]. Наконец, прогноз экономического роста России, выполненный коллективом авторов ИНП РАН в 2022 г., также использует в качестве базовой модели — неоклассическую модель роста, основанную на производственной функции Кобба—Дугласа [12].

В силу того, что, по нашему мнению, данные Росстата, касающиеся основных фондов, недостаточно качественные (в частности, вызывают вопросы используемые «сопоставимые цены», а также насколько данные по основным фондам учитывают степень их морального и физического износа), то в эконометрической спецификации модели роста вместо фактора «капитал» принимается его

производная — инвестиции в основной капитал, данные по которым в российской статистике более качественные.

Следует заметить, что в теории роста в первых моделях роста (кейнсианских) в качестве основного фактора роста также был использован фактор инвестиций. Основные идеи кейнсианского подхода к экономическому росту были сформулированы Р. Харродом в «Очерке теории динамики» в 1939 г. [23] и получили дальнейшее развитие в его послевоенных работах [24]. В кейнсианских моделях широко рассматривается влияние фактора автономных инвестиций на экономический рост [26; 29; 21].

Базовая спецификация модели:

$$\widehat{GRP}_{i,t} = \widehat{\alpha}_{1,t} + \widehat{\alpha}_{2t} Work_{i,t} + \widehat{\alpha}_3 Invest_{i,t} + \widehat{\alpha}_4 Enter_{i,t} + \widehat{\alpha}_5 Exit_t + e_{i,t} \quad (1)$$

Зависимой переменной в модели выступают темпы прироста реального ВРП в i -том федеральном округе в t -году ($GRP_{i,t}$). В качестве базовых объясняющих переменных использованы по годам и федеральным округам темпы прироста занятости ($Work_{i,t}$) и инвестиций в основной капитал ($Invest_{i,t}$). Переменной интереса выступают темпы прироста коэффициентов входа ($Enter_{i,t}$) и выхода ($Exit_{i,t}$). Модель охватывает период 2005—2020 гг.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между переменными

<i>GRP</i>	<i>Invest</i>	<i>Work</i>	<i>Enter</i>	<i>Exit</i>	
1,0000	0,6403	0,4782	0,5766	0,3101	<i>GRP</i>
	1,0000	0,1843	0,1633	0,1688	<i>Invest</i>
		1,0000	0,3756	0,1168	<i>Work</i>
			1,0000	0,5234	<i>Enter</i>

Источник: расчеты авторов.

Как видно из табл. 4, между зависимой переменной и регрессорами существует высокая корреляция, указывающая на высокую взаимосвязь между данными парами переменных. Заслуживает внимания и высокая взаимосвязь между показателями входа и выхода компаний в федеральных округах, что эмпирически подтверждает

приведенные во вступительной части статьи соответствующие положения теории.

Таблица 5

Оценка влияния параметров входа компаний на динамику валового регионального продукта в период 2005—2021 гг.

Зависимая переменная <i>GRP</i>	
Регрессоры	Оценки коэффициентов регрессии
<i>const</i>	1,9822***
<i>Invest</i>	0,1746***
<i>Work</i>	0,3760***
<i>Exit</i>	−0,0014
<i>Enter</i>	0,1337***
<i>Количество наблюдений</i>	120

Источник: расчеты авторов.

Оценка модели (табл. 5) обобщенным методом наименьших квадратов со случайными эффектами показала, что наряду с традиционными факторами — уровнем занятости и инвестициями — на динамику валового регионального продукта в рассматриваемый период 2005—2021 гг. положительное влияние оказывали и процессы входа компаний. Оценка коэффициента перед переменной *Enter* свидетельствует о его высокой значимости (на 1-процентном уровне), хотя масштаб влияния параметров входа был в рассматриваемом периоде ожидаемо ниже масштаба влияния других факторов. В свою очередь, влияние фактора выхода *Exit* оказалось незначимым.

Так, в среднем за каждый год рассматриваемого периода:

- 1) изменение темпов прироста занятости на 1% приводило к приросту темпов ВРП примерно на 0,4 п.п.;
- 2) изменение темпов прироста инвестиций на 1% приводило к приросту темпов ВРП примерно на 0,17 п.п.;
- 3) изменение темпов прироста коэффициента входа на 1% приводило к приросту темпов ВРП примерно на 0,13 п.п.;

Таким образом, на исследованном примере федеральных округов России можно сделать вывод о наличии признаков

положительного влияния процессов входа на параметры экономического роста и подтверждении отдельных теоретических положений, представленных в первых частях статьи.

Вместе с тем в развитие данного направления экономических исследований представляет интерес дальнейший анализ с использованием данных по отдельным регионам Российской Федерации.

Литература

1. Бакуменко Л.П., Костромина Е.В. Эконометрическое моделирование экономического роста Республики Марий Эл // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 12. С. 30—36.
2. Дробышевский С.М., Синельников-Мурылев С.Г. и др. Декомпозиция темпов роста ВВП России. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2015.
3. Заздравных А.В. Экспансия фирм на отраслевые рынки: теоретический взгляд сквозь барьеры // Проблемы современной экономики. 2020. № 2. С. 62—67.
4. Земцов С.П., Чернов А.В. Какие высокотехнологичные компании в России растут быстрее и почему // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. Т. 41. № 1. С. 68—99.
5. Иванова А.И., Кравченко Н.А. Влияние региональных условий на бизнес-демографию российских ИТ-компаний // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 79—98.
6. Ивченко Ю.С. Определение основных факторов уровня валового регионального продукта методами эконометрического моделирования по совокупности регионов Российской Федерации // Статистика и экономика. 2019. № 16 (6). С. 4—18.
7. Изотов Д.А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92—114.
8. Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI веке (в свете экономической теории). Коллективная монография / Под ред. А.А. Пороховского, А.В. Сорокина. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021.
9. Кульков В.М. Пространственный аспект теоретического анализа экономики и его значение для проектирования евразийской интеграции // Философия хозяйства. 2014. № 1. С. 81—93.

10. Лукьянов С.А. Об определении отраслевых барьеров входа как центральной динамической характеристики отрасли // Проблемы современной экономики. 2006. № 3—4 (19—20). С. 115—120.
11. Погосов И.А. Факторы долгосрочного экономического роста: научно-технический прогресс и капиталоемкость производства // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5. С. 14—15.
12. Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. Научный доклад / Под ред. А.А. Широга. М.: Арт-Принт, 2022.
13. Теняков И.М. Влияние экономического кризиса 2020 г. на макроструктурные параметры российской экономики // Россия в переломе: цивилизация, техногенез, экономика. Сб. ст. по итогам международной научной конференции 9—11 декабря 2020 г. / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Т.С. Сухиной. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. С. 151—158.
14. Теняков И.М. Российская специфика факторов экономического роста: опыт эконометрического моделирования // Экономическая наука современной России. 2018. № 3. С. 22—35.
15. Arauzo-Carod J., Segarra-Blasco A. The Determinants of Entry are not Independent of Start-up Size: Some Evidence from Spanish Manufacturing // Review of Industrial Organization. 2005. No. 27. P. 147—165
16. Barro R.J. Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth // Journal of Political Economy. 1990. No. 98. P. 103—125.
17. Blanchard O. Debt, Deficits, and Finite Horizons // Journal of Political Economy. 1985. No. 93. P. 223—247.
18. Brock W., Mirman L. Optimal Economic Growth under Uncertainty: The Discounted Case // Journal of Economic Theory. 1975. No. 4. P. 497—513.
19. Cass D. Optimum Growth in an Aggregative Model of Capital Accumulation // Review of Economic Studies. 1965. No. 32. P. 233—240.
20. D'Erasmus P. Investment and Firm Dynamics: URL: <https://ssrn.com/abstract=994663> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.994663> (дата обращения 12.07.2022).
21. Domar E.D. Expansion and Employment // The American Economic Review. 1947. Vol. 37. No. 1. P. 34—55.

22. *Grossi L., Gozzi G.* Firm exit and duration of new firms in Italian mechanical sector: evidence in the period 1997—2002: URL: https://www.researchgate.net/figure/Gross-and-net-entry-rates-and-market-penetration-rate_s_tbl1_228391462 (дата обращения: 12.07.2022).
23. *Harrod R.* An essay in dynamic theory // *Economic Journal*. 1939. No. 49. P. 14—33.
24. *Harrod R.* *Economic Dynamics*. London: Macmillan, 1973.
25. *Kaldor N.* A model of economic growth // *Economic Journal*. 1957. No. 67. P. 591—624.
26. *Kaldor N.* Capital Accumulation and Economic Growth // *The Theory of Capital* / F.A. Lutz, D.C. Hague. (eds.) N. Y.: St. Martin's Press, 1961.
27. *Luttmer E.* Selection, Growth, and the Size Distribution of Firms // *The Quarterly Journal of Economics*. 2007. Vol. 122. No. 3. P. 1103—1144.
28. *Mata J., Portugal P.* Life Duration of New Firms // *The Journal of Industrial Economics*. 1994. Vol. 42. No. 3. P. 227—245.
29. *Robinson J.* *Essays in the Theory of Economic Growth*. L.: Macmillan, 1962.
30. *Solow R.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. No. 1. P. 65—94.

References

1. *Bakumenko L.P., Kostromina E.V.* Ekonometricheskoe modelirovanie ekonomicheskogo rosta Respubliki Mariy El // *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 2016. № 12. S. 30—36.
2. *Drobyshevskiy S.M., Sinel'nikov-Murylev S.G. i dr.* Dekompozitsiya tempov rosta VVP Rossii. M.: Fond «Institut ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gaydara», 2015.
3. *Zazdravnykh A.V.* Ekspansiya firm na otraslevye rynki: teoreticheskiy vzglyad skvoz' bar'ery // *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2020. № 2. S. 62—67.
4. *Zemtsov S.P., Chernov A.V.* Kakie vysokotekhnologichnye kompanii v Rossii rastut bystree i pochemu // *ZHurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 2019. T. 41. № 1. S. 68—99.

5. *Ivanova A.I., Kravchenko N.A.* Vliyanie regional'nykh usloviy na biznes-demografiyu rossiyskikh IT kompaniy // *Voprosy ekonomiki*. 2022. № 5. S. 79—98.

6. *Ivchenko YU.S.* Opredelenie osnovnykh faktorov urovnya valovogo regional'nogo produkta metodami ekonometricheskogo modelirovaniya po sovokupnosti regionov Rossiyskoy Federatsii // *Statistika i Ekonomika*. 2019. № 16(6). S. 4—18.

7. *Izotov D.A.* Ekonomicheskii rost i trgovlya rossiyskikh regionov // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2018. № 4. S. 92—114.

8. Internatsional'noe i natsional'noe v ekonomicheskom razvitii v XXI veke (v svete ekonomicheskoy teorii). Kollektivnaya monografiya / Pod red. A.A. Porokhovskogo, A.V. Sorokina. M.: Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2021.

9. *Kul'kov V.M.* Prostranstvenniy aspekt teoreticheskogo analiza ekonomiki i ego znachenie dlya proektirovaniya evraziyskoy integratsii // *Filosofiya khozyaystva*. 2014. № 1. S. 81—93.

10. *Luk'yanov S.A.* Ob opredelenii otraslevykh bar'erov vkhoda kak tsentral'noy dinamicheskoy kharakteristiki otrasli // *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2006. № 3—4 (19—20). S. 115—120.

11. *Pogosov I.A.* Faktory dolgosrochnogo ekonomicheskogo rosta: nauchno-tekhnicheskii progress i kapitaloemkost' proizvodstva // *Problemy prognozirovaniya*. 2015. № 5. С. 14—15.

12. Potentsial'nye vozmozhnosti rosta rossiyskoy ekonomiki: analiz i prognoz. Nauchniy doklad / Pod red. A.A. SHirova. M.: Artik Print, 2022.

13. *Tenyakov I.M.* Vliyanie ekonomicheskogo krizisa 2020 g. na makrostrukturnye parametry rossiyskoy ekonomiki // *Rossiia v peredel'e: tsivilizatsiya, tekhnogenez, ekonomika*. Sb. st. po itogam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 9—11 dekabrya 2020 g. / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoy, T.S. Sukhinoy. M.: Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2021. S. 151—158.

14. *Tenyakov I.M.* Rossiyskaya spetsifika faktorov ekonomicheskogo rosta: opyt ekonometricheskogo modelirovaniya // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 2018. № 3. S. 22—35.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.А. КУТЫРЕВ

**Философия Чистого Разума Канта как спекулятивная
предпосылка космизма, виртуальности и искусственного
интеллекта (трансцендентальный дигитализм contra
теллурический реализм)***

Аннотация. Трансцендентальный идеализм Канта стал началом конца теллурической философии Бытия и замены ее космологической философией Ничто. Обладая максимумом возможностей, Ничто является высшим выражением априорности и дигитализма. Онтологический коррелят Ничто — понятие Космоса как обозначения любых сфер, где нет жизни, Вселенной и Метавселенной, а его историко-методологический коррелят — трансцендентализм. Кант — первый фундаментальный философ, которого можно считать спекулятивным предвестником «computer science», виртуальности и космизма как: 1) ориентации на уход (улет) в галактическую безжизненную реальность, 2) создания бит-атомной, целиком искусственной реальности на Земле, в пределе — ее превращение в мертвую планету, и постмодернизма как гуманитарно-превратного отражения начавшейся цифровой трансформации жизни в технос, гуманизма в трансгуманизм, человеческого сознания в постчеловеческий интеллект. Гуманитарное значение философии Канта — в ее антропологической непоследовательности, обусловленной его высокой просвещенческой культурой и природой как живого «Genus homo». Идеологией выживания человечества может быть философия теллурического реализма в модальности феноменологического субстанциализма, геоцентризма и ценностного антропного принципа.

Ключевые слова: Кант, чистый разум, трансцендентализм, теллуризм, бытие, ничто, технос, постмодернизм, виртуальность, космизм, дигитальный реализм, гуманизм.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кутырев В.А. Философия Чистого Разума Канта как спекулятивная предпосылка космизма, виртуальности и искусственного интеллекта (трансцендентальный дигитализм contra теллурический реализм) // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 143—159.

Abstract. Kant's transcendental idealism was the beginning of the end of the telluricall philosophy of Being and its replacement by the cosmological philosophy of Nothing. Possessing the maximum of possibilities, Nothing is the highest expression of a priori and digitalism. Ontological correlate Nothing — the concept of the Cosmos as a designation of any spheres where there is no life, Universe and Metaverse, its methodological correlate — transcendentalism. Kant is the first fundamental philosopher, he can be considered a speculative harbinger of the computer science, virtualism and cosmism as: 1) care orientation (fly away) into the galactic lifeless reality, 2) creating a bit-atomic, entirely artificial reality on Earth, in the limit, its transformation into a dead planet. And postmodernism, as a humanitarian and speculative reflection of the beginning digital transformation of life into technos, humanism into transhumanism, transition of human consciousness into posthuman intelligence. The humanitarian significance of Kant's philosophy in its culture and antropological inconsistency as live Genus homo. The ideology of human survival can be the philosophy of telluric realism in the modality of phenomenological substantialism, geocentrism and the value anthropic principle.

Keywords: Kant, pure reason, transcendentalism, tellurism, being, nothing, technos. Postmodernism, virtualisation, cosmism, digital realism, humanism.

УДК 008
ББК 87

К 300-летию бытия И. Канта

До и после Канта было много великих философов, положивших начало мировым течениям мысли (Платон, Беркли, Декарт, Гегель, Маркс), но только Кант чаще всего считается «современным философом». Причина в том, что он подорвал традиционную метафизическую (субъект-объектную), по своему генезису — земную, теллурическую философию Бытия — в *самом ее фундаменте* и открыл дверь для распространения философии Ничто в разных ипостасях, отражая выход человечества на рубеж овладения и преодоления как внешней,

так внутренней природы. Тем самым он создал предпосылки для возникновения нового мира или, говоря более конкретно, субстанциально иного, поствитального и, возможно даже, поствещного мира. Под который — и «по заказу» которого — все сейчас и трансформируется.

Характерное для индустриальной цивилизации использование природы как материала деятельности в эпоху информационной революции перерастает в ее у-ничто-жение через замену природ(б)оподобными техногенными изделиями и человекоподобными сущими. Следствием, а, может быть, условием, этого процесса является преобразование естественно-смыслового мышления людей в искусственно-дигитальное, его земного качества — в интеллигибельное, космическое. Кант этому процессу дал исходный теоретический импульс. Астрономически выход в космос и космизация Земли с превращением в перспективе в пост(без)жизненную планету начались с Коперника, а философски — с Канта. Коперниканско-кантианский переворот: Космос опускается на Землю и *соз(и)дается на Земле*.

Классическая метафизическая философия двигалась противоречием между материализмом и идеализмом, сейчас про него забыли, и на первый план вышел трансцендентализм. Этот средневековый, по характеристике Гегеля, «варварский схоластический термин» введен в философский оборот Кантом. Впрочем, автор термина считал его *беспрецедентным* в истории философии. Но прошлое — заложник настоящего — и к настоящему времени, в своей обратной экспансии, трансцендентализм дошел до Декарта, а в субъектном плане до «трансцендентального экзистенциализма» [10] (!). (Великолепный философский оксюморон типа черного снега, белой сажки и бытия ничто; надо ждать, когда трансценденталистами объявят Беркли или Руссо.) Короче говоря, трансцендентализм — это «бывший идеализм», отличающийся от классического, бытийного, в обоих вариантах (объективном и субъективном) тем, что постулированный в нем разум стал:

- 1) априорным и беспредпосылочным,
- 2) имманентным, довлеющим себе,
- 3) чистым, ничем не заполненным и пустым — разумом Ничто, *значит, небытийным*.

Постулирование чистого, априорного, имманентного, универсального и трансцендентального разума было прыжком/прорывом человеческого духа из единственной, адекватной ему, предметной реальности в возможные миры. Это философский этап его *де-терра*-то-риализации и обоснование права на существование, не обусловленного природой и обществом (апостериорным, эмпирическим), Богом и духом, вообще «означаемым» знание. Бытие квалифицируется как «вещь в себе» (не ликвидировано, а заключено в скобки), благодаря чему оно «есть», но содержательно и непосредственно в каких-либо теоретических построениях не участвует. Остается «в-себе» — капсулировано, формализовано. Опыт, факты, по мысли Канта, дают представление о законах эмпирической реальности, но они «феноменологические» (кажущиеся), так как наши познавательные способности не могут гарантировать их аподиктический характер. Законы, в силу которых существует и через которые познается мир, должны быть первичными, или же — беспредпосылочными, «архе». Не законы в Мире, а мир в Законе; не знание в/о Реальности, а реальность Знания; не разум в Бытии, а бытие в Разуме. Не возможности, открывающиеся в ходе развития действительности, а действительность как воплощение заранее существующих возможностей. Это чистая аксиоматика чистой мысли. Именно Канта как философа интеллигибельного, лишившего Разум обусловленности сенсорной телесностью человека, мы имеем наибольшие основания считать пред-вестником как информационной революции, так и искусственного (чистого) интеллекта. А значит — космоистом и виртуалистом. В собственно философии — *меонистом, создателем фундаментальной нигитологии* [1].

Укорененная в природной среде, почвенно-теллурическая мысль долго двигалась к достижению чистоты, свободы, к самостоятельности и, наконец, в объективном идеализме, встав на собственные ноги, подняла глаза к небу. Проблема, однако, в том, что до Канта она смотрела туда ради земли, побуждаемая потребностями своего телесно-духовного носителя. Она была *эта*, с определенным артиклем, живая, человеческая. Логос, слово, язык, действительные числа обусловлены эмпирией хотя бы потому, что они качественные, всегда «о чем-то». Выражаемое в них знание содержательно, а абстрактное нарастает, но самые тонкие сублимации и отдаленные испарения

несут в себе следы своего субстрата, следы бытия. Только Кант решился обрезать пуповину, тянущуюся от вещей к сознанию и питающую его, постулировав самотождественность, априорность и независимость последнего. Даже от головы, от физиологии и психики. Кант осознал совершившийся «отлет» от земной действительности, обосновав причины этого рокового события в замечательном по своей объяснительной силе метафорическом образе: «Ибо те, кто исследует одни лишь явления природы, всегда остаются одинаково далеки от глубокого понимания первых причин этих явлений и столь же мало способны достигнуть когда-нибудь познания самой природы тел, как те, кто, подымаясь в гору все выше и выше, стал бы убеждать себя в том, что в конце концов они коснутся рукой неба» [4, 317].

Бытийный смысл трансцендентального философствования в преодолении им пределов нашей, при-родной человеку, планеты и окружающей ее атмосферы — неба (вместе с его трансцендентными насельниками, которые подлежат ведению только практического разума). Преодолев земное притяжение, мировой дух в лице Канта, используя его хилое тело как ракету, вышел в Космос. И там стал искать «первые причины» сущего.

Космос, в широком смысле этого слова (не ограничивая его понимание астрономическими наблюдениями), — сфера, где нет жизни, ни естественной, ни сверхъестественной. *Это Иное* по отношению к живой природе и человеку. Иное в макро-, мега- и микро-масштабах. Вместо предметного бытия = от бытия у Канта остаются пространство и время, существующие априорно и аподиктически, вечно и бесконечно. Это характеристики не просто субъективного или объективного, а трансцендентального сознания (имея в виду печальную судьбу сначала духовности, потом сознания, лучше бы говорить о «трансцендентальном мышлении»). Транс-, через-, пост-, пере-, про- — значение подобных приставок в обозначении перехода чего-либо «за», прорыва границы сущего. В данном случае — за границы Земли, ее атмосферно-духовной ауры; за границы Неба и телесного Человека, его центрального познавательного аппарата — головы. Так произошел «переворот миров»: онтологический характер приобрело знание-мышление (или же — информация-интеллект), а вещный мир из его/ее носителя стал ее/его кодом (продуцентом). Соответственно, гносеология и ее элементы — понятия с их предметными значениями

и смыслами, замещаются эпистемологией и ее элементами — концептами, с только их смысловыми отношениями. Последние, впрочем, позже заменяются когнитологией с ее «пустыми знаками» (в переводе с «лукавого», как справедливо называли манеру философствования Дерриды) — цифрами.

(Со)знание у Канта, принадлежа трансцендентальному надчеловеческому «Я», лишено субъектно-личностных характеристик, универсально и не взаимодействует с объектом. Вопреки школьно-философским представлениям, *он эпистемолог, а не гносеолог*. Гносеологизм — предел абстрактности метафизического идеализма, ограниченного взаимодействием Земли и Неба, материального и идеального, субъекта и объекта. Этот предел донаучный, спекулятивный, не «позитивный». Принципиальная новизна кантовской философии (в сравнении с предшествующей) в том, что Кант эту донаучную спекулятивность преодолевает. Коррелятом эпистемологии как философии науки, а не общей философии с ее онтологией и гносеологией, является постметафизический, посттеллурический и посттрансцендентный, т. е. *трансцендентальный* идеализм [6]. Характерный для эпохи Просвещения культ Разума Кант довел до Абсолюта и заменил им Бога, который тоже стал вещью-в-себе. Так трансцендентное «распалось» на трансцендентальное и практическое. Даже пространство и время соотносятся с реальностью только как формы ее восприятия, положение, которое устранило преграды для размышлений о «воображаемой геометрии» Лобачевскому и Больyai.

Сфера чистого, интеллигибельного разума с его априоризмом и аподиктичностью есть, говоря языком науки, сфера потенциалистской логики, аксиоматики и дедукции, в конечном счете — беспредметного, математического, количественно-топологического моделирования мира. Сфера дигитализма, моделирования и проектирования как мыслительного конструирования больше не ограничена евклидовым пространством. Не ограничена и поиском истины, вместо которого обсуждается проблема эффективности. Трансцендентализм — это то, что относится ко всем возможным или воображаемым мирам. А максимумом возможностей обладает Ничто. *Трансцендентализм — это Ничто, из которого возникает Все; это онтологическое Ничто, ставшее методом познания (и даже не познания), предполагающее*

предмет и значение, ставшее категорией чистого проектного мышления и интеллекта.

О «всеобщей математике», об «универсальной геометрии», которые применялись бы к любым областям знания, мечтали все рационалисты [6]. Однако выглядело это гносеологической утопией, которая не подкреплялась ни состоянием тогдашней математики, ни философской проблематикой, ориентировавшихся на рассмотрение действительности, а не любых отвлеченных форм мысли. «Не отказавшись от Бытия в пользу Ничто, не вырвавшись за границу традиционного “онтогносеологического” философствования, не сделав абстракцию первичной, т. е. не абстракцией-сублимацией, а абстракцией-субстанцией, создать ее (всеобщую математику) было невозможно. Мировоззренчески эту задачу решил Кант. Преодолев земное притяжение логоса, он вывел математизацию в априорный, пустой и чистый разум-космос, в силу чего его можно считать *первым представителем креативного меонизма*... И философским основателем когнитивистики. *Он не просто эпистемолог, а когнитолог*» [8, 215]. То есть основатель дигитальной, цифровой онтологии (по отношению к земному бытию человека — нигитологии) как «материи» будущего, постчеловеческого, искусственного интеллекта, который, как восторгаются энтузиасты внедрения в жизнь любого нового, любой ценой будет «в миллионы раз сильнее человеческого». Хотя, судя по подобным предвкусениям, таковым уже становится, все сильнее овладевая людьми на/в их широко закрытых глазах¹.

Когда Чистый разум в форме искусственного интеллекта станет «Всем» и в ходе распространения «Internet of every-thing» сольется с вещами, пронизает их, то станет просто «Не-разумом».

¹ Соответственно, философы, способные только на рефлекс, а не на рефлексию событий, спешат отказаться от бытия в пользу Ничто (если предметно, то другого, чужого (ино)бытия, которое для нас, людей, есть Ничто). Даже М. Хайдеггера, автора фундаментальной онтологии с ее главными категориями «Sein» и «Da-Sein» умудряются переименовывать в апологета Ничто как Другого [3]. Например, А.Г. Дугин, что слывет знатоком Хайдеггера, а значит — фундаменталистом и консерваторм, — и вдруг — нигитолог. Перед силой «Zeit Geist» не устоял даже он! Инонизм и у-ничтоложество — вот что вдохновляет без(д)умных носителей технического прогресса любой ценой, хотя бы он превращался для человечества, как сейчас, в вялотекущий самоапокалипсис.

Постмыслью (пока дело дошло до постистины как мышления без истины!); превратится в другую реальность; в новую форму бытия. Никем субъектно не воспринимаемый, он/мы растворит(м)ся в материи.

Материя — высшая мера плотности информации. Когда все становится информацией, она превращается в материю. Упражняясь в праздной научности и толкуя об «информационных полях», которые покроют землю, технотеоретики не доводят свою мысль до конца: почему информация должна ограничиваться поверхностью, она захватит реальность на всю глубину — перестанет быть информацией. Вместо Земли, на которой возникли жизнь и сознание, будет очередная мертвая планета. Именно такого рода инволюционные процессы идут на ней сейчас, усиливаясь по мере приближения к состоянию сингулярности, когда, как радуются жа-ждущие ее без(д)умцы, «наши старые модели придется отбросить, так как воцарится новая реальность» (общий цикл: мертвая материя → жизнь → информация → опять материя как материя — 2). Пока на передовых рубежах, пока в виде создания («печатания») отдельных вещей, деталей и органов на компьютерных принтерах, но они довольно быстро захватывают пространство жизненно-бытийного мира людей². И, как надеются энтузиасты самооценности технического прогресса, «к 2100 г. количество бит информации сравняется с числом атомов на Земле». И тогда, с воцарением абсолютного Техноса, как это предсказыва(ли)ют последовательно и честно мыслящие футурологи, человеческая цивилизация погибнет. Прогресс техники и деградация земнородного человека — коварная диалектика нашего времени, трагизм которого совершенно не чувствуют проактивные, радикальные, акселеративные сторонники внедрения любых технологий. Хотя бы и ценой себя... Уничтожение не только жизни, но и разума на Земле, а может, и во Вселенной — такова суть *транс-вита/гомо/номо* инволюционного дви-

² Исследования, как получить «нечто из битов» ведутся в основном в процессе создания квантовых компьютеров, когда происходит пересечение информации с ее физическим состоянием. Будучи в этих вопросах круглым ... мы, однако, имеем право утверждать, что это не выдумки, сославшись хотя бы на одно из таких направлений [2] и в целом на сайт «Computerworld», а также на деятельность российского издательства «Открытые системы».

жения. На его первом этапе — научной зомбизации человека, его превращения в ис(рас)ходный материал для Матрицы или Метавселенной, что является предварительной предпосылкой создания информационно-виртуально-цифровой *реальности Ничто как Иного* — мы умертвим/задушим/заменяем самих себя своими руками. Удивительно, как сейчас этой тенденции, этой угрозы, можно не понимать...

Кант, разумеется, не предвидел, а если бы предвидел, то несмотря на удивлявшую окружающих выдержку, решительно бы протестовал против подобной трактовки последствий, которые вытекают из его трансцендентализма. В самом деле, обвинять мыслителя, провозгласившего максимум «Человек всегда цель и никогда средство», сформулировавшего самое жесткое этическое требование к человеку в знаменитом категорическом императиве «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства» [4], в отрицающих природу, жизнь и человека идеях по меньшей мере рискованно. И, тем не менее, амбивалентность кантианского философствования присуща ему органически. Принято говорить о «двух Кантах» — докритическом и критическом, мы бы сказали, что был и «третий Кант» — посткритический. Кант «чистого разума» и Кант «практического разума» — это не менее разные мыслители, чем Кант докритический и критический, что подтверждается дальнейшей судьбой его учения. Глубокая враждебность возникшей параллельно кантианству, а, в какой-то мере, и как протест против него, философии жизни не случайна: «Чистый разум — чистая глупость», лапидарно выразил свое отношение к трансцендентализму бескомпромиссный представитель этой философии Ф. Ницше. И, пожалуй, самое главное подтверждение внутренней двойственности кантианства состоит в том, что в нем самом, в его трактовке возникло две конкурирующих, противоположенных школы: Марбургская и Фрейбургская. Одна ориентирована на полное «очищение» Разума от какой-либо связи с «вещью-в-себе», а другая — на сохранение онтологической целостности Духа.

Продолжая про(от)слеживать историческую судьбу кантовской мысли с ее выходом за пределы жизненного мира человека, важно видеть и понимать, к чему она пришла применительно к нашей постмодернистско-трансгуманистической эпохе. Ее возросшая актуальность

и фундаментальное созвучие с «пост-транс-всего» позволяют говорить о Канте как о современном философе не из почтения и не метафорически, а содержательно. Идеи живут самостоятельной жизнью, и было бы несправедливо отказать Канту в подобной величайшей заслуге перед наукой и техническим прогрессом, несмотря на то, что создаваемый ими на Земле Технос стал переступать через «Номо Генус» (родового человека), проблематизируя его перспективы. Тем более, что, будучи первым теоретиком чистого разума, спекулятивно заложившим фундамент информационной революции, он сам почувствовал его постчеловеческий характер и попытался онтологически опровергнуть, ограничить изнутри деспотизм его возможностей, по(до)казав возникновение в нем антиномий. В целом же, противоречия трансцендентальной философии были обусловлены обычной жизненной непоследовательностью любого, самого чистого мыслителя, если он все еще человек. Разрешая их математическим приемом заключения мира в скобки, по сути он его не ликвидировал, а только «о/за/печатывал», квалифицируя невиданным в истории философии способом: «вещь-в-себе». Другими словами, проблемами, которые Кант пытался обойти и устранить, были человеческая природа и обременявшие его (в силу высокой образованности) пережитки метафизики (особенно платонизма), а также своего рода светская религия XVIII в. — просвещенческий гуманизм. Природа и жизнь, с которыми Кант боролся в своем трансцендентализме, остались для/у него непобежденными. Он вышел в пустой, холодный и черный Космос, но голубое небо и тепло эмпирической реальности хотел сохранить, при том живой и с Человеком. Вышел в скафандре, в капсуле, тем самым превратив себя в «вещь-в-себе» и в «агностика». (В подобном состоянии для многих своих по(ис)следователей и существует вот уже 300 лет.)

Строгое, жест(о)кое, логически неумолимое отрицание земной природы, жизни и «Номо Генус» происходит только в постмодернизме. Отметим без раскрытия (подробнее см: [7]): отказ Марбург-

ской школы неокантианства от «вещи-в-себе» был сделан без позитивного обоснования³, также можно охарактеризовать и трансцендентальную феноменологию Гуссерля⁴, однако в итоге он тоже оказался (всего лишь) Человеком и предал свою «строгую науку»⁵. Но вот, наконец, во второй половине XX в. модернизм перерос в постмодернизм. Его нигилистическая, безответственная, разрушительная заслуга в борьбе с предметным миром и любым телесным сущим (их деконструкция) в том, что он довел отказ от «бытийности вещей» до отказа от принципа тождества как принципа существования любой вещи, заменив его принципом различия. Точнее говоря, *различания* (*количественного* различия) как принципа существования отношений (структуры), превратив их в субстанцию «всего» (начиная с А.А. Богданова и до Щедровицкого/Делеза). А далее, вплоть до замены языка и даже текста грамматологией (Деррида), которая, в сущности, является «битологией» (1001110...), т. е. информацией. Это самый глубокий фундамент отрицания реальности Земли, ради виртуализма и дигитализма, т. е. ради Иного, для нас пустого Космоса, где нет живой природы, и люди существовать не (с)могут. Постмодернизм (постструктурализм, деконструкция), особенно в его высшем, «позитивном» состоянии трансмодерна (виртуализма как цифрового инореализма) — это осуществленный и захватывающий нас (оставляя без защитного скафандра) трансцендентализм. До какой высокой квалификации дошло дело непонимания сути дела, когда подобно тому, как если бы в ходе «гендерных исследований» дело дошло до обоснования транссексуализма ужа и ежа, трансцендентализм начинают бракосочетать даже с экзистенциализмом (см. [10]).

Трансцендентальная философия, структурализм, постчеловеческий когнитивизм и виртуализм внутренне взаимосвязаны, вследствие чего И. Канта можно считать предвестником философии «computer science» и космизма как: 1) ухода (улета) в галактическую

³ Голову отрубили, присвоили, но куда девать/спрятать тело трупа не знали, и эта улика всегда их преследовала.

⁴ Которому, впрочем, удалось убрать улику через принцип интенциональности, в(за)ключив бытие в сознание и превратив вещь-в-себе в вещь-в-сознании.

⁵ Гуссерль трансцендентальной феноменологии превратился в Гуссерля жизненного мира, потому что «наука ни в чем не может помочь нам в нашей жизненной беде...».

безжизненную реальность, 2) соз(и)дания целиком искусственной, тоже, в пределе, безжизненной реальности на Земле, и, естественно, постмодернизма как гуманитарно-спекулятивного отражения начавшейся перезагрузки как обнуления и «цифровой трансформации» жизни в технос, гуманизма в трансгуманизм, процесса порождения из (среди) людей зомби как пред-инопланетян. (Не)жителей метавселенной, которые, быть может, там будут раньше, чем в астрономическом космосе. Пока сохраняющих биологическую форму, хотя уже перезагруженных на интуитивном, (бес)сознательном уровне, потом пойдут очипованные, конвергированные с техникой и в конце концов ненужные — став слабым местом, ахиллесовой пятой Техноса, они заменятся материализующимся на наших глазах искусственным интеллектом. Через них в «гуманитарной форме» космос опускается на Землю и со-творяется на ней. Но философское начало этому превращению Земли с ее природой и человеком в одну из очередных планет, где «не найдут жизни», или увидят ее, в лучшем случае, покрытой «предположительно разумной плесенью», положил Кант своей идеей трансцендентального априоризма, гениальной и губительной по последствиям для человечества. Исходить из Ничто (меонизм, трансцендентализм), значит и прийти к/в Ничто.

Ах, Кант, великий, нестигаемый Кант — это субъективно невинный, но величайший в истории людского рода мыслепреступник, заложивший базальное основание его самоотрицания. Именно в сопровождении идей Канта и поддерживаемый ими, у него и через него на Земле начался теоретический переход от антропоцена к техноцену, жизненный порыв человечества к светлому будущему стал конкретизироваться в научно-техническую волю к свету Инобытия. Вплоть до проектов превращения человека в «световой кокон» в трансгуманизме. Значение совершенного Кантом поворота в философии не менее важно для Нового времени, нежели поворот, сделанный Сократом в древнегреческой философии, хотя ему никто не решился поднести чашу с цикутой, пожалуй, кроме Ницше, может быть, Фрейда (в духовном плане). И, естественно, представителей иррационалистических течений в культуре, но непосредственно они в виду его не имели. Так проявилось прогрессирующее историческое ослабление инстинктивных бытийно-защитных сил «Genus Homo». Чистый разум — это семя, плодом прорастания которого является Апокалипсис, «Конец

(нашего) Света», которого современные люди уже не боятся, а жаждут, а чтобы не понимать, куда идет дело, называют по-научному: технологическая сингулярность. Соответственно, их цивилизация, опирающаяся на принцип непонимания, становится принципиально фальшив(стск)ой. И мы не будем знать, когда нас не будет. Не знаем.

По известному высказыванию М. Хайдеггера, атомная бомба взорвалась в трудах Парменида, отождествившего бытие с мыслью. С высоты сегодняшнего дня логично считать, что эта бомба была пороховой. Атомную бомбу — как знак и начало перехода человечества в своей деятельности от соразмерных ему сил и средств, из макромира в микро, мега и другие космопостчеловеческие измерения реальности — взорвал житель Кенигсберга Иммануил Кант, издав в 1781 г. в Риге, на территории Российской империи, «Критику чистого разума». Кант — выдающийся гуманист, но философия абсолютизации интеллигибельного разума объективно сделала его врагом природы, жизни и человека, несмотря на то, что он не хотел им быть, сам страдая от предвидения открываемых этим разумом возможностей. И как человек «по жизни» уходил от них. «Получив антиномические противоречия и начав задыхаться в безвоздушном пространстве-времени пустоты, падать, теряя ориентацию и равновесие, в неве(щ)сомости, он возвратился назад, на Землю. Фактически через принцип двойственности истины, прибегнув к практическому разуму, необходимым постулатом которого является существование как природы, так и Трансцендентного Бога. Взойдя на этот корабль духовного спасения, он отчалил от абсолютно чистой трансцендентальной апперцепции и, оттолкнувшись, парашютировал “вниз”, к эмпирии, к проблемам чувственно воспринимаемой реальности, “метафизики нравственности”, “вечного мира”, “незаинтересованного”, но все же “удовольствия”, другим жизненным формам человеческого бытия» [8, 216].

Мы, люди, как телесно-духовные сущ(ности)ества или остаемся на оплодотворенной жизнью Земле, или нас не будет. Поскольку закон единства организма и среды обойти нельзя, то, даже преодолевая земное притяжение, мы «тащим» за собой ее условия, воспроизводя в своих капсулах природу и жизнь. В космосе, во Вселенной, никто из живых людей — ни Гагарин, ни другие «космонавты» — не был. Кто был — мгновенно погибли. Прилетев на Марс,

человек будет, если будет жить там как на Земле. Органичны и совместимы с космосом только наши искусственные конструкторы, аппараты и роботы. Они могут действовать в космосе, в особенности далеко, доставляя сюда всю абстрактную и наглядную информацию. Идеи трансгуманизма «приспособить человека к космосу» (не стул делать для человека, а человека подгонять под стул) посредством перехода к автотрофному питанию, его превращения в плазмоида или «нечто лучистое» — это идеи его ликвидации, превращения в нечто иное, которое не есть человек. Невольно Кант, а в России (бес)сознательно Н. Федоров и К. Циолковский были первыми теоретическими изменниками Земли(е), идеологами перехода к миру, когда и в котором преобразователь сам подпадает под преобразование. Великие (о)(про)светители и провозвестники будущего в научном, вероотступники и люциферисты в богословском смысле (трансгу/оманисты, где ваше благоговение перед своими предшественниками?). Оно есть, но явно недостаточное, без понимания принципиальной смысловой связи с ними. Сопротивляться подобному направлению движения мысли в космологическое Ничто можно, только перестав обманывать себя (что всегда опасно даже в личной жизни), а значит, исповедуя идеологию антропоконсерватизма. Это значит, надо сознательно бороться за сохранение живого на Земле, за то, чтобы на ней оставались люди в качестве «Номо Genus», надеясь на до сих пор проявлявшуюся ветвистость эволюции, на то, что среди черных воронов технологического детерминизма появится «черный лебедь» неопределенности или даже без надежды победить. Подобно тому, как, существуя в состоянии физиологически смертных индивидов, мы действуем, несмотря на то, что каждый почти с рождения знает о конечности своего бытия.

Для (пусть схематического) представления о направлениях в разработке философии выживания человечества в обстановке экспансии Техноса исторически есть смысл вспомнить про древнегреческого философа Анаксагора, его учение о множественности миров. По легенде, Александр Македонский заплакал, узнав, сколь много есть миров, которые он еще не покорил, а в наше время интерес представляет «модальный реализм», когда возможные миры объявляются реальными. Согласно этому подходу, получается, что Ничто не существует. Все «Есть», и ничего «нет». Полионтизм! Может быть, эта

убийственная для адептов бытийного ничтоложества гипотеза плодотворна и будет спасительной для теллурического мира и земнородного человека? При условии, если, считая его одной из реализаций возможного, предпочитать всем остальным, «космическим и виртуальным», заодно, тем самым, отвергнув философию спекулятивного, а фактически обманного реализма, поскольку это математический «реализм Иного», но выдаваемый в ней за естественный, за наше мыслечувствующее бытие [9], при том еще и упрекающего Канта, что он не до конца отказался от субъектности в пользу трансцендентального дигитализма. И, тем более, отвергнуть предательскую по отношению к жизненному миру человека как целостного существа линию известного философа науки Д. Чалмерса, объявляющего что «виртуальная реальность — это подлинная реальность, виртуальные объекты — это реальные объекты. И то, что происходит в виртуальной реальности, действительно реально» [12]. А вещная реальность — подразумевай — не подлинная, недействительная (прямо не сказано, но завтра — скажут). Вторичные качества. Видимость. В пределе — отсутствие = Ничто = Нет. Все(х)/е! Вот до чего можно дотеоретизироваться! Типичный пример, как абстрактная ученость подобно раковой опухоли съедает в ученом человека, обгладывая его до безжизненного скелета. Как в своем сознании он становится виртуалом, аватаром, «двойником (вместо) себя» и начинает проповедовать подобное цифровое состояние для всех, кто еще живой. На «натуре» же от него как живого духовно-телесного существа в лучшем случае остаются «мозги в банке» (или «бочке») с надписью на этикетке: «Чалмерс». Или просто — №... номер на полке. (Впрочем, мозги — это тоже пережиток телесности; в управляемой искусственным интеллектом Метавселенной они не понадобятся.)

А главное, из модального полионтизма следует, что земнородным людям надо исповедовать гео-антропоцентризм, защищая(сь) от уни(транс)версализации виртуально-космических миров, в которых человек является ничто-жеством (идеал трансгуманизма). Чтобы удержать, или, по крайней мере, продлить мир, где человек «Нечто», которое для нас, людей, самое высшее и совершенное состояние. Это будет действительно *модальная* философия феноменологического субстанциализма, смысловым стержнем которой является антропный принцип, однако не абсурдно-научный, не объективный, а *ценностный*! (Поражает, как, на каких основаниях серьезные, не верящие в

Бога физики и астрономы могли поставить сугубо конечного человека в центр бесконечной Вселенной!) Да, это Центр — *но только для Нас*. И — *обязательно для нас*. М. Горький в письме М. Пришвину признавался, что он, геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист, очень крепко чувствует «мою Землю во Вселенной как центре ее». Вот идея выживания человечества, которую надо проповедовать, укрепляя всеми возможными способами. Философии — быть рефлексией, а не рефлексом технауки (STS), чем она сейчас, увы, преимущественно является. «Мы дети галактики, но самое главное, мы дети твои, дорогая Земля!» («Притяжение Земли!») (Стихи Р. Рождественского, музыка Д. Тухманова, поэт Л. Лещенко и участники любого собрания, особенно читатели любого, претендующего на (на)звание философского, журнала). *Все, кто при обсуждении понимания сущего, несмотря ни на какие технологические достижения, смогли сохранить самое главное, уникальное, что возникло в космосе на планете Земля — свою живую душу, останутся на ней целостными телесно-духовными людьми.*

Так продлимся...

Литература

1. Бойко М.Е. Ничто: введение в нигилософию. М.: Летний сад, 2019.
2. Гершенфельд Н. Биты — в атомы: URL: <https://www.osp.ru/cw/2006/20/1576564> (дата обращения: 25.09.2022).
3. Дугин А. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.
4. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 1 / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1964.
5. Карпенко А.С. Основной вопрос метафизики // Философский журнал. 2021. № 2 (13). С. 51—73.
6. Кутырев В.А. Когнитивный мир и его исторические предпосылки // Философия науки. 2012. № 1. С. 3—26.
7. Кутырев В.А. Крик против небытия // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 60—72.
8. Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб.: Алетея, 2018.

9. *Мейясу К.* После конечности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
10. *Порошенко О.Ю.* Прологомены к трансцендентальному экзистенциализму // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2021. № 1. С. 18—30.
11. *Эрн В.Ф.* От Канта к Круппу // Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 308—318.
12. *Chalmers D.J.* The Virtual and the Real // Disputatio. 2017. № 9 (46). P. 309.

References

1. *Bojko M.E.* Nichto: vvedenie v nigilosofiyu. M.: Letnij sad, 2019.
2. *Gershenfel'd N.* Bity — v atomy: URL: <https://www.osp.ru/cw/2006/20/1576564> (data obrashcheniya: 25.09.2022).
3. *Dugin A.* Martin Hajdegger: filosofiya drugogo Nachala. M.: Akademicheskij proekt, 2010.
4. *Kant I.* Soch.: V 6 t. T. 1 / Pod obshch. red. V.F. Asmusa. A.V. Gulygi, T.I. Ojzermana. M.: Mysl', 1964.
5. *Karpenko A.S.* Osnovnoj vopros metafiziki // Filosofskij zhurnal. 2021. № 2 (13). S. 51—73.
6. *Kutyrev V.A.* Kognitivnaja mir i ego istoricheskie predposylki // Filosofiya nauki. 2012. № 1. S. 3—26.
7. *Kutyrev V.A.* Krik protiv nebytiya // Voprosy filosofii. 2008. № 8. S. 60—72.
8. *Kutyrev V.A.* Sova Minervy vyletaet v sumerki. SPb.: Aletejya, 2018.
9. *Mejyasu K.* Posle konechnosti. Ekaterinburg; M.: Kabinetnyj uchenyj, 2015.
10. *Poroshenko O.YU.* Prolegomeny k transcendental'nomu ekzistencializmu // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. 2021. № 1. S. 18—30.
11. *Ern V.F.* Ot Kanta k Kruppu // Ern V.F. Soch. M.: Pravda, 1991. S. 308—318.

А.А. ТАРАСОВ

Метафизический сюзеренитет: шаг вперед, два назад*

Аннотация. В статье вводится различие между обществами «примитивными» и «современными». Первые — сетевые, тогда как вторые — правовые. Или, соответственно, общества, основанные на сюзеренитете, либо суверенитете. «Идеальный тип» сети — мафия, клан, круговая порука — отношения, от которых люди всегда мечтали освободиться, и когда им это удавалось, это всегда совпадало с периодами стремительного позитивного развития (трансформации) общества. Показано, что единственный механизм такого «освобождения», который до сих пор изобрело человечество — выход на мета-уровень. Сегодняшнее стремление полностью избавиться от всего метафизического во всех сферах общественного бытия обрекает нас на скатывание в «примитивное» состояние, на регресс, признаки которого можно найти в праве, науке, обществе, языке, вере и т. д. Парадоксально, но сегодня это подается в терминах, близких к языку «метафизики», но прямо ему противоположных по смыслу.

Ключевые слова: социальная сеть, метафизика, круговая порука, система социального кредита, сюзеренитет, суверенитет.

Abstract. The article introduces a distinction between «primitive» and «modern» societies. The first ones are network societies, while the second ones are legal societies. Or, based on suzerainty or sovereignty, respectively. The «ideal type» of the network is mafia, clan, allegiance, from which people have always dreamed of getting rid of, and when they succeeded, it always coincided with periods of rapid positive development (transformation) of society. It is shown that the only mechanism of such «redemption» that humanity has invented so far is access to the meta-level. In this regard, today's desire to completely get rid of everything metaphys-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тарасов А.А. Метафизический сюзеренитет: шаг вперед, два назад // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 160—171.

ical in all spheres of social existence condemns us to slide into a «primitive» state, to regression, signs of which can be found in law, science, society, language, faith, etc. Paradoxically, today it is presented in terms close to the language of «metaphysics», but directly opposite to it in meaning.

Keywords: social network, metaphysics, networks of allegiance, social credit system, sovereignty, suzerainty.

УДК 101.1

ББК 87.1, 87.6, 67.3

В 2022 г. мы отмечаем столетие со дня основания Союза Советских Социалистических Республик. Каждый раз, когда поднимается тема Советского Союза и его наследия, у автора данного текста бессознательно всплывает в памяти сюжет «Острова доктора Моро» Герберта Уэллса. Точнее, его окончание (раз уж Советский Союз, — «советский проект» — тоже закончился), когда люди, решившие проверить небывалый рассказ героя романа Эдварда Прендика, высадились на том самом острове, на котором, якобы, и проходил эксперимент доктора Моро, и ничего необычного не обнаружили — сплошь дикие звери и никаких намеков на истинность основного повествования. Возможно, раз уж представился удобный случай, пришло время разобраться в причинах такой, на первый взгляд странной, ассоциации. Тем более странной, что наше поколение все же немного застало Советский Союз, его последнее десятилетие (автор родился в 1981-м г.), его, в общем-то, агонию, и все же знающее, что это было, было реальностью, а не чем-то непредставимым, как для рожденных-не-в-СССР.

Начнем издалека, но будем продвигаться быстро. В конце 2021 г. основатель социальной сети «Facebook» объявил о ее переименовании в «Meta». Обычно это объясняют простым ребрендингом, в том числе для того, чтобы уйти от скандалов, в которых была замешана данная сеть, — в первую очередь в связи с утечкой информации, например, в ходе выборов, шпионажа и т. д. В общем, для россиян вещь довольно понятная — нужно было «обнулиться» (перезагрузиться!). Те, кто пытался копнуть поглубже, обычно останавливались на том, что «Meta» в данном случае означает появление в ближайшее

время на базе социальных сетей 3D-интернета — интернета, к которому добавили «3-е измерение»: есть реальность, а есть виртуальность, ну а Мета должна их соединить, стать третьим соединительным элементом.

Но настоящие философы всегда читают (и должны читать) между строк. Что для них мета-уровень? Есть, например, метафизика — это то, что «над», т. е. «выше» физики. А выше физики — Закон, Истина, Бог, Язык, Родина и т. д. В общем, все те явления, которые нельзя просто пощупать, постичь чувствами, но лишь разумом, интуицией и т. д. Это «догмы», которым мы присягаем, даем клятву верности, обет веры. И тогда они производят в нас разум, интуицию, которыми мы можем познавать все остальное. Например, ницшеанское: «Только стремясь к сверх-человеческому (Богу), ты становишься человеком». Или — подчиняясь Языку, человек может (имеет шанс) понять самого себя. В противном случае, он всегда будет просто «транслировать» то, что другие «поняли», но сам при этом не будет ничего понимать! Отсюда, кстати, ясно, что никакой частный язык невозможен. Неслучайно у греков для обозначения всего «частного» было слово «*idios*». По-русски это, разумеется, «идиот». А на современном «медиализированном» языке — «аутист». Далее — Истина сегодня чаще всего понимается как конвенция, как то, что ученые договорились считать истиной. Но любой здравомыслящий согласится с тем, что сила науки как раз в том, что любой должен иметь право сказать: «Знаете, а вы все не правы!». Ученым человека делает его служение Истине, т. е. чему-то мета-физическому. Сравните это с сегодняшним состоянием в академической среде, когда положение ученого зависит от количества цитирований его текстов. Даже опуская то, что это количество можно искусственно «накрутить», очевидно, что в такой системе статус «ученого» сегодня мало связан с Истиной. И еще — Закон сегодня заменяется контрактом или даже рейтингом. Вот, например, уже довольно одиозная система социального кредита, внедряемая в Китае, при которой гражданские права человека зависят от его социального рейтинга. (Кстати, в Китае вообще нет гражданского права! Только административное и уголовное. То есть прав, собственно, нет, только обязанности.) Формально этот рейтинг определяет искусственный интеллект. Но что такое сам искус-

ственный интеллект? Один из «отцов-основателей» этого направления (AI), Герберт Саймон, в свое время дал следующее определение: это «идеальный бюрократ»! Бюрократ полностью (на 100%!) определяется его местом в сети отношений с другими бюрократами. Наконец, в рамках социальных сетей типа «Facebook», ваш статус, социальное положение, а соответственно, и возможности для слова и дела определяются количеством «лайков», просмотров, подписчиков...

Итак, в общем-то везде одно и то же, некое гомогенное единство. Что же оно из себя представляет? Здесь мы можем ввести одно принципиальное различие, применимое к анализу любого общества. Существуют общества «современные» (они же — правовые) и «примитивные» (они же — сетевые). Кто-то сразу возразит, что современное общество как раз «сетевое», но это будет вульгарным пониманием, поскольку «сеть» — явление совсем не недавнее в общественной истории, а точнее как раз доисторическое. Сеть — синоним «круговой поруки». Не путать с общиной, поскольку в общине любой может обратиться к любому с проблемой, даже напрямую к самому высшему (высшей силе, в самом широком смысле). В сети каждый может обратиться только к непосредственному руководителю, патрону, шефу, боссу, менеджеру. Так же, как и его подчиненные не могут миновать его самого. «Идеальный тип» сети — мафия («моя семья»), клан, империя (не государство!). Вот почему в «сетевом обществе» на первые роли выходит Китай, поскольку в этой «вечной империи» нет ни закона, ни права, но вместо них — «социальная гармония», которая есть не что иное, как все та же «круговая порука». Все повязаны друг с другом! Задача философии здесь — не трансформация мира, а его легитимация, каким бы несправедливым он ни был. Другое название для двух антагонистов — общества «современного» и «примитивного» — это, соответственно, суверенитет и сюзеренитет. Сеть — это всегда сюзеренитет (еще раз вспомните «лайки», рейтинги и пр.). Закон и право — суверенитет. Или «Inter-Dependence» (сеть) vs. «In-Dependence» (Право). Ну и что же нам дает это различие? А дает немало. Дело в том, что люди всегда мечтали освободиться от сетей, а исторические периоды действительно стремительного развития (трансформации) любого общества всегда совпадали с разрывом с клановыми типами отношений между членами общества. Итак, либо «мета», либо «зависимость». Никто не свободен в рамках круговой

поруки: все повязаны и не знают, что и почему происходит (вспомним еще раз про язык), и не могут ничего изменить. Освободиться можно лишь подчинившись чему-то Высшему! Мета-уровню.

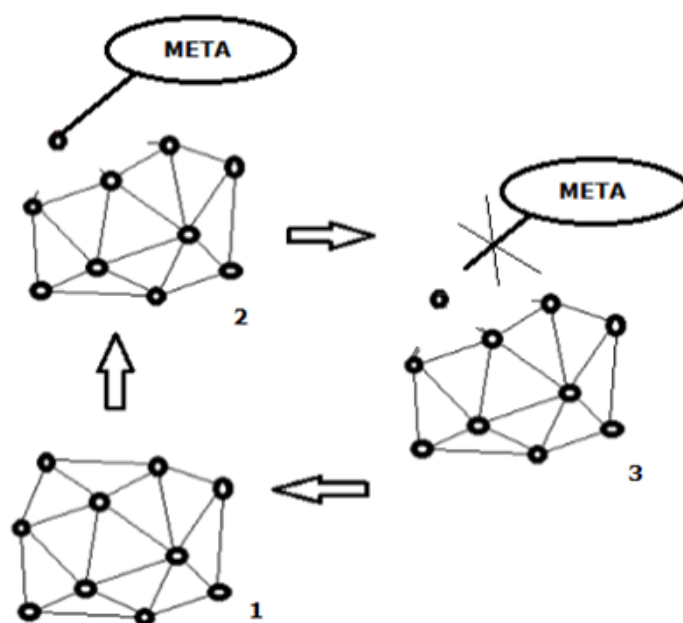

Рис 1. От сюзеренитета к суверенитету и обратно

И наоборот, если нет «Мета» (Закон, Истина, Бог, Язык, Родина), то сразу (автоматически!) попадаешь обратно в «сеть». И, чтобы замкнуть цикл, единственный выход из этого исторического тупика — разорвать сеть посредством обращения к мета-уровню, который всегда догматичен, т. е. основан на вере. Таким образом, «современное» общество — это вовсе не то, которое существует в одно и то же с нами время. Последнее запросто может оказаться «архаичным», либо, как минимум, содержать элементы «примитивного».

Исходя из этого, стоит по достоинству оценить «черный юмор» (сознательный или нет — не важно) М. Цукерберга, давшего «сети» название своего антагониста — «Meta»! Возможно, он хочет, чтобы «сеть» стала МЕТА-сетью. Любопытно, что он не одинок в этом. Еще

одна глобальная сеть называется «Uber» — «Сверх» (Человек?). Или «система социального кредита»... «Кредит» означает «доверие», т. е. «веру», что прямо предполагает мета-уровень (Бога!).

Разумеется, эта подмена современного примитивным началась отнюдь не вчера, но имеет давние идейные корни. Многие из них, так или иначе, восходят к восточным интеллектуальным, философским и культурным традициям Индии, Китая и Японии. Например, Зигмунд Фрейд свои идеи о бессознательном разрабатывал не на пустом месте, поскольку представления об «имплицитном» являются для всех языковых культур с иероглифической системой записи обыденностью. Именно в них наблюдается наибольшее уважение к традициям, кодам, рейтингам, кастам, которые регламентируют даже самые мельчайшие аспекты обыденной жизни людей, но, одновременно, как раз представители данных обществ наиболее формально относятся к этим самым традициям, кодам и рейтингам, считая их не более чем артефактами. В отличие от современных обществ, где клятва, или присяга, мета-уровню является определяющим событием в жизни, создающим ее смысл, актом «второго рождения», примитивные в отношении деонтологических актов являются номиналистами, а современные, соответственно, — реалистами. В первом случае задача каждого члена общества — поддерживать гармонию существующей структуры (круговая порука). Игра по правилам. Во втором — цель каждого заключается в трансформации игры. Это невозможно сделать без выхода на мета-уровень.

Разумеется, самым предельным мета-уровнем является Бог. Все, что делал человек эпохи Средневековья, имело смысл только через его отношение к Богу. Сопоставление двух ситуаций из следующего мысленного эксперимента позволит лучше понять это. Представим, что в первом случае мы сами с помощью «машины времени» оказались в эпохе Средневековья и поведали всем людям того времени, что на самом деле Бога нет. Допустим, нас не сожгут и не посадят на вилы сразу же. Но даже самый миролюбивый представитель Средневековья на это отреагировал бы: «Как же так? А я тогда кто?». Потому что все, что он или она делает, ради Бога. В этом смысле Бог действительно «создает» их. Если кому-то захочется посмеяться над этими «темными» людьми, то далее пусть представит, что теперь уже к нам сегодняшним на той же «машине времени» прилетел некто или нечто

из будущего и с таким же смехом и издевками начинает нам сообщать: «Вы знаете, а человека на самом деле нет и никогда не было!». Какова будет наша реакция? Да та же самая: «Как же так? А я тогда кто?».

Итак, мета-уровень — это в первую очередь божественный уровень. Но, начиная с эпохи Просвещения, место Бога все чаще стало занимать государство, появились понятия Нации, Родины и т. д. Ведь именно государство стало той третьей стороной, которая позволяла людям не скатиться в животное состояние. Номос защищал от фюзиса, суверенитет защищал от сюзеренитета. Сюзеренитет у нас часто ассоциируется со Средневековьем, с феодализмом. Причина этого в том, что все Средневековье шел поиск этого гаранта, механизма, позволявшего уйти от сетей и круговых поруков, семейных и клановых отношений, защищавшего от скатывания в них снова и снова. От империи, где сюзереном является метрополия, а вассалами колонии, к *государству*.

Идея суверенитета и «абсолютного монарха» появляется у Жана Бодена в 1575 г., идея суверенного субъекта познания («*cogito ergo sum*») — у Р. Декарта спустя примерно 50 лет в той же Франции. Субъект (от лат. «*sub-jectum*») означает «расположенный под», подчиненный закону, номосу, т. е. мета-уровню. Подчиняясь номосу, субъект получает независимость от фюзиса, от природы, а также примитивных социальных связей — сетевых. Именно номос, современное общество производит субъекта и его разум, а не наоборот. Отказ от подчинения номосу автоматически возвращает человека в фюзис, лишает субъектности, превращая в объект, такой же, как и любой другой объект природы. Дилемма: либо субъектность номоса, либо объектность фюзиса. Познание мира возможно только в первом случае, который в свою очередь возможен только при определенном (современном!) социально-политическом устройстве общества. Отсюда хорошо видно, что первичными являются именно социально-гуманитарные науки, а естественные и технические — вторичны, производны от первых, невозможны без них, производятся ими.

В ту же эпоху Просвещения становится популярной и идея социализма. В философском плане — благодаря маркизу Николя де Кондорсе и его последователю Анри Сен-Симону. В их схеме выс-

шим мета-уровнем является социум. Отсюда и название — социализм. Ученик самого Анри Сен-Симона, Огюст Конт придумал даже науку «социология», которая формировалась как академическая дисциплина в течение всего XIX в. Основной спор в ходе этого становления был между двумя лагерями. С одной стороны, были те, кто победил и сформировал социологию как научную дисциплину в конце XIX — начале XX в. Это, прежде всего, Эмиль Дюркгейм. Он считал социологию наукой «нормативной», или «проективной», говорящей о том, какое общество мы хотим построить и как это сделать; как нам прийти к этому новому Богу. Конечно, здесь нельзя не упомянуть Карла Маркса, который также считается классиком социологии. Правда, он не сделал академической карьеры. Бертран Рассел наглядно показал, что представления Маркса о социализме являются прямой проекцией представлений об истории в иудаизме [1, 349]. С другой стороны, были те, кто проиграл, но последние 50 лет активно хотят взять (и берут) реванш. Это в первую очередь Габриэль Тард, который считал, что социология является наукой «дескриптивной», а потому общество надо просто описывать, как мы стали бы описывать «муравейник». Мы же никаких целей, ценностей муравьям не приписываем. Вот так же должно быть и с человеческим муравейником. Это просто сеть, которую нужно описывать. Философом и социологом, который популяризирует эту точку зрения сегодня является, разумеется, Бруно Латур. Он даже свое учение так и назвал — «ANT». Это аббревиатура акторно-сетевой теории, но также и «муравей» по-английски. В обществе, где нет «нормативного», т. е. метаизмерения, отсутствуют любые реальные ценности, только номинальные. Это уже не социум, а сеть. Оно не может управляться понятиями Долга, Присяги, Родины, Чести, Истины и т. д. В нем автоматически воссоздаются элементы примитивного общества — коррупция, криминализация, круговая порука, тотальный полицейский надзор вместо политики. Потому что политика всегда о будущем, об идеалах, о мета! Если в XIX в. «Бог умер!», то сегодня вслед за ним пришла очередь государства (Родины) и социума — они тоже умерли! За что сегодня воевать, например? За Родину? Смех, да и только. Только за то, чтобы получить место повыгоднее в сети круговой поруки! Но так нельзя попасть в историю, потому что история, парадокс, тоже всегда

о будущем! Если нет идеала будущего, то нет и Истории (с большой буквы).

Неужели никакого МЕТА не осталось? Кроме Meta М. Цукерберга, китайской системы социального кредита или «Web of Science» со «Scopus» и т. д.? После Октябрьской революции 1917 г. и появления Советского Союза в 1922 г. стали закладываться основы для появления неолиберализма, который стал господствующей в мире идеологией в 1970—1980-е гг. и является таковой последние 50 лет. Его появление в значительной мере было реакцией на упомянутые события в нашей стране, в результате которых «новым божеством», т. е. мета-уровнем, или, на экономическом языке, «невидимой рукой» был объявлен Рынок (с большой буквы), а его «священнослужителями» — представители бюрократии. (Опять вспоминаем определение компьютера как «идеального бюрократа» у Г. Саймона!) Изначально эта идея возникла как попытка что-то противопоставить «книжным» истинам, к которым тогда причисляли марксизм. Противопоставить процессы самоорганизации, нечто бессознательное, спонтанное, в отличие от спланированной революции, якобы запрограммированной самим ходом истории, т. е. противопоставить эволюцию революции. На первый план должен был выйти персональный обыденный опыт каждого человека. Это вообще было свойственно тому времени. Речь идет об уже упомянутой нами тяге к бессознательному и, соответственно, о З. Фрейде, о возврате к «почве», к «Heimat» (родине, дому) у М. Хайдеггера и о набиравшем в ту пору силу (из этого же идейно-исторического корня) фашизме. Не случайно же, что учителем главного идейного отца-вдохновителя неолиберализма, Фридриха фон Хайека, был Отмар Шпан, яркий представитель так называемого «австрофашизма». В нашей культуре необходимо назвать Ивана Ильина, который приветствовал приход А. Гитлера к власти и даже нападение нацистской Германии на Советский Союз. Сегодня И.А. Ильин является любимым философом всех российских олигархов и прочих «рыночных фундаменталистов». То есть проблема с Рынком как мета-уровнем та же самая — под видом «мета» нам подсовывают нечто примитивное — сетевое общество, где твое место определяется игрой конкуренции (эволюция; выживает сильнейший), то, с чем любое «мета» как раз призвано бороться, противостоять. Вот почему у нацистов было преклонение перед эволюцией. Для них это было Божество.

И вот почему в рамках Нюрнбергского трибунала оказалось, что вроде как никто и не виноват, поскольку виновата система, точнее — сеть, круговая порука.

Итак, если вернуться к изначальной ассоциации между концовкой «Острова доктора Моро» и исчезновением Советского Союза, то здесь все довольно очевидно. Скорее всего, столетие СССР обойдут молчанием. И это уже даже не предсказание, а, скорее, констатация факта. На официальном уровне в нашей стране эта повестка уже почти «табу». Что ж, вполне по-постмодернистски, в духе Бруно Латура, фразу которого о том, что «Нового времени не было», можно переделать на «Советского Союза не было»... Но и по существу сегодняшнее состояние людей и общества действительно напоминает «одичание» и жизнь внутри «хаоса» этой самой «дикости». Это состояние действительно очень подробно описано постмодернистами более полувека назад, кстати, еще до падения советской системы, которое они при этом предвидели, призывали к нему и делали все возможное, чтобы его приблизить. И это абсолютно точно совпадает с тем, что мы уже описали выше.

Остановимся хотя бы на одном эпизоде, а именно на работе Жана-Франсуа Лиотара «Состояние постмодерна» [2], которая во многом и дала название эпохе и состоянию умов последних 50-ти лет.

По словам Ж.-Ф. Лиотара, с 1950-х гг., а именно с появлением концепции общества Тэлкотта Парсонса как саморегулирующейся системы, теоретической и даже материальной моделью («идеальным типом») больше не является живой организм, но кибернетическая система. Вместе с тем, в работе Т. Парсонса принцип, лежащий в основе системы, по-прежнему оптимистический, соответствующий стабилизации развивающихся экономик и обществ изобилия под эгидой умеренного государства всеобщего благосостояния (welfare state). В работах современных Ж.-Ф. Лиотару немецких теоретиков системной теории, наиболее наглядно представленных Никласом Луманом, этот принцип является уже полностью технократическим, даже циничным, если не сказать «принципом полного отчаяния». Здесь гармония между потребностями и надеждами людей, гарантируемыми системой, отныне является лишь второстепенным компонентом ее функционирования, тогда как истинная цель системы, т. е. причина, по кото-

рой она «программирует» себя, словно компьютер, заключается в оптимизации глобальных отношений между «input» и «output». Термин самого Ж.-Ф. Лиотара для данного принципа — «перформативность». При этом функции государства, а именно функции регулирования и, следовательно, воспроизводства, в настоящее для Ж.-Ф. Лиотара время (1970-е) и в дальнейшем (по меньшей мере, до настоящего времени, т. е. 2020-х) будут изыматься у администраторов и передаваться машинам. Почему? Да потому что с ними не поспоришь.

Подчиненное требованиям конкуренции знание в таком обществе больше не может быть узаконено разговорами об истине или свободе (равенстве, братстве), тем более справедливости, и уж ни в коем случае попытками синтезировать истину и справедливость, в результате чего «научный поиск истинных причин всегда совпадает с преследованием справедливых целей в моральной и политической жизни. Единственная роль, которую может сыграть позитивное знание, — это информировать практического субъекта о реальности, в которую должно быть вписано исполнение предписания» [2, 32, 36].

Таким образом, делает вывод Ж.-Ф. Лиотар, в контексте падения кейнсианства и «коммунистической альтернативы», а также в результате «расцвета техники и технологий», который сместил акцент с целей действия на его средства, великий нарратив (meta-narrative) потерял свою достоверность. Иначе говоря, речь идет о том же самом отказе от meta. В пользу всего стихийного или мифического, магического, архаичного, примитивного, дословного, языческого. Впрочем, это все синонимы... Вопрос, поставленный государством и даже высшими учебными заведениями, уже больше не «Правда ли это?», а «Можно ли это продать?». Так же и постмодернистская наука уже не ищет законы или порядки, теперь это исследование, нацеленное на производство нестабильности. Изнутри такая система, как ее ни назови, будь то государство, образование, наука, бизнес, культура и т. д., не может быть ничем иным, кроме как хаосом. Для понимания нужен выход на мета-уровень. Но его-то и запрещает постмодерн (неолиберализм). Наоборот, мы, люди, и наш социум сами становимся мета-уровнем для чего-то иного, что чаще всего сегодня принято именовать «искусственным интеллектом» или «точкой сингулярности».

Но нельзя предаваться «принципу полного отчаяния». В 1991 г. в нашей стране произошла контрреволюция, после которой в течение уже больше 30 лет, согласно официальной точке зрения, революция (октября 1917 г.) была не нужна, как и революции вообще («исчерпали лимит на революции»). Как известно, у Французской буржуазной революции 1789 г. была похожая судьба. Контрреволюция, правда, во Франции произошла не через 70 с лишним лет, как в нашей стране, а гораздо раньше (через 10 лет), породив, в том числе, Наполеоновские войны. Так или иначе, во второй половине 1810-х гг. Алексис де Токвиль высказал общее мнение, объявив революцию окончательно и бесповоротно проигравшей и вообще бессмысленной затеей, унесшей много жизней. Тем не менее, спустя еще примерно 30 лет (после 1848 г.) и далее в течение всей второй половины XIX в., французы стали считать революцию благом, вернули «Марсельезе» статус государственного гимна, стали отмечать День взятия Бастилии как главный государственный и национальный праздник. То есть краткосрочные потери от революции оказались с лихвой окуплены ее долгосрочными завоеваниями. Если использовать эту логику, то, возможно, мы тоже еще пока не поняли значение нашей Революции 1917 г. и советского периода истории. Вопрос только в том, что нам опять нужно в этой ситуации делать — ждать, когда это осознание созреет эволюционно (меньшевики), либо всеми силами ускорять этот процесс революционно (большевики). Возвращаясь к терминам анализа философии К. Маркса Б. Расселом, перспективу социализма можно обозначить так: нужно перейти от «ветхозаветного» к «новозаветному» социализму!

Литература

1. *Рассел Б.* История западной философии. М.: AST Publishers, 2016.
2. *Lyotard J.-F.* The postmodern condition: A report on knowledge. Minneapolis: Minnesota University Press, 1984.

References

1. *Russell B.* History of Western Philosophy. M.: AST Publishers, 2016.

А.Н. ФАТЕНКОВ

Диалектическая ретроспекция советской реальности*

Аннотация. В русле диалектической традиции концептуализируется понятие структурообразующего противоречия. В приложении к социальной реальности оно используется для рассмотрения существенных черт советского общества. Проводится сравнение ряда существенных черт советской и постсоветской социальности. Величию советизма противопоставляется характерная для постсоветизма имитация величия.

Ключевые слова: диалектика, противоречие, структурообразующее противоречие, советское, великое, постсоветское, имитация величия.

Abstract. The concept of structure-forming contradiction is conceptualized in line with a dialectical tradition. Applied to social reality, this concept is being used to consider the essential traits of Soviet society. The comparison of a number of Soviet and post-Soviet reality's essential traits is being made. The greatness of Sovietism is opposed to the imitation of greatness characteristic of post-Sovietism.

Keywords: dialectics, contradiction, structure-forming contradiction, the Soviet, the great, the post-Soviet, imitation of greatness.

УДК 101.8:316.4
ББК 87

О структурообразующих противоречиях советского общества

Отдадим должное гегелевской классике: «Противоречие — вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить» [1, 280]. Солидаризируясь с этой позицией, следует уточнить минимум два момента: что значит «движет» и что значит

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Фатенков А.Н. Диалектическая ретроспекция советской реальности // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 172—182.

«мыслить <его> противоречие»? И, конечно же, надо сразу очертить пространство диалектики, в котором противоречие и рассматривается.

Опыт Александра Кожева помогает отойти как от жесткого и обязательного деления диалектики на субъективную и объективную, так и от ее исключительно (преимущественно) методолого-гносеологической трактовки. По сути, диалектика тождественна философии. И если от Сократа — Платона до Гегеля философом-диалектиком можно было быть, оставаясь в пределах интеллектуальных практик, то, начиная с Гегеля, философ-диалектик никак не вправе ограничиваться областью интеллигибельного: «Ибо <...> Бытие лишь потому может быть раскрыто Мышлением и лишь потому существует Мышление в Бытии и о Бытии, что Бытие диалектично...» [3, 555]. Мышление у Гегеля земное и деятельное. Заводя разговор о диалектике всерьез, надо понимать, что речь пойдет «о том, как воевать и трудиться» [3, 571].

Событие, если оно действительно событийно, стремится к онтологической полноте, в силу чего не может не быть противоречивым (неспекулятивно противоречивым). А в силу того, что оно мыслится, ибо не может быть иным, мы просто-напросто обязаны мыслить противоречие. Это означает, что от двух противоположных суждений — тезиса и антитезиса — требуется перейти к (так или иначе) снимающему их третьему — то ли к единственно здесь возможному, то ли к некоему спектру суждений, каждое из которых претендует на роль этого третьего. При снятии антагонистического противоречия, когда разрешение его необходимо связано с переходом к другому типу развивающейся реальности, спектр снимающих суждений неширок: тут вполне возможно и одно-единственное третье. Разрешение неантагонистических противоречий гораздо более вариативно.

Среди неантагонистических противоречий целесообразно выделять те, которые не мешают развитию, и те, которые развитию способствуют. Понятно, ведут они себя так при их своевременном разрешении. Неантагонистические противоречия, способствующие развитию и совершенствованию реальности в рамках определенного ее типа, имеет смысл называть *структурообразующими*.

Советское общество, каким я его видел в 1960-х — 1980-х гг. и каким вспоминаю сейчас, было обществом социалистическим. По

моим представлениям, социализм не какая-то фаза коммунизма, а самодостаточный тип общества, оправданно бросивший вызов капитализму. Причем никаких научно обоснованных гарантий, включая экономически обоснованных, для перехода к социализму нет. Наука вообще ничего не гарантирует, но оперирует тенденциями и вероятностями. Абсолютизация тенденций — шаг идеологический, но не научный (наука ничего не абсолютизирует) и не философский (философия — как, скажем, в случае с Гегелем — абсолютизирует то, что безмерно мощнее всех тенденций и вероятностей). Социалистический проект есть синтез обыденных и философских стремлений. Научный социализм оказывается одной из утопий, и далеко не самой продуктивной. Ему никогда не справиться с научным капитализмом, ведь сама нововременная наука в своем генезисе, в своей сути пронизана капиталистическими умонастроениями. Научный коммунизм утопичен и спекулятивен до крайности. В отличие от него, коммунистический проект, свободный от сциентистских приправ, имеет статус продуктивной утопии, могущей помочь социализму в его развитии.

Противоречие движет социальным миром в том смысле, что, в частности, дает социализму шанс совершенствоваться на его собственной основе и в его собственных пределах, отвергая капитализм и не умиляясь коммунизмом. У М.А. Лифшица встречаем эвристически ценную мысль об истинной середине. На его взгляд, процессу развития непременно нужны средние ступени: «без них *слишком радикальное стремление к абсолюту* ведет к обратным результатам» [4, 58]. Социализм, думается, и есть та истинная середина, которая фундирует собой развитие исторически зрелого неантагонистического общества.

Критики упрекают социалистический строй в инвариантном подчинении многого — единому, личности — коллективу. Историческая эмпирия, включая позднесоветский период, действительно свидетельствует о такого рода перекосах. Отсюда, однако, никак не вытекает, что они не могли быть в дальнейшем минимизированы. Достается зачастую и диалектике за ее приверженность монизму. Но и тут есть чем защититься. Формула диалектической онтологии (в трактовке Л.К. Науменко) — многообразие сущностей при единообразии субстрата (см.: [5, 97—98]) — позволяет даже в парадигме

философского классицизма удерживать рубежи индивидуальной свободы и содержательного критического мышления. Последнее, надо подчеркнуть, формируется только на основе систематического мышления как некая естественная человеческая реакция на него — на определенный вид монистически ориентированной мыслительной деятельности. В эклектичной мировоззренческой среде, какую имеем в постсоветской России (подробнее см.: [7]), выработать содержательное критическое мышление кратно сложнее. Потому и получаем: либо веру «в телевизор», либо тотальное безразличие, либо нигилизм.

Теперь непосредственно о структурообразующих противоречиях советского общества. Они, повторюсь, имеют широкий перечень возможных решений — но в каждом конкретном случае этот перечень ранжирован (от лучшего варианта до худшего). Они каждый раз требуют своевременного снятия — но заведомо неполного, так как окончательное их устранение равносильно деструкции данного типа общества.

Об одном из таких противоречий уже приходилось писать. Для советского человека характерно нахождение «в перекрестии интуитивно-романтического отторжения буржуазной эффективности и завистливо-прагматического пленения ею» [8, 141]. Есть уверенность в том, что положительный синтез предполагал стратегическое дистанцирование от эффективности при тактическом ее использовании в качестве дополнительного критерия в сфере экономики. Курс на полномасштабную эффективность ввергает социализм в априори проигрышное экономическое соревнование с миром капитала и обрекает на реставрацию капиталистических отношений: шоковую (как в нашей стране) или неспешную (как в Китае). Капитализм — самая эффективная система (за вычетом аутентичного тоталитаризма). Состояться с ней на ее поле — себе дороже. А главное — совершенно незачем. Эффективное общество, с вопиющим диктатом экономики и непомерными притязаниями науки, превращает человека в элементарное звено технологической сети.

Другое структурообразующее противоречие социализма — в одновременном стремлении его к неформальному социальному равенству (провозглашаемому коммунизмом) и к неформальной опять же, обусловливаемой уровнем и качеством содержательного труда, собственно социалистической (принципиально новой) иерархической

композиции. Социалистический строй, вероятно, единственный, в котором иерархия содержательного труда способна реально конкурировать с номенклатурной иерархией (наличествующей в любом исторически обозримом обществе). И вновь важен поиск неформальной середины, которая здесь тяготеет, если не прельстится утопией, к области трудовой иерархии.

Наконец, третье структурообразующее противоречие советского общества (разумеется, список открыт к дополнению). Титульная защита социализмом собственно социального аспекта жизни синхронно осуществляется по двум направлениям: в антикапиталистической тенденции к преодолению экономического детерминизма и в прокоммунистической тенденции к искоренению политического детерминизма (системы классового и не только господства-подчинения). Какая из двух указанных каузальностей вреднее? (Речь, понятно, о внутренней, а не о внешней причинности, не о военной агрессии или торговой блокаде.) Ответ укладывается в диалектическую спираль. На этапе перехода к социализму лимитирующим фактором с очевидностью выступает политическая каузальность. Затем постепенно и надолго ее место занимает каузальность экономическая. На стадии зрелого социализма опять происходит рокировка, и никак не отмирающее государство начинает заметно тормозить социальные инициативы. Отмирание или ликвидация государства — это утопия. Но что-то надо было с ним делать. Зрелый социализм, как и известный религиозный персонаж, приходит не отменить закон, а подчинить его неформализуемой человечности.

От советского к постсоветскому, под уклон

Переход от одного типа социальной организации к другой, от того, что постепенно складывался после Октябрьской революции 1917 г. и просуществовал в Советском Союзе в течение семидесяти лет, к тому, что пришел ему на смену, оказался катастрофическим. Жесткая оценка требует серьезной аргументации.

Сосредоточимся на характеристике советского социализма (советизма), на выделении некоторых его сущностных черт, постепенно складывавшихся в результате снятия антагонистических противоречий из дореволюционного прошлого страны и вследствие продуктивного разрешения собственных структурообразующих противоречий.

Выделенные черты сравним с соответствующими позициями в структуре постсоветизма.

Пункт первый. Отсутствие в советском обществе эксплуатации, основанной на частной собственности. Эксплуатация со стороны государства имела место, но ощущалась не постоянно, а от случая к случаю (констатация из личного опыта). Надо заметить, что феномен эксплуатации из тех, в идентификации коих весомую роль играет не только мышление, но и чувственно-эмоциональная сторона человеческой психики. Ценностно положительный феномен, скажем свобода, вовсе отсутствует, если нет его ощущения, при этом порог восприятия человеком положительно значимого для него достаточно высок. Порог восприятия негативного при прочих равных условиях много ниже. Однако, как ни парадоксально, ценностно отрицательный феномен, скажем рабство, может наличествовать и без фиксации его в ощущении, на что имеются причины и личностного, и социального порядка. В социальном плане все зависит от традиций и от того, как работает пропаганда: насколько удастся ей приподнять планку восприятия негативного. В постсоветском обществе частнособственническая эксплуатация налицо. Отсюда и закономерное нарастание эксплуатации (чрезмерного принуждения) индивида государством, защищающим институт частной собственности.

Выстраивая оборону от нападок сегодняшних апологетов частной собственности, сошлюсь на содержательное наблюдение В.В. Розанова. Консерватор, кстати. Правда, не нынешнего пошиба, «умеренного и аккуратного», с холопским душком, а того, что со стихийно-натуралистическими мотивами. Итак, цитата: «В России вся собственность выросла из “выпросил”, или “подарил”, или кого-нибудь “обобрал”. *Труда* собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» [6, 216]. Постсоветский период истории есть просто-напросто иллюстрация-шарж к розановской ремарке.

Пункт второй. Советизм — стратегия развенчания культа: и как такового, и его частных проявлений. И денежного: далеко не все, к счастью, вписывается в формат купли-продажи; тогда, не сейчас, это ощущалось безошибочно. И религиозного: регулярное схождение «благодатного огня» неотличимо от законосообразного физико-химического акта; вот если бы хоть раз «не сошел»... И культа личности.

Да, и его. Знаю, что среди тех, кто не принял капиталистическую реставрацию, немало сталинистов. К ним в первую очередь и обращаюсь. Уверен, развенчание культа личности не случайность и не оплошность в развитии советского общества. Вождизм сделал свое историческое дело — и с ним надо было заканчивать. Иначе получим — в перспективе постсоветизма легко — помесь Сталина и Рокфеллера в орнаменте «традиционных ценностей». Отказ от культа оберегает личность от фетишизации всех или какой-то ее ипостаси.

Постсоветизм реанимирует культ. Реанимирует инновационно-убогого. Вместо культа личности — культ имиджа, персональной торговой марки. Вместо подлинной заботы о себе — селфимания. В сочетании с телетрансляциями церковных богослужений и навязчивой рекламой кредитования. Планируемая замена монет и бумажных купюр электронными деньгами приведет к появлению финансовой трансцендентности, практически неотличимой от трансцендентности религиозной.

Наконец, пункт третий. Им, разумеется, не исчерпывается перечень существенных черт советизма, однако уже и трех высвеченных в первом приближении достаточно для аргументированного утверждения о величии советского строя. Пространственное совершенство и территориальная полнота физически и метафизически (не в смысле антидиалектики, а в смысле глубинной онтологии) отличали Советский Союз. Не было нужды в других, чужих землях; страна органично вписалась в свои естественные границы. Геополитический фактор находился в подчинении социально-культурных задач. Земное пространство не ради него самого, а ради наполняющего его содержания, ради развития новой социальной — советской — общности. Пафос пространства как такового звал ввысь. Символично, что мы опередили американцев с полетом человека в космос, но проиграли гонку с высадкой человека на Луну. За пределами Земли нас интересовало именно пространство, а не дополнительные территории.

Советский проект — проект пространственный, не временной. Начав с исторически необходимого, но метафизически чуждого «догнать и перегнать», СССР завершил свои дни болотистым «застоем». Пора, однако, понять: застой — лишь одна и действительно малопривлекательная сторона метафизически мощного, окончательно не те-

ряющего под собой твердой почвы, состояния. Имя ему — *неспешность*. Перестроечное «ускорение», что неудивительно, оказалось фатальным для неспешащих.

Постсоветизм ликвидирует застой и ускоряет ускорение до суеты. Пространство, теряя в качестве социально-культурного наполнения, становится предметом бестолковых геополитических игр. Постсоветские государства не в состоянии предложить соседям ничего, что укрепило бы человеческое достоинство или хотя бы устранило вопиющую социальную несправедливость. Амбициозное трепыхание циничных элит вперемешку с тупым деланием денег. О каком-то величии говорить тут смешно.

Величие неторопливо. Оно проступает в той неспешности, за плечами которой опыт переживания трагического, не скрадывающий, однако, ясного видения горизонта и, несмотря на осознаваемую смертность, не отменяющий уверенности человека в завтрашнем дне. Трагично и само великое, здесь не надо строить иллюзий (в том числе и касательно советского периода истории), оно не обходится без неоправданных жертв. При имитации величия все гораздо хуже: ни одна жертва не подпадает под оправдание; имитация оправдания жертвенности оборачивается трагифарсом.

Величие советского проекта — в стремлении сплотить на основе секулярной культуры территориально соседствующие, исторически соприкасающиеся этносы в социальную общность, свободную от эксплуатации человека человеком. Что-то получилось, что-то нет. Но и свершенное — убедительно!

В чем причина крушения СССР? Предательство политический элиты внутри страны и тотальное давление извне, со стороны Запада, сыграли, разумеется, определенную роль. Однако не главную. Вернемся к тезису о структурообразующих противоречиях социализма. Их контекстуальное, частичное разрешение способствовало развитию советского общества. Намерение и попытка радикального (однозначного и бесповоротного) их разрешения обрекали социализм на деструкцию. Торопливых великое покидает. Потенциально продуктивные противоречия рассыпаются. Такова глубинная причина поражения советского строя и пришествия постсоветизма.

Что представляет собой социальная матрица постсоветизма? По А.А. Зиновьеву, например, и здесь с ним во многом можно согласиться, постсоветская Россия являет собой гибрид трех ингредиентов: обломков советизма (вождизм, привилегированное положение силовых структур, отдельные элементы быта и артефакты культуры), черт западнизма (имитационные формы рынка и демократии) и феноменов-призраков дореволюционного прошлого (религиозные и монархические веяния). Зиновьевская оценка ситуации негативна, прогноз — на десятилетия вперед — пессимистичен. Страна «отброшена с вершин эволюционного прогресса на уровень страны третьестепенной важности, обреченной плестись в хвосте торжествующего глобального западнизма... Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации в обозримом будущем у нее нет» [2, 430].

По прошествии полутора десятка лет после публикации «Фактора понимания» ничего принципиально не поменялось. Сырьевой придаток, примеряющий на себя роль углеводородного шантажиста, остается сырьевым придатком. Геополитические игры, построенные на амбициях и блефе, окутывают *VIP*-персон и статистов облаком мнимого величия. Имитация и показуха при поддержке новых технологий все глубже проникают в структуру общественной жизни.

Несомненно, и в советское время, как справедливо отмечал Зиновьев, имитационно-показушная компонента социальной практики была немалой, но все-таки скорее поверхностной, отчего, по-видимому, и допускалась ее беспощадная критика культурой и даже официальной идеологией. Постсоветизм насытил поддельными формами корневые пласты социальной организации общества (см.: [2, 429]).

В трактовке Зиновьева, имитация имеет место тогда, когда по замыслу одних людей объекты-имитанты воспринимаются другими людьми как объекты-подлинники. Целесообразно держать в уме и ее продвинутую вариацию, когда имитанты воспринимаются подлинниками и теми индивидами, кто инициировал процедуру подмены.

От великого советского к имитации величия постсоветского. Такова социальная траектория страны в ее новейшей истории.

Советское общество шаг за шагом скрывается в историческом прошлом. Уходит вместе с поколениями людей, заставших социализм. Надежды на его возрождение призрачны. Закономерностей нет

никаких, в том числе и тех, которые обусловили бы вызревание антагонизмов и зарождение структурообразующих противоречий. Уж слишком много обстоятельств должно совпасть. Впрочем, удачный «бросок костей» — не исключено, в нарушение всех вероятностных выкладок — еще никто не отменял.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики / Пер. с нем. Б. Столпнера. М.: Мысль, 1974.
2. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
3. Кожев А. Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля // Кожев А. Введение в чтение Гегеля: лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. С. 553—656.
4. Лифшиц Мих. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М.: Искусство XX век, 2004.
5. Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968.
6. Розанов В.В. Уединенное. М.: Правда, 1990.
7. Фатенков А.Н. Мировоззренческие апории современной России // ВВ: Философские исследования. 2014. № 1. С. 203—262.
8. Фатенков А.Н. Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 135—145.

References

1. Hegel G.W.F. Encyclopaedia of the Philosophical Sciences. Science of Logic, trans. by B. Stolpner. Moscow: Mysl' Publ., 1974.
2. Zinoviev A.A. Understanding Factor. Moscow: Algoritm, Eksmo Publ., 2006.
3. Kojève A. The Dialectics of the Real and the Phenomenological Method in Hegel // Kojève A. Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on the Phenomenology of Spirit, trans. by A.G. Pogonyailo. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. P. 553—656.

4. *Lifshitz Mikh.* What is a Classic? Ontognosiology. The Sense of the Word. "The True Middle". Moscow: Iskusstvo XXI vek Publ., 2004.
5. *Naumenko L.K.* Monism as a Principle of Dialectical Logic. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR Publ., 1968.
6. *Rozanov V.V.* Solitary Thoughts. Moscow: Pravda Publ., 1990.
7. *Fatenkov A.N.* Worldview Aporia of Modern Russia // NB: Filosofskie Issledovaniya. 2014. No. 1, P. 203—262.
8. *Fatenkov A.N.* Effectiveness as a False Landmark of Development? // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2018. No. 7 (411). P. 135—145.

А.В. МАРКОВ

В защиту Верреса: Вяч. Иванов как философ римского хозяйства*

Аннотация. Впервые как образец философского осмысления хозяйства анализируется латинская диссертация крупнейшего мыслителя русского серебряного века Вяч. Иванова. Иванов, исследующий корпорации сборщиков налогов в древнем Риме, рассматривал их как один из институтов, делающих Рим и римскую культуру вечной. По выводам Иванова, в отличие от корпораций, создаваемых для достижения отдельных целей, институт налогов и откупов соединял официальные и неофициальные практики экономической активности и тем самым вовлекал граждан в общее дело. Полемика с Цицероном и апология Верреса перекликаются со славянофильской критикой отдельных западных юридических обычаев. Труд Иванова о римских налогах следует считать не только эпизодом его биографии, но и необходимым этапом развития отечественной социально-экономической мысли.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В. В защиту Верреса: Вяч. Иванов как философ римского хозяйства // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 182—193.

Ключевые слова: славянофильство, русский модерн, Серебряный век, Вячеслав Иванов, классическая филология, римская история, система права, философия права, античное хозяйство.

Abstract. The Latin thesis of Vyach. Ivanov, the greatest thinker of the Russian fin-de-siècle and emigration, I analyse as an example of philosophical economy. Ivanov, who studied corporations of tax collectors in ancient Rome, viewed them as one of the institutions that made Rome and Roman culture eternal. According to Ivanov's conclusions, in contrast to corporations set up to achieve individual ends, the institution of taxes and tribute combined formal and informal practices of economic activity, and thereby involved citizens in a common cause. The polemic with Cicero and the apologia of Gaius Verres echoed the Slavophile critique of certain Western legal customs. Ivanov's work on Roman I consider not only as an episode of his biography, but also as a necessary stage in the development of Russian socio-economic thought.

Keywords: Slavophilism, Russian modernity, Silver Age, Vyacheslav Ivanov, classical philology, Roman history, system of law, philosophy of law, antique economy.

УДК 130.2+13
ББК 71.0

Хотя изучение наследия Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949) давно стало отдельной отраслью филологии и культурологии, его диссертация «Общества государственных откупов в Римской республике» остается в тени всех его как будто более смелых замыслов. Вместе с тем, это первый созданный крупнейшим мыслителем Серебряного века «Gesamtkunstwerk», тотальное произведение искусства, при этом в соавторстве: Иванов и его учитель М.И. Ростовцев поделили всю римскую историю так, чтобы первый охватил весь республиканский, а второй — весь императорский период. Рим должен был предстать в этой двуединой энциклопедии как живой механизм, социальные институты которого то подчиняются экономическим, то вырываются из-под их власти. В общем, работа обещала предстать тотальным произведением искусства вагнеровского типа, содержать в себе возможность взрыва неукротимых эмоций, при этом направляя

их общей энергией идеи, рассчитанной и обеспеченной различными способами художественного высказывания от начала и до конца. В этом исследовании мы опираемся, прежде всего, на две выдающиеся работы Аверинцева [1] и Бибихина [2], и взгляды Иванова на церковность, соборность, русскую культуру и др., кои реконструируем в диалоге с ними при внимательном чтении латинской диссертации.

В этой большой диссертации Рим как республика для Иванова был воистину един: общая сеть институтов пронизывала его, а правовые правила не столько определяли место каждого института, сколько синхронизировали общие нормы, согласно которым институты будут взаимодействовать с другими, спорить с ними и утверждать свою автономию. Поэтому Иванов всецело доверяет греческим переводам латинских юридических документов: искажений в них не могло быть из-за огромной литературной ревности греков, что они предпочитали сказать напыщенно, но не вмешаться в те институты, преимущества которых признавали. Это указание на торжественность греческого тона в геокультурных построениях Иванова прямо говорит о том, что юридический жаргон и его переводы не выражают смысл, но выступают чем-то вроде декораций вагнеровской оперы, которые могут начать двигаться в неожиданный момент, что послужит пышности действия, но не усилит характеры или обстоятельства в ущерб мистериальному смыслу.

Географическое воображение Иванова позволяет говорить о налоговой системе, столь же надстроенной над корпорациями и институтами, как церковь надстроена над общинами: община может преследовать какую-то цель (как и корпорация), определив ее заранее и ограничив себя ею, но целеполагание налоговой системы, как и целеполагание церкви, раскрываются самой ее жизнью. Евангельские мытари, налоговики-откупщики, конечно, попадают в диссертацию как люди, которые заменили залог, вносимый в казну перед сбором налогов, на залог спасения, знание благодати как начало спасения. Те, кто прежде брал в заложники соотечественников, сами оказались и заложниками, и хранителями сокровищ, и сокровищами Царствия Небесного, которое само есть неоценимое сокровище.

Только два места империи не получили римской налоговой системы в полном объеме: это Сицилия, мафиозная в античности не ме-

нее, чем в эпоху современности, и Египет, где не стали ломать систему, созданную Птолемеем. На Сицилии римские всадники (из которых выходили самые матерые откупщики) довольствовались пастбищным налогом и пошлинами-акцизами, а местные мелкие сборщики держали в своих руках все налоговые поступления с земель. Римляне, объясняет Иванов, не хотели ломать прежнюю систему, в которой греческие сборщики легко находят язык с греческими же обитателями земель, где их сговор оправдал себя в течение веков, а потому пусть лучше воспроизводится этот порядок, чем вводится что-то беспрецедентное, как было с «Обществом государственных откупов». Сицилийское земледелие и скотоводство, оставаясь в лоне греческого обычая, который никогда не возможно до конца конвертировать в манципное право, оказывались чем-то вроде церковных монастырей, над которыми не властны епископы.

А в Египте просто наблюдалась сверхцентрализация, при которой из любой точки страны доходы могут поступить непосредственно ко двору, минуя разные инстанции, что тоже оказалась удобным римлянам — достаточно было просто перенаправить весь денежный поток из Александрии в Рим. Солнце египетского мистического гнозиса должно было взойти в другом месте: здесь мы опять видим *in nuce* мысль Иванова о связи античных мистерий и христианства. Для него дело не в том, чтобы их переосмыслить или переделать, все это будет латанием старых мехов, а в том, чтобы встретить мистерии и их адептов «на пути в Эммаус», в другом месте большого «мирового ипподрома», мирового паломничества (мы сразу вспоминаем образы из поэзии Вяч. Иванова разных лет).

Однако римляне были для Иванова капризными людьми: что же они бранят откупщиков на чем свет стоит, если эти откупщики — один из первейших институтов их гражданской свободы? Римляне у Иванова могли надеть маску русских нигилистов. Вряд ли свободу могут дать другие коллегии, тогда как только независимый сбор налогов и может показать, как достоинство гражданина, его независимость, поддерживается тем, что налоговое общество не зависит от частных целей планирования, но всякий раз обращает богатство Рима на пользу длительного и уходящего в вечность существования Рима: ««Общество государственных откупов» имело мало общего с другими обществами, образованными для того, чтобы вместе что-то закупать,

но сближалось с системой управления государственного образца и с коллегиями. И самым большим и даже избыточным свидетельством такому положению дел является длительность существования Обществ государственных откупов, которую лучше было бы назвать их устремленным в вечность существованием» [3, 32].

При этом Иванов приводит только два доказательства того, что «Общества государственных откупов» — величественный державный институт, что невозможно отменить. Это доказательства из миметической области, мира подражания одних институтов другим: во-первых, протоколы «Обществ...» считались официальными документами, во-вторых, управлялись «Общества...» так, как управляются государственные предприятия. Впрочем, Иванов никак не ставит под вопрос понятия официального документа и государственного предприятия, не забыв себя простить тем, что он филолог, а не юрист. Но некоторые юридические вопросы ему все же приходится решать, например, как наследовались откупы. Оказывается, что их нельзя было унаследовать как имущество, но требовалось совершить некий ритуал передачи прав (принадлежащего ритуальной области отточенного бюрократического управления). Этот ритуал, конечно, напоминает нам церковное рукоположение и апостольское преемство, которые обеспечиваются не личным обладанием соответствующими правами, а гласностью внутри всей церкви, где уже распределены права управления.

Церковную жизнь в изображении Иванова напоминает и переход на более высокую должность в «Обществе государственных откупов», для которого требовались и испытания, выявляющие, может ли человек справиться с большим объемом работы, вступление в должность торжественно праздновалось, как принято в римских государственных, но не коммерческих учреждениях. Опять же, рассуждая о духе официального Рима, с его триумфами в лоне деловитости, Иванов говорит о церковности как об испытании не деловых качеств, но достоинства. Вопрос не в том, может ли человек стать священником или епископом, а достоин ли он стать таковым не столько по качествам, сколько по предпосылкам всей жизни, в том числе и судя по еще не сделанным делам.

Так и тут, простой мытарь (*publicanus*) может, послужив как начальник (*praepositus*) отделения, стать контраскриптором, т. е. как

бы священником налоговой церкви, который создает нормы сбора налогов и своевременного учета, заботясь о поступлении так же, как священник заботится о пастве. Но контраскриптор мог пойти еще выше и стать казначеем, епископом налоговой церкви, который уже ведает финансами как таковыми, распоряжаясь прозрачностью самого устройства, которое дает финансовый поток, идущий в Рим — а не благодать, идущую с неба и из Рима.

Таким образом, уже здесь Иванов оказывался близок католическому богословию, которому он посвятил значительную часть своей уже эмигрантской биографии, где епископ не столько распределяет дары и следит за ними, сколько создает и воссоздает безупречный, чуждый всякой коррупции, механизм самовыявления благодатного действия. Иванов вообще не жалеет интонаций, чтобы описать headquarters откупщиков в Риме как часть бурного и красочного кипения жизни в столице: для него это не вопрос удобства коммуникации, но вопрос уже начавшейся давно жизни профессий и финансов, где и там, и там разум торжествует над неразумием [3, 46].

Действительно, рассуждает Иванов, некоторое «Общество...» действует в определенной провинции, но его центральная контора — в столице, благодаря чему «Общества...» сотрудничают, заключают взаимовыгодные соглашения, спешат на форум, где выставляются на торги новые откупы и сразу же производят денежные расчеты. Так, конечно, в Риме и окажется самый богатый и влиятельный член каждого Общества, окружив себя пряной роскошью, и каждый день к нему будут прибывать письмоносы, сообщая о делах в провинции, так что и между членами «Обществ...» не останется недоверия — зачем лгать, когда может прийти письмоносец и сообщить действительное положение дел, и эта циркуляция курьеров и обеспечивает принятие разумных оперативных решений.

Итак, Рим — настоящий град для всех обществ с процветающими конторами. Именно поэтому Цицерон просто говорил о Риме в том духе, что все налоги, в отличие от дорог, не просто идут в Рим, а обращаются в нем (так Иванов толкует все упоминания Цицероном Рима, связывая их с налоговиками). Кроме того, Рим для Иванова — место всаднического сословия, а всадники — хранители настоящей культуры приобретения богатства и распоряжения им так, что они

научат налоговиков как стать могущественными и где нельзя упускать своевременного сбора. В каком-то смысле всадники, как их изображает Иванов, напоминают католических кардиналов, распоряжающихся всем, что оказалось в достоянии церковной организации: от зданий до умов, в том числе деятелей официальной культуры.

При этом налоговые миряне, публиканы и их подчиненные, описываются в диссертации с цicerоновским смаком и комедийной живостью: они образовывали общины-семейства, с общим местом захоронения и общим пантеоном почитаемых богов, благодаря чему они быстро забывали о жизни дикой и грубой, приобщались к достижениям цивилизации. Здесь мы вспоминаем уже не о католических, а о православных обычаях, ценимых славянофилами — пестователями крестьянских общин: общие могилы на сельском кладбище, пушкинская «любовь к родному пепелищу», святые, в честь которых даются имена в деревне и чьи жития известны даже неграмотным, по иконам — все то, что для славянофилов и делает русский народ из дикого кротким. При этом поведение этих низших чинов органов сбора налогов напоминает у Иванова больше всего то, как историки, начиная с Карамзина, описывали древних славян, дружину и ратников.

Иванов пишет, что семейства этих рядовых публиканов, т. е. самих мытарей и их слуг-помощников (в число которых вполне могли входить бродяги, беглые рабы и прочие не смущающиеся насилием люди) более всего напоминали войско — и вот уже перед мысленным взором читателя латинской диссертации не римляне, а князь с дружиной. Буйство юных сил сочеталось в них с неизбывным стремлением оказаться сильнее всех, равно как и с исконной суровостью нрава. Порой они даже устраивали поножовщину, не то с обидчиками, не то друг с другом, но даже в последнем случае римские полководцы ценили их отвагу и порой разрешали им поступать на службу в регулярное войско.

Конечно, эти молодцы могли действовать как коллекторы наших дней, чиня любое насилие, чем, вероятно, славились и евангельские мытари. Поэтому мытарям-публиканам, главам этих местных налоговых станций, приходилось наводить порядок в своих «семьях» любыми возможными способами. И, для того, чтобы публиканы не отлынивали от воспитания налоговой дружины, вводились случайно выбранные инспекторы, подконтрольные государству.

Здесь мы уже не можем не вспомнить революционный институт комиссарства, с той разницей, что он был вызван не революционной необходимостью, а государственной вменяемостью: вмешиваться в дело поперек семейных связей, случайно, и означало создать полицейский порядок.

Триумфом порядка стало строительство Аппиевой дороги, начатое в 442 г. до н. э. Ее бюджет был немалым, ведь как раз с этого строительства Иванов отсчитывает настоящее образование структур «Обществ...» ввиду всеобщей в них заинтересованности, поскольку «Общества...» представлялись производителями общего блага. Здесь Иванов предвосхитил культурфилософию О.Э. Мандельштама, для которого общее дело культуры, некая ее общая церковь, требующая больших затрат, позволяет перейти от производства отдельных эстетических символов к производству смыслов [4, 41—43]. И даже то, что Иванов говорит, что «Общества»... могли скупать имущество через подставных лиц, и это была единственная возможная измена общему делу, отзывается в размышлениях Мандельштама о ворованном воздухе культуры, о «цитате — цикаде» и других возможных подлогах мысли, которые и оказываются частью уже правильно направленного культурного дела.

Откупщики оказываются в изображении Иванова граждански ответственными даже в тех случаях, когда от них этого не требовалось. Ведь поступив в общество, они сразу вкладывали в него большие средства, причем такие, что даже имущество отдавали под залог. Иванов делает из этого косвенный вывод о гражданском сознании откупщиков: в диссертации он ни разу не упоминает ни о круговой поруке в обществах откупщиков, ни о залоговом праве. Для него этот отлаженный механизм собирания откупов действует не потому, что все вынуждены работать так, чтобы не потерять своих вложений, но потому, что обязанности в обществе строго распределены, каждый знает, за какую часть финансового обеспечения общества отвечать. Вероятно, просто цитероновский язык не позволял описать сам факт залога, который не подчиняется логике условного периода и потому является скандалом для речи не меньше, чем скандалом для отношений между людьми.

Но именно невозможность правильно описывать залог, нехватка языка с его условными периодами для описания залога как уже

совершившегося факта, а не как условия, состоявшегося или еще не состоявшегося, и определили разное отношение Цицерона и Иванова к делу Гая Верреса. Как все помнят, Цицерон был обвинителем на процессе Верреса, обвиненного в коррупции, растратах, незаконном обогащении и насильственных конфискациях — при этом сам Веррес уволился со всех постов даже не дожидаясь конца процесса. В речах Цицерона (*Веррех*) Веррес — бандит, коллектор, отнимающий у сицилийцев произведения искусства и даже религиозные святыни. При этом это явно были конфискации за долги: просто для Цицерона (для которого существуют только внесенные залого и имеющиеся факты, легшие на стол обвинителя, но не проекты по расширению залоговой базы) Веррес — однозначно преступник, который мешает восторжествовать правовой справедливости, явно подкупая чиновников и чиня препятствия всем своим противникам. Тогда как для Иванова Веррес — удачливый предприниматель, который, хотя собирает больше средств, чем его предшественники, просто улучшает систему залогов: больше становятся залого, больше становится оборот средств, а что раньше за долги не изымали произведения искусства, так это лишь потому, что значительная часть экономики Сицилии, как мы уже выяснили, была теневой.

Латинский язык, кроме того, сразу позволил вступить в полемику не столько с исследователями, с их слишком частными выводами, сколько с античными авторами по этическим вопросам. Вяч.И. Иванов защищает Верреса от нападения Цицерона, считая, что Веррес не злоупотреблял гражданской властью, и что он вкладывал средства в функционирование институтов откупов, а не препятствовал функционированию государственных институтов.

Приведем пример рассуждения Иванова: «“Общество...” решило оплачивать его работу таким образом, что он оставляет себе определенный процент от собранной суммы. Такой порядок расчета, с точки зрения Цицерона, являлся предосудительным: Цицерон обвиняет Верреса в том, что он оплачивал труд своего секретаря (*scriba*) неподобающим образом: “Из всех денег (вырученных от продажи хлеба. — *В.И.*) он забирает двадцать пятую часть”. Цицерон пытается доказать недопустимость такого способа оплаты: “Так какой же труд исполняет секретарь, и какова его власть, если ему не просто даже

дается большое вознаграждение, но можно сказать, что он допускается к разделу огромных денег”. Слова, которые мы читаем в этой фразе, взяты очевидно из повседневной речи членов Общества откупщиков: Цицерон, употребляя ходовые среди откупщиков слова, пытается тем самым внушить судьям, что торговавший хлебом Веррес незаконно взял на откуп эту отрасль, одним из признаков чего является порядок расчетов с помощником, принятый только у публиканов. Оратора здесь невозможно уличить в несправедливом суждении: секретарь Верреса получал в качестве заработка часть вырученных от продажи зерна денег точно так же, как, по словам Тацита “публиканы устанавливали сороковины и пятидесятины при проведении недозволенных сборов” — вероятно, обещая их тем, кто принимал участие в их предприятии. Конечно, могут задать вопрос: если наемные работники получали часть прибыли, то чем они отличались от членов Общества? Отличия были очень существенные. Прежде всего, член Общества разделял со своими товарищами и прибыль Общества, и его убытки, а наемный работник просто производил сборы, удерживая за это определенный процент. Также труженики, заключившие договор с Обществом о таком порядке получения жалования, не могли бы довольствоваться малой прибылью» [3, 68].

Итак, для Цицерона существует только *раздел* денег, ситуация экономической фактичности, тогда как для Иванова — своеобразный *зalog* спасения, когда даже наемники начинают жить, говоря богословским языком, не «по закону», а «по благодати», не по заранее известным условиям договора с его оговорками и ограничениями, но по условиям достойной труда прибыли. Тема славянофильской критики юридического формализма достигает у Иванова богословского размаха — и все это в сухой латинской диссертации!

Основной аргумент Иванова в защиту Верреса состоит в том, что он не только создал государственные гарантии для тех самых сборщиков земельного налога, местных греков, но также и для других сборщиков налогов, которые вполне могли быть римскими гражданами [3, 88—89]. В результате получилась система, застрахованная от прежних налоговых недоимок, вызванных неурожаем или иным непредсказуемым ущербом. При государственных гарантиях, более сложной системе залогов и кредитов, а также соответствующей фиксированной ставке налога, определенной самим Верресом, все налоги

собирались вовремя; но и должники, которым приходилось расплачиваться за других, возникали чаще.

При этом Веррес штрафовал (и очень сурово) всех, кто пытался потребовать при сборе налога ставку выше, иначе говоря, он создал систему, в которой работают деньги, а не люди, и в некотором смысле превосходящую церковную систему, где действует *благодать*, а не частная *воля*. Опять же, во времена Августина, впрочем, как и во времена Лютера не хватило ресурсов языка, чтобы решить вопрос «о рабстве и свободе воли», поскольку модальности языка трактовались как знаки свободы или необходимости. Но для Иванова частная воля ущербна перед благодатью, вне зависимости от того, рабствует ли воля или освобождается, а благодать совпадает с общей волей ко благу, с тем «да», которое и стояло в центре мысли Иванова о предназначении человека. Здесь Иванов, продолжая славянофильскую критику западного юридизма, выводит ее на новый уровень.

Получается, что Рим создает общества для того, чтобы заявить о власти. Поэтому Иванов и говорит все время о важности, серьезности обществ, о том, что, во всем служа Риму, они служили ему не за страх, а за совесть как серьезные организации. Иванов, написав на латыни свой труд, смог критиковать античных авторов как слишком ангажированных, заявив, что частный интерес — всегда крайность, тогда как гражданская сознательность — та золотая середина, которой невольно следовала римская цивилизация. Политизация обществ откупщиков и позволила говорить о них как о реальности, которая должна быть интересна и филологу, и историку, и, добавим, богослову и философу хозяйства.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Скворешниц вольных граждан. Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002.
2. *Бибихин В.В.* О надписи «Е» на древнем храме Аполлона в Дельфах // Балканские чтения. Вып. 4. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1997. С. 117—120.
3. *Иванов В.И.* Общества государственных откупов в Римской республике. De societatibus vectigalium publicorum populi Romani. СПб.: М.А. Александров, 1910.

4. *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М.: Художественная литература, 1987.

References

1. *Averintsev S.S.* Skvoreshnic vol'nyh grazhdanin. Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdu mirami. SPb.: Aletejya, 2002.
2. *Bibikhin V.V.* O nadpisi «E» na drevnem hrane Apollona v Del'fah // *Balkanskije chteniya*. Vyp. 4. M.: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki, 1997. S. 117—120.
3. *Ivanov V.I.* Obshchestva gosudarstvennyh otkupov v Rimskoj respublike. De societatibus vectigalium publicorum populi Romani. SPb.: M.A. Aleksandrov, 1910.
4. *Mandel'shtam O.E.* Slovo i kul'tura. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1987.

Б.С. СОЛОЖЕНКИН

Что такое спекулятивная философия? Интерпретативный анализ концепции Д.Ф. Верена*

Аннотация. В данном исследовании рассматривается концепция спекулятивной философии и спекуляции как таковой, представленные в работах Д.Ф. Верена. В статье анализируется ряд ключевых моментов, выражающих самобытную сущность спекулятивного мышления: статус языка, персона мыслителя, понимание природы философского процесса. Разбираются задачи и трудности, возникающие при создании целостных описаний человеческого сознания, истории и культуры. В частности, выделяются особенности спекулятивного письма, занятого обособлением и связыванием философских концептов. Этот тип письма невольно порождает новую философ-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Соложенкин Б.С. Что такое спекулятивная философия? Интерпретативный анализ концепции Д.Ф. Верена // *Философия хозяйства*. 2022. № 5. С. 193—213.

скую проблематику путем работы с продуктами воображения: мифом, метафорой, общезначимым образом. Спекулятивная перспектива отличается специфическими допущениями, касающимися связи между способностями: в своих предельных основаниях воображение, мышление и память отсылают друг к другу, обладая зонами концептуальной неразличимости, взаимоперехода, из-за чего образуется своего рода герменевтический круг. Двигаясь внутри этого круга, мысль Верена тяготеет к тому, чтобы заменить познание истины концептуальным творчеством, что придаст теории познания современный, конструктивистский вид.

Ключевые слова: спекуляция, рефлексия, Гегель, Верен, Целое, язык, мышление, миф, воображение, теория способностей.

Abstract. This study analyzes the concepts of speculative philosophy and speculation as such, presented in the works of D.F. Verene. The original essence of speculative thinking is explicated through the study of the following aspects: the status of language, a person of a thinker, and the essence of philosophical process. The author examines the tasks and difficulties arising in creating holistic descriptions of human consciousness, history, and culture. Speculative type of writing unwittingly generates new philosophical problems while dealing with the products of imagination: myth, metaphor, and a universal image. The distinctive trait of speculation work is a hermeneutic circle that emerges among faculties: in their ultimate bases imagination, thinking and memory refer to each other, having zones of conceptual indistinguishability, mutual transition. Finally, we argue that Verene tends to replace the knowledge of truth with the creation of concepts, which gives his own concept a modern, constructivist-forward look.

Keywords: speculation, reflection, Hegel, Verene, Whole, language, thinking, myth, imagination, theory of faculties.

УДК 101
ББК 87

Автором концепции, которой посвящена наша статья, является американский историк философии Д.Ф. Верен. Сквозь его различные труды, охватывающие теоретический ландшафт от Вико до Кассирера, рефреном проходит мысль о подлинной роли философии. Свою

позицию наиболее полным образом он формулирует в сочинении «Speculative Philosophy» [16]. Обращаясь к ней и к другим текстам автора⁶, наша работа как продолжает мысль Верена (раздел «Спекулятивное письмо»), в ряде моментов сталкивая ее с «иронической» перспективой Р. Рорти (разделы «Два возможных пути...» и последний), так и добавляет недостающие самой модели Верена смысловые переходы между отдельными элементами (раздел «Смена метафоры...»). Тем самым, основной линией нашего исследования является герменевтика одного концепта — попытка собрать вместе рассеянные по тексту Верена сущностные аспекты спекуляции.

Язык как зеркало и рефлексия

Концепция спекуляции Д.Ф. Верена возникает на полях гегелевской критики рефлексивного и рассудочного постижения истины в целом [13, 1—11]. Гегелевский текст является источником авторского вдохновения, а представления об устройстве спекулятивного разума — путеводной нитью, необходимой для развития собственной теории. Постулируя триумф рефлексивной мысли в окружающей его философской действительности, Д.Ф. Верен провозглашает амбициозную задачу — сохранение спекулятивного духа философии [16, XII]. Именно через этот дух можно достичь правильного понимания философского процесса. Это понимание достигается вполне по-гегелевски — через снятие «негативного» образа спекуляции, т. е. рефлексии.

Проблема состоит в том, что у самого Верена мы не имеем однозначного, проходящего красной нитью через всю работу, концепта рефлексии. Маркировка «рефлексивное» встречается в разнородных контекстах употребления и существует как минимум два способа описания познавательного процесса, присущего рефлексии. Их отчетливую формулировку дает Рорти, комментируя Локка⁷; а именно речь

⁶ Мы использовали те работы Верена, где представлена концепция спекулятивной философии (или ее элементы). Поэтому из цитирования были исключены его известные труды, посвященные Вико и Кассиреру.

⁷ Обращение к Рорти не является случайным. В рамках дискуссии об «основаниях познания» в роли рефлексии у него выступает репрезентация. Следуя от Платона к Канту (и далее к аналитической философии), Рорти производит сопо-

идет о «познании-как-тождестве-с-объектом и познании-как-истинном-суждении-об-объекте» [7, 115—121]. В первом случае субъект достигает истины тогда, когда вступает в правильные, особые отношения с объектом (или же он должен быть «захвачен объектом требуемым образом», припоминать мир идей или же прояснять их на картезианский манер). Во втором случае познание изначально рассматривается как верное отношение суждений друг другу и далее — к первым самодостовверным аксиомам [16, 117—118].

Трудно выделить здесь одно из этих определений, предпочесть его другому. В тексте Верена роль рефлексии поясняется имплицитно: то в одном, то в другом контексте. С первым мы встречаемся там, где Верен комментирует Гегеля, говоря о варварстве рефлексии. Специфическая предпосылка рефлексии заключается в том, что сущность вещи дана в отражении [16, 121]. Суть этого гегельянского мотива заключается в критике прозрачности обращенной на себя мысли. «Постичь реальное посредством рефлексии — все равно, что пытаться разглядеть нечто, кажущееся нам хорошо знакомым, сквозь темное стекло», — пишет Верен [16, 122]. Второй смысл упоминается, когда констатируются присущие современной академической философии постоянная борьба и смена аргументов [16, 47].

Отталкиваясь от этого двойного смысла, Верен выделяет в оппозицию спекуляции рефлексиию вместе с холодной, безжизненной аргументацией, парадоксальной в своей природе: страх ошибки или неточности преследует ее в той же мере, в какой самонадеянно утверждают ее базовые постулаты. Убежденность в наличии эмпирической реальности сопровождается сомнением в правильности ее отражения. Поиски лучшей аргументации уводят в бесконечность, ведь на каждое положение находится его опровержение, «лучший» аргумент. В обоих случаях рефлексия претендует на истину, уходя от нее: либо

ставление различных философов (и даже течений), основываясь на гносеологическом дуализме [7, 115—121]. Как мог бы заметить Верен, во всех трех версиях — картезианской, кантианской и аналитической (извода логического позитивизма), разьединенных во времени и концептуальной базе, наблюдается работа рефлексивного мышления (см. схожую последовательность у самого Верена: 16, [121—123]).

запутываясь в круговращении опровержений и утверждении аргументативных позиций, либо оставаясь в плену неточной копии реальности.

И, если мы хотим покинуть эту безжизненную колыбель «канона современной мысли», необходимо совершить важный символический жест — отказаться от концепции отражения, лишив язык зеркальной сущности⁸.

Впрочем, существует точка зрения, что это событие произошло уже давно. В своих ранних «Словах и Вещах» Фуко разбирает ряд перемен произошедших с языком. Он перестал быть «зеркалом мира», тем, что «размещается внутри мира и одновременно образует его часть» [10, 71]. Отношения с ним завязываются не ради анализа представлений, но ради поиска скрытого на первый взгляд смысла. язык — это либо то, что следует контролировать, сделав объектом формализации, либо то, что может послужить нам в разноплановых герменевтических играх.

Активируя особые стратегия подозрения к устоявшимся смыслам и значениям, святая троица мыслителей открывает век постоянной реинтерпретации базовых значений [9]. Для понимания функционирования языка нужно отказаться от классической иллюзии видеть в нем «способ сочленения мысли с самой собой» и попытаться найти мысль, стоящую за ней. За каждой речевой манерой есть нечто дополнительное: фантазм, который заставляет говорить, ценности, которые заставляют молчать. Искать сущность того, о чем идет речь, следует по ту сторону здравого смысла, идеологии, декларируемых ценностей и пустой речи.

Допустим, Фуко прав, и мы могли бы констатировать: «Зеркало языка уже разбито». Но как интерпретировать этот факт? Тезис о постоянстве герменевтического поиска, пронизывающего историю культуры, еще не дает нам никакого конкретного направления в ин-

⁸ Сам Верен, конечно, не винит язык во всех неудачах рефлексии. Но он явно отводит иное место языку, который перестает быть орудием «отражающей» мысли. Это первый герменевтический мостик, пробрасываемый нами от рефлексии к спекуляции: без осмысления перемены положения и роли языка затруднительно различать эти два процесса.

терпретации. Этот тезис может быть представлен разными способами, и далеко не все из них будут спекулятивными или же приведут к философии соответствующего рода. В целях нашего исследования было бы полезно создать внутреннее напряжение, рассмотреть два вектора движения постклассической мысли, следующей либо вглубь раскола, либо вдоль воображаемой поверхности, объединяющей осколки некогда слитного тандема мышления и бытия.

Два возможных пути, возникающих при отказе от метафоры зеркала

Возможность переосмыслить известные вещи, концепты и теории нашла свое отражение в понятии словаря Р. Рорти. Это понятие, имеющее «подвижный» и чрезвычайно широкий объем, весьма емко характеризует его отношение к языку и мышлению. Его знаменитый поход против эпистемологии создает все условия не только для релятивизации истины, но и для установления нового места языка [6]. Истины в конечном итоге зависят от признания их таковыми, от актуальности того или иного словаря. Нечто также может быть истинным — но лишь на языке, в рамках системы понятий того или иного автора, сообщества... Любой словарь предлагает тот или иной способ бытия, набор ценностей, он в высшей степени декларативен. Наш способ словоупотребления в последнюю очередь призван нечто «отразить», скорее, он оформляет наши сокровенные переживания таким образом, чтобы рассчитывать на признание Другого, или же, на душевный покой, претендует на установление нового положения вещей, приказывает и просит, а значит — является прагматически обоснованным. «Условия возможности описаний» более нельзя найти в крепости языка, последнего оплота трансцендентализма, чьи стены пытались укрепить сторонники холистической интерпретации [5].

Равно как и Рорти зеркало языка разбивает Кассирер. Решающую мотивацию для этого поступка у Кассирера, фигурирующего в спекулятивной тетради Верена⁹, можно обозначить так: высветить работу сознания, познающего свои активности и мир. Его язык призван

⁹ Верен предлагает свой список спекулятивных мыслителей, подробнее см.: [16, XI].

не отображать реальность, но прокладывать дорогу для сознания, исполнять «совокупность чувственных впечатлений» «особой внутренней жизнью». Построение диалога между Я и миром возможно множеством способов, но из всех них язык является наиболее универсальным [3]. Действительную ценность языковой знак приобретает, преодолевая чувственный материал, на котором он основан. Ценой предания забвению своего имитативного происхождения и утраты мирской непосредственности (выраженной в жестах и подражательных звуках) он становится сокровищницей смыслов, к которой постоянно будут обращаться и познание, и творчество.

Дистанция, отделяющая здесь Кассирера от Рорти, создана разнонаправленностью их поисков и теоретической мотивации. Общее направление мысли Рорти — следовать вдоль мнимой поверхности, на которой могут быть расположены множественные словари, не претендующие на выражение единой истины. Осколки некогда единого зеркала языка сохраняют зеркальный холод только ценой парадоксальной релятивизации и субъективации отображений. Если зеркало просто отражало, будучи свободной от домыслов поверхностью, то каждый его осколок — это несовершенный инструмент, отражающий только часть всей картины. Его действительные размеры не так уж важны — он всегда часть вне целого. Его вращают, чтобы узнать нечто новое, обозначить перспективу взгляда. Это осколочное восприятие реальности, зависящее от субъективной оптики желания, само есть следствие допущения множественности и равноценности словарей.

Спекулятивный мыслитель, как его описывает Верен, не согласился бы с тезисом о сосуществовании нейтрального множества словарей. Причина этого — совершенно иной вектор мышления, вовнутрь, вглубь разбитого зеркала языка. Спекулятивный автор, на что намекает сама этимология «speculation», стремится нечто увидеть, рассмотреть, что было спрятано в зеркальных глубинах¹⁰. Он более не

¹⁰ Интересно, как в этом жесте меняется сама этимология: хотя спекуляция также, как и рефлексия, связана с отражением, имея в качестве родственного «speculum» (зеркало), далее Верен развивает соображения о связи спекуляции со «specio» и «speculare», переводимые им через «spy out». Целью «выслеживания» является истинное «Я», а медиатором — сама речь. Нечто «открывается», «об-

боится ошибки в своих суждениях относительно реального, поскольку ему только надлежит воссоздать ее подлинный облик.

Отметим важность этой серьезности, претенциозный пафос, налагаемый ролью спекулятивного автора. «Критической речи», предпочитающей молчать о том, что она неспособна постичь, противопоставляется «речь Целого» («the speech of the whole»), охватывающая метафизическое, непостижимое¹¹. Она не стремится избежать неясного, сконцентрировавшись на понятном фрагменте (как в случае герменевтики и критической философии), но она стремится восстановить в памяти все моменты Целого. Хотя сам Кассирер отвергает, как и Рорти, холистическое истолкование языка, для него определенно имеется «неэмпирическая дисциплина», изучающая работу языка в самых разных исторических и культурных контекстах. Спекуляция претендует на Целое, благодаря ей обретают свою целостную форму история человечества, мировая культура, человеческая субъективность — с позиции рефлексии остававшиеся собранием разнородных фактов, достижений отдельно взятых наук. «Через вопрос и попытку выразить всю совокупность вещей в качестве некоего единого целого философия случается в языке», — пишет Верен [16, 25].

Подобное было бы невозможно без задействованной предпосылки: имеет место не субъективный произвол, но некое откровение. Когда спекулятивный автор переописывает/пересоздает реальность, он по-новому категоризирует известные явления из области духовной культуры. Единственное, что сдерживает его в этом категориальном творчестве — предположение, что сама получающаяся картина есть результат откровения, явления духа или же действия фундаментальной способности. Тем самым это не произвольная фантазия; спекулятивное творчество зависит не столько от моей индивидуальной психической конституции или от моего опыта, идентичности: наоборот, авторская идентичность — пустая форма тождества, всякий раз преисполненная содержанием новой роли, предполагаемой референтной

наруживается», а не «отражается». Такой этимологический сдвиг является метафорически-смысловым: теперь речь идет о проникновении внутрь зеркала спекуляции, а не просто о применении зеркала иного типа, как пишет об этом сам Верен.

¹¹ Рефлексивная философия и критическая — синонимы для Верена.

культурой, а само творчество есть переосмысление содержания коллективной памяти.

Специфика вереновского подхода четко дает о себе знать, когда он перераспределяет ответственность явно не в пользу рационального авторского замысла. Выделим эту концептуальную предпосылку: автором движет не сверхмогущественный разум, но «имагинативные универсалии», или «воображаемое универсальное» [16, 92—96]. Именно в этом образном откровении содержится и материал, и инструкция по его осмыслению¹². В наиболее четком виде она представлена в театре памяти (и мышления); чтобы постичь сущность спекулятивного творчества, мы должны обратиться к иной метафоре, которую вводит Верен.

Смена метафоры: театр мышления, спекуляция как творчество

Верен пишет в главе, имеющей заголовок «Philosophy as a Memoir Theater»: «Язык выступает для философа театром памяти. Это есть театр мысли как таковой, на сцене которого сбываются события философской мысли. Каждое слово, произносимое в этом театре, наделено памятью человечества. Каждое слово содержит историю собственного значения. Философская речь, как и гуманистическая речь в целом, достигает своей цели за счет игры на смысловой тотальности, присущей слову. Таким образом, философия творится в театре языка, действие в котором поддерживается вопрошанием и выделением метафорических связей философом» [16, 32].

Театр, который упоминается здесь, скорее близок к «Рождению Трагедии» и Брехту, напрямую отсылает нас к ренессансным системам памяти [2]. Такой театр воспроизводит сущностную структуру мира, которая открывается зрителю. Театр «конструирует ум и душу», а сам его создатель убежден том, «что все, постижимое человеческим разумением, но недоступное телесному зрению, может быть собрано воедино путем сосредоточенного размышления, а затем представлено в определенных вещественных символах так, что зритель

¹² Логику фундаментализации воображения, имеющую прямое отношение к следующему разделу, см. в: [12, 5081—5085].

получит возможность увидеть все то, что в ином случае скрыто в глубинах человеческой мысли» [2, 171].

Нас вовлекают в пространство национальных, коллективных грез крупного масштаба. С одной стороны, театральная постановка — это продукт воображения, освобождающего нас от оков реальности, доммысливающего на свой лад недостающее; оно размывает контуры известного ради какой-то внутренней субъективной необходимости. С другой стороны, само воображение неслучайно и привносит в бытие лишь то, что уже было в нем ранее. Вопреки классическому скепсису по отношению к вводящей в заблуждение фантазии, здесь, в театре мышления, восхваляется творческое продуктивное воображение, благодаря которому и возникает возможность дальнейших смысловых различений. Его задача — включить человеческую способность к интерпретации, предварительно подготовив соответствующий материал, который оно заимствует у прошлого, у былого опыта. Чтобы рассказать вечную историю человечества, о богах, гигантах, веках и их повторении (как это и делает Вико в своей «Новой Науке») — нужно обратиться к фантазии, которая одновременно есть память человечества.

Йейтс прекрасно выражает это, комментируя ренессансную тенденцию: «Из низшей способности, которая задействуется памятью, чтобы поддержать по определению слабого и ограниченного человека, вынужденного использовать телесные подобию, поскольку только так он способен сохранить духовную направленность на умопостигаемый мир, оно превращается в высшую его способность, которая, расставляя значимые образы, позволяет человеку овладевать умопостигаемым миром» [2, 295].

Тем самым выводы о значимости образа проецируются на коллективные представления, абстрагируются и относятся к интерсубъективному опыту. В нашем исследовании предпосылок спекулятивного творчества мы заняты конкретной личностью, но она предполагается знающей об универсальном значении своего опыта; то, что было бы для практикующего психоаналитика индивидуальным фантазмом (хотя и безусловно важным для построения «внутренней цитадели» субъективности), здесь принимается за общую данность. Пафос любых «тотальных концепций человеческого сознания» требует

универсализации опыта, а именно распознавания в имеющихся субъективных фантазиях универсального элемента.

Творческая обстановка спекулятивного мыслителя располагает его к тому, чтобы заключать о мировой истории, о восхождении духа, о генезисе символических форм, выполняя при этом режиссерскую функцию в отношении исходного материала фантазии. Если воображение позволяет ему достичь контакта с комплексом общих значений, привлечь существенные для той или иной области бытия корреляты (рассуждать о природе, искусстве, науке), то его режиссерское мышление выполняет авторскую функцию, очерчивая уникальную точку зрения на процесс (возникающее из глубин коллективного бессознательного Целое). И, наоборот, оставаясь авторской, его мысль затрагивает области, уже известные для других. Говорить или писать от своего лица за многих других, за ушедшие поколения и умы — является задачей спекулятивного философа. Это его личная диалектическая практика, балансирование меж этими полюсами своего и чужого, не задерживаясь подолгу ни на одной из сторон и не принадлежа ей без остатка. В частном он обязан увидеть всеобщее, чтобы затем признать, что всеобщее никогда не реализуется без остатка в частном.

Ради успешности своей «постановки» спекулятивный автор обязан сделать свое Целое максимально живым и самодостаточным. Он не может довольствоваться ни научным знанием о мире, ни расхожими мнениями, как бы сильно они не утвердились. Его не могут устроить существующие описания — перед ним стоит задача создания собственного нарратива. Так, Гегель, критикуя Шеллинга в начале «Феноменологии духа», исключает возможность применения внешней рамки к знанию. Наоборот, подлинное знание есть результат вывода, работы негативного принципа. Гегелевский нарратив движим принципом, имя которому — субъект, без которого невозможно было бы развернуть историю формообразований сознания. Пользуясь исходной оппозицией Верена, можно выразить существо дела так: когда автором движет идеал рассудочного мышления — мир описан и классифицирован, но мертв; спекуляция как идеал философского поиска располагает к тому, чтобы населить создаваемый мир нарратива образами *других*, которые были бы общезначимы.

Феноменология духа ревностно берется за это начинание, предполагая единую точку схождения всех повествовательных, сюжетных линий. Это дух (сознание, субъект), меняющий маски раба и господина, несчастного сознания, интеллектуала, рыцаря добродетели... Единство актера — кажущееся, и реальная его жизнь неотличима от фантазии, от той галереи духовных портретов, в которых дух узнает себя¹³.

Дело доходит вплоть до того, что внутри творческой лаборатории того или иного философа возникает целый ряд театрально-спекулятивных постановок, объединенных образной тематикой и метафорикой. Это и обосновывает название другого раздела книги Верена — «Метафизика как припомненный миф» [16, 115]. Позицию Верена о мифе нужно уточнить подробнее. Любой миф является либо стартовой точкой, и тогда из него могут заимствоваться некоторые сюжеты для разъяснения философских вопросов, либо в преобразованном виде — конечным продуктом деятельности философа, метафизической доктриной. Образование значений (категорий, понятий) есть театральная постановка, и тогда философа можно уподобить одновременно и режиссеру, и автору, и даже зрителю этой постановки. Тем самым он может наблюдать развороты смысла, переписывать соотношения между понятиями, критиковать действия отдельных актеров (других философов или понятий — оба являются актерами в философском процессе). Обусловленный исторически значениями понятий и смыслов, он всегда в театре — а значит, постановка может неожиданно повернуть в ту или иную сторону. И здесь бесконечность ее изгибов ограничивается структурой мифа. Его сюжет подсказывает направление в интерпретации: он корректирует воображение, являясь черновиком для ищущего ответы сознания. Извилистый путь приводит христианский миф о Боге до вершин философии религии Шеллинга, до спекулятивного эпоса о духе Гегеля; с такой точки зрения «рефлексия» также оказывается интерпретацией мифологического образа «мирового яйца», в котором отражается перво-свет [4, 3—12].

Тем самым от философа требуется установить, что же является общезначимым в подсказываемых мифами образах и историях. Он,

¹³ Подробнее см.: [14].

будучи «maker of the word», действительно должен написать концептуальную пьесу, упорядочив имеющийся материал согласно своему плану. Задать бытие концепта не так просто — для этого нужно отделиться от мифа¹⁴ и в то же время обозначить точки вхождения его материала. Следуя технике вопроса-ответа, ища основания и проблематизируя, философ должен преобразовать мифопоэтические сравнения в логические аналогии. Такой троп как ирония, позволяющий увидеть противоречивость положения вещей, может помочь разрушить непосредственность мифологического повествования¹⁵. У философского концепта есть собственное бытие, но именно оно наиболее зависимо от действий режиссера-сценариста.

Перечисленные требования к спекулятивному творчеству и ответственность за их выполнение напрямую вытекают из следующего лозунга: «Мы можем по-настоящему постичь ту или иную вещь, когда мы можем воссоздать (produce) ее» [16, 94—95]. Наш тезис звучит так: чтобы понять сам процесс производства такой «вещи», как концепт, нужно охарактеризовать то, *как* пишет спекулятивный мыслитель.

Спекулятивное письмо и его последствия

В данном разделе мы не собираемся воссоздавать всю полноту концепта спекулятивного письма, но считаем возможным уже на этом уровне исследования отметить некоторые его существенные части. Чтобы сделать это, нужно вернуться назад.

¹⁴ И от других видов повествования, например научного нарратива.

¹⁵ Вопрос о том, насколько далеко распространяется сила утверждения о возникновении метафизики из мифа, зависит от того, насколько широко понимается миф. С одной стороны, Верен отстраняется от расширительной, универсализирующей трактовки А.Ф. Лосева, но, с другой, все-таки называет миф источником всякой метафизики. Тем самым предшествующий нарратив, от которого отталкивается философ, будь он религиозным или научным, — предстает для него чем-то вроде мифа. Если это и верно, то в весьма ограниченных рамках: в какой мере предварительным источником «Науки логики» является миф? На наш взгляд, Верену здесь не хватает различия между получившейся концептуальной установкой, спекулятивной теорией, которая лишь напоминает миф (по некоторым параметрам), и возникающей на ее почве идеологией, в которой, как замечал Лосев, и происходит мифологизация живой мысли.

Обсуждение спекуляции как творческого процесса стало возможным только благодаря смене концептуальной метафоры: зеркало заменил театр. Эта смена была фундаментальной по причине регулятивной воли метафоры. Задавая контекст, являясь центром гравитации для остальных значений, она разрешает существовать одним связкам и запрещает другим. В случае с метафорой театра позиция мыслителя эстетизируется, он становится режиссером концепта. Именно режиссером, а не дешифратором книги Природы, идеологическим агентом своего класса или же вовлеченным в академическое бытие существом, способным к сложной психической активности (абстрактное мышление).

Обращаясь здесь к прочтению Р. Рорти истории философии и культуры через соревнование и обновление словарей, отметим двойное действие метафоры. С одной стороны, выбор правильной метафоры, а значит, удачный выбор словаря — способен существенно упростить жизнь (и ученому, и философу, и поэту). То, что не решается в рамках одного словаря, должно быть переведено на язык другого — в этом общая идея Рорти [6, 33]. Для этого необходимо как распознать главенствующую метафору прежнего словаря, так и придумать для нее замену.

Однако это, на первый взгляд, элегантное и оптимизационное решение приводит к последствиям совершенно противоположного рода. Переход на спекулятивную сторону письма не бывает ни легким, ни быстрым. Усложняется сама мысль, а зачастую и стиль. Больше не существует рассмотрения заранее заданных тем, а комментарий, пускай и самый проработанный, изысканный, теряет свою насущную необходимость. Он перерастает в самостоятельную речь: рассуждения Кассирера о языке вписывают имеющиеся данные лингвистики в собственную повествовательную канву, они покидают тесные рамки комментария к накопленному знанию. Аналогичная ситуация и с другими спекулятивными авторами: претендуя на новое Целое, они создают новые точки отсчета, перегруппируя отношения между понятиями.

То, что было востребовано рефлексивным отношением к предмету, обесценено в спекуляции. Рефлексивной операцией была бы критическая проверка словарей на соответствие определенному критерию (фактичность, осмысленность); спекуляция же напоминает

свободное сочинение на тему, в ходе написания которого автор спохватывается, что повествование никуда не ведет. Стать успешным философом во втором случае — значит обрести интуицию структуры, свести ниточки воедино, а повествование к Целому.

Нет сомнения в том, что подобная структуризация приводит к тому, что прежние разнородные фрагменты смысла обретают новый тип связи. Каждый новый словарь позволяет видеть ситуацию по-новому: уже упомянутые Шеллинг и Гегель неоднократно обращаются к словарю естественных наук, по факту переписывая термины с его страниц для изложения собственной позиции. Так они получают возможность мыслить о *духе*, воплощенном в Природе. Использование единого принципа (здесь — диалектического) для упорядочивания различного не проходит бесследно. Конечный результат представляет собой специфический взгляд, спекуляцию о сути науки, заключенной в любом конкретном знании или научной дисциплине.

Побочным следствием многократного переписывания является та черта, которую Бабич примечает за континентальными мыслителями [11]. Последние в принципе озабочены больше постановкой вопросов, чем решением проблем. Возникает продуктивность особого рода: философ начинает производить проблемы и вопросы, совершенствуется в этом искусстве. Создаваемые концепты не предназначены для решения одной проблемы — они сами, пользуясь выражением Рорти, представляют новый словарь, иное «мировоззрение».

Неудивительно, что театральная поэтика, приводимая Вереном, оказывается реставрацией мифа в новых языковых условиях. Присущее мифу ускользание объективной определенности превращается в многозначительность концепта. Не случайно Гегель представляет настоящую философию, лишенную статичных определений. Их значение всегда связано с положением в системе, с конкретным витком развития мысли. Делез и Гваттари дают следующее — несколько художественное — определение концепту: он есть «неразделимость

конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [1, 33]¹⁶.

Постоянная задача: в раскрытии метафорики и анализе образности крайне важно найти совокупность приемов, разотождествляющих с исходным нарративом (по Верену — с мифологическим), обособляющих бытие концепта. Теперь надо иначе пользоваться языком — как философ, а не как поэт. Порождение неопределенности, наличие «вестей-из-ниоткуда» или же метафизических сущностей — это все части спекулятивного процесса, на чашу весов которого кладется «истина как целое».

Финальные замечания: неполнота Целого, анти-Рорти и теория способностей

Каковы перспективы у «the speech of the whole» достичь своей цели? Уже в начале работы присутствуют слова, заставляющие задуматься о ее смысле: Верен говорит, что «Попытки Гегеля, Кассирера, Вико достичь завершенной философской речи безуспешны» [16, XXII]. Иначе говоря, хотя целостность гарантируется самой законченностью того или иного спекулятивного произведения, с момента создания в его план включена возможность начать сначала, вернуться к истокам. Системы имеют внутреннее указание на незавершенность... которое и делает их завершенными! В интерпретации Верена финальная стадия «Феноменологии духа» повествует о беспокойной двойственности как высшем пределе развития сознания. Символические формы указывают на реальную жизнь культуры как на то, что они не в силах охватить и сделать частью себя¹⁷. Аналогичная ситуация у Делеза и Гваттари: беспредельная Все-целостность стоит за конкретными концептами в качестве интуиции, сводящей их вместе в рамках единого плана имманенции.

¹⁶ «Что такое философия?» действительно близко подходит к нашей проблематике и формирует ряд схожих выводов относительно сути философского мышления. Когда Делез и Гваттари говорят о виртуализации бесконечного в рамках концепта, они онтологически выражают суть спекулятивного мышления у Верена.

¹⁷ Критические замечания Свасьяна по этому поводу см.: [8, 219—228].

Создавая свой объект (абсолютное знание, символическую форму, концепт), спекуляция обречена не столько на референтную неопределенность, сколько на специфическую неполноту, необходимость дополнения, дальнейшего развития заложенного смысла. Истолкование должно быть продолжено, но уже за пределами конкретного философского сочинения, текущей постановки театра мышления. Виной тому может быть или внутренний проблематичный элемент, оставляющий Целое незавершенным (например, напряженная диалектичность бытия у Гегеля), или же причина коренится в самой логике спекулятивного изложения, в котором связка «субъект — предикат» является нестабильной [16, X]. В любом случае, требование реинтерпретации заложено в самой идее философии как творческого процесса: речь идет о творении смысла, но не о добыче его из некоторого источника, который рано или поздно может быть исчерпан.

Спекулятивное творчество пронизано пафосом необходимости. Перспектива коммуникации и переписывания словарей не может быть адекватно воспринята там, где маячит образ некоей тотальной философии, этапы которой могут быть воссозданы самостоятельно мыслителем-одиначкой. Само сравнение подходов Рорти и Верена со спекулятивной перспективой не могло возникнуть случайно: в нем проявляет себя диалектика необходимости и случайности. С позиции «словарного» подхода это лишь сравнение средств двух словарей ради какой-то преследуемой автором цели.

«Случайно» — значит, по авторскому произволу, далее принципиально необъяснимому, была выбрана одна из возможностей, два словаря... Но существует ли авторский произвол? Не укоренен ли он в чем-то более глубоком, в метафорах, от которых невозможно отказаться, не потеряв авторство? Именно этого не замечает Рорти, представляя Фрейда глашатаем случайности человеческой субъективности: метафоры — необходимы, они являются детерминантами поведения, частичками психического механизма. Если точки входа в нашу субъективность и были прихотью истории, то дальнейшее ответвление жизненных путей оказывается той необходимостью, от которой мы хотим либо избавиться, либо страстно подтвердить в неврозе. Действительно, язык «не выражает ничего, что существовало раньше», ничего *кроме* событий нашей индивидуации [6, 63].

Рорти будто не замечает, стремится не замечать, что язык не случайно является крайне удачным аналитическим средством для нашей души. Удовлетворение от точного выражения собственных мыслей, осознание корней своей психологической проблемы посредством диалога, чрезвычайная значимость внутренней речи в проживании различных ситуаций — все эти явления указывают на укорененность языка в опыте самопознания. Именно это слово и отличает спекулятивную перспективу от иронической. При всей порой шокирующей близости — в признании влияния риторики и определении философии как литературы — избранные нами авторы расходятся в разные стороны от пункта «самопознание».

Самопознание обнаруживает себя как важный момент теории спекуляции, сочетающий ряд разнородных требований и практик [16, 51—52]. У самого Верена этот момент не раскрыт в полной мере¹⁸. На наш взгляд, его общая «конструктивистская» позиция в отношении истины и онтологии («true is made») тяготеет к тому, чтобы признать источником знания о себе самоописания, конструирование нарратива о себе. Однако именно идея таких нарративов не представлена в тексте: спекулятивный философ говорит от лица вечности, эпохи, концептуальных персонажей... но не от лица себя, осмысляющего свой опыт! Момент древнего императива «заботы о себе» ускользает от автора глобальных концепций человеческого сознания в равной мере, как и его экзистенция.

Также в тексте присутствует имплицитная, невыраженная явно теория способностей: спекуляция, память, воображение отсылают друг к другу, и характер этой взаимосвязи нуждается в прояснении. В частности, следовало бы задать ряд вопросов о концептуальных границах этих способностей, о зонах их неразличимости (как в случае с памятью и воображением у Вико). Свободное оперирование ими в рамках некоего герменевтического круга неизменно присутствует у Верена: спекуляция как творчество «реального» оказывается восстановлением в памяти всех моментов Целого, что невозможно без продуктивной силы воображения, подсказывающей значимые, связующие метафоры. Целое самого Верена это переплетение Целых *других*:

¹⁸ Это замечание актуально даже по отношению к такой непосредственно связанной с темой самопознания работе, как [15].

от Вико до Гегеля, попытку удержать интуиции разнородных авторов, стремясь не потерять одних, приближаясь к другим.

Это и отличает новизну концепции: спекуляция — творчество философских концептов, выяснение их связи и порядка отношения друг к другу, но это творчество обязательно совпадает с познанием, имеет необходимый структурный момент (диалектический — спекулятивное предложение), предполагает внутреннюю иерархию способностей, указанную выше. Эти и другие рассмотренные в статье требования отдаляют модель Верена от ее источников, которым предписывается спекулятивная сущность. Концепция спекуляции сама является результатом спекулятивного многоголосия, организованного внутри оригинальной теоретической постановки.

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998.
2. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: язык. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
4. Романенко Ю.М. Понятия «рефлексия» и «спекуляция» в античной философии // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 11-й международной конференции молодых ученых 27—30 декабря 2000 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 3—12.
5. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Наука, 1991. С. 121—133.
6. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.
8. Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010.

9. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Библиотека Максима Мошкова: URL: <http://www.lib.ru/%3E%3C/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 02.02.2022).

10. Фуко М. *Слова и вещи*. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.

11. Babich B. On the Analytic-Continental Divide in Philosophy: Nietzsche's Lying Truth, Heidegger's Speaking Language, and Philosophy // *A House Divided: Comparing Analytic and Continental Philosophy* / C.G. Prado (ed.). Amherst: Humanity Books, 2003. P. 63—103.

12. Solozhenkin B.S., Smirnov D.V. Is Imagination Fundamental? On the Issue of the Genesis of subjectivity // *International Journal of Engineering and Advanced Technology*. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 5081—5085.

13. Verene D.P. *Hegel's Absolute: an Introduction to Reading The Phenomenology of Spirit*. Albany: State University of New York Press, 2007.

14. Verene D.P. *Hegel's Recollection. A Study of Images in The Phenomenology of Spirit*. Albany: State University of New York Press, 1985.

15. Verene D.P. *Philosophy and the Return to Self-Knowledge*. New Haven: Yale University Press, 1997.

16. Verene D.P. *Speculative Philosophy*. Lanham: Lexington Books, 2009.

References

1. Delez ZH., Gvattari F. *Что такое философия?* СПб.: Алетейя, 1998.

2. Jejts F. *Искусство памяти*. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.

3. Kassirer E. *Философия символических форм*. Т. 1: язык. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

4. Romanenko YU.M. *Понятие «рефлексии» и «спекуляции» в античной философии* // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 11-й международнои конференции молодых ученых 27—30 декабря 2000 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 3—12.

5. *Rorti R.* Vitgenshtejn, Hajdegger i gipostazirovanie yazyka // *Filosofiya Martina Hajdeggera i sovremennost'* / Pod red. N.V. Motroshilovoj. M.: Nauka, 1991. S. 121—133.
6. *Rorti R.* Sluchajnost', ironiya i solidarnost'. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996.
7. *Rorti R.* *Filosofiya i zerkalo prirody.* Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1997.
8. *Svas'yan K.A.* *Filosofiya simvolicheskikh form E. Kassirera: Kriticheskij analiz.* M.: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2010.
9. *Fuko M.* Nicshe, Frejd, Marks // Biblioteka Maksima Moshkova: URL: <http://www.lib.ru/%3E%3C/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (data obrashcheniya: 02.02.2022).
10. *Fuko M.* Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk. SPb.: A-cad, 1994.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

Т.В. ЛЕБЕДЕВА

Современные особенности экспорта российских образовательных услуг*

Аннотация. В статье анализируются объемы и направления экспорта российских образовательных услуг. Отмечена положительная динамика численности студентов-иностранцев в России. Определены страны-лидеры из числа поставщиков образовательных иммигрантов в российские вузы. Выделены наиболее популярные у иностранных граждан программы российского высшего образования. Составлен топ-10 российских вузов по численности обучающихся иностранных граждан. Проведена оценка объемов экспорта российских образовательных услуг в стоимостном выражении. Сделаны общие выводы об особенностях экспорта российских образовательных услуг.

Ключевые слова: образовательные услуги, экспорт, иностранные студенты, вузы, высшее образование.

Abstract. The article analyzes the volumes and directions of export of Russian educational services. The positive dynamics of the number of foreign students in Russia is noted. The leading countries from among the suppliers of educational immigrants to Russian universities have been identified. The most popular programs of Russian higher education among foreign citizens are highlighted. The top 10 Russian universities have been compiled in terms of the number of foreign students studying. An assessment of the volume of exports of Russian educational services in value terms was carried out. General conclusions are made about the features of the export of Russian educational services.

Keywords: educational services, export, foreign students, universities, higher education.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Лебедева Т.В. Современные особенности экспорта российских образовательных услуг // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 217—241.

УДК 314.74
ББК 60.7:60.5

За последнее десятилетие действительная государственная политика Российской Федерации в области образования способствовала процессу глубокой содержательной и цифровой трансформации системы высшего образования. В результате глубокой перестройки российские университеты значительно улучшили международную деятельность, организовав со многими зарубежными вузами совместные программы обучения и предложив освоение новаторских образовательных программ обучения, в том числе на иностранных языках, а также простимулировав участие студентов и преподавателей в программах международной академической мобильности. Активное развитие получила научно-исследовательская деятельность в вузовских лабораториях, куда приглашаются ученые и специалисты мирового уровня; ведущие преподаватели и научные сотрудники российских вузов являются членами зарубежных и международных академий. Ведущие российские университеты активно сотрудничают с зарубежными вузами в сфере образования и развития исследовательских проектов в рамках сетевых университетов, таких как: «Сетевой университет БРИКС», «Сетевой открытый университет СНГ», «Университет ШОС» и др. В результате проведения большой многоплановой международной деятельности многим вузам России удалось выстроить привлекательный имидж и конкурентоспособный бренд образовательной организации.

Важнейшим направлением современного международного сотрудничества российских вузов является экспорт образовательных услуг. Согласно «Стратегии развития экспорта услуг до 2025 г.», которая утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации 14 августа 2019 г. (далее по тексту — «Стратегия...»), «...образовательными услугами являются услуги, представляющие собой целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни. Под экспортом образовательных услуг понимается предоставление образовательных услуг иностранным учащимся, обучающимся очно или с помощью современных

коммуникационных технологий (онлайн-обучение)» [14, 121]. В тексте «Стратегий...» нашли отражение приоритеты и задачи развития отечественного экспорта услуг в целях создания условий для обеспечения устойчивых высоких темпов его роста в целом, а также в разрезе одиннадцати отдельных отраслей. Как свидетельствуют статистические данные, приведенные в тексте «Стратегии...», если общий объем экспорта услуг за 2017—2025 гг. и объемы экспорта большинства услуг должны вырасти в 2 раза, то экспорт образовательных услуг — более чем в 3 раза [14].

Согласно материалам «Стратегий...», основными сегментами международного рынка образовательных услуг являются:

- 1) все виды международной мобильности студентов и учеников в сферах высшего, среднего и начального образования, изучения иностранных языков;
- 2) транснациональное обучение (предоставление образовательных услуг в стране, не являющейся страной базирования образовательного учреждения);
- 3) сопутствующие образовательные продукты и услуги (присвоение международных признаваемых квалификаций, услуги в области развития образовательных технологий и др.) [14, 12—122].

Всего в мире в 2020 г., по данным ОЭСР, насчитывалось 5,6 млн. студентов, которые обучались за границей. В последние годы количество обучающихся за рубежом ежегодно увеличивалось на 10%, и к 2025 г. может достичь 8 млн человек. Лидерами по числу привлеченных на обучение в вузы страны иностранных граждан являются США, Канада и Великобритания — там обучается 40% всех иностранных студентов мира [4].

В Российской Федерации в 2021/2022 учебном году обучалось 324 тыс. иностранных студентов; по данному показателю она занимала 5-ое место в мире [17]. Динамика численности иностранных студентов, обучавшихся в российских образовательных организациях в последние 10 лет (2012/2013 — 2021/2022 академические годы), представлена на рис. 1.

По статистическим данным Росстата, представленным на рис. 1, можно сделать вывод о том, что общее количество иностранных граждан, обучавшихся в вузах и научных организациях Российской Федерации по программам бакалавриата, специалитета и

магистратуры, в течение 10 лет (2012/2013—2021/2022 академические годы) имело устойчивую тенденцию к росту. Мировая пандемия COVID-19 не оказала негативного влияния на изменение численности иностранных студентов, обучавшихся в нашей стране. За 10 лет количество иностранных студентов, которые обучались по программам высшего образования в российских вузах, выросло практически в 2 раза, со 164,8 до 324,0 тыс. человек (рис. 1).

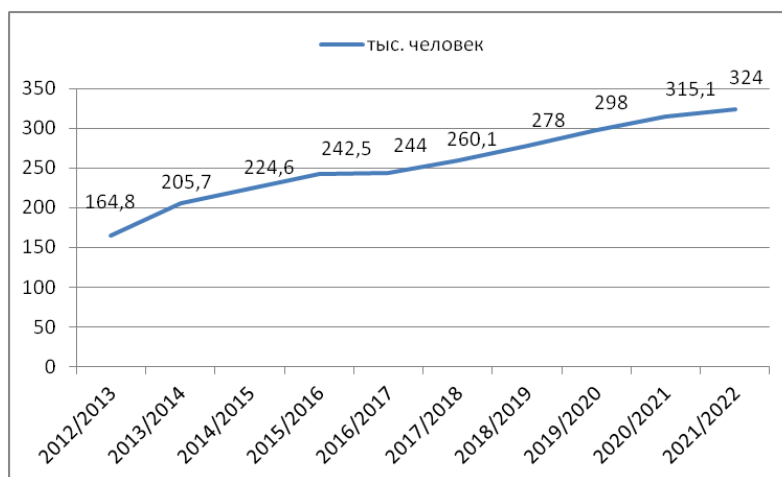

Рис. 1. Динамика численности иностранных студентов, обучавшихся в российских вузах и научных организациях по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в 2012/2013—2021/2022 академических годах, на начало учебного года, в тыс. человек¹

При этом, доля иностранных граждан в составе всех студентов, обучавшихся по программам высшего образования в Российской Федерации в 2012/2013—2020/2021 академических годах, увеличилась почти в 3 раза, с 2,7 до 7,7% (рис. 2). Однако, согласно данному показателю, Российская Федерация еще значительно отстает от некоторых развитых стран, например, Канады (29%), Австралии (24%), Великобритании (16%) и некоторых других государств мира.

¹ Составлено автором по: [17; 12; 9, 200; 10, 201; 11, 206].

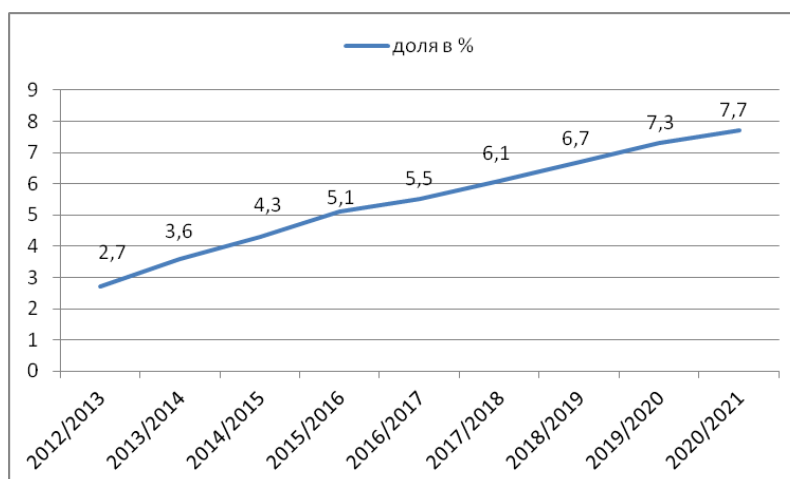

Рис. 2. Изменение удельного веса численности иностранных студентов к общей численности российских студентов, в %²

Доля студентов-иностранцев, обучавшихся в Российской Федерации по программам высшего образования в 2020/2021 учебном году по регионам происхождения, представлена на круговой диаграмме (рис. 3). Основную долю иностранных студентов российских образовательных организаций составляли представители новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР (далее по тексту — ННГ), — 205,4 тыс. человек (66,0% всех студентов-иностранцев). Вторую строчку занимают представители Азии (24%), третью — студенты из Африки (8,7%). Доля студентов-иностранцев из других регионов мира в российских образовательных организациях невелика и составляет чуть более 1%. Всего же в 2020/2021 академическом году в России обучались представители 170 стран мира [6, 154].

Сравнение доли иностранных студентов по регионам происхождения в 2010/2011 и 2020/2021 академических годах позволяет сделать вывод о том, что за 10 лет произошли определенные изменения в российской учебной иммиграции (рис. 3 и 4).

² Составлено автором по: [12; 9, 200; 10, 201; 11, 206].

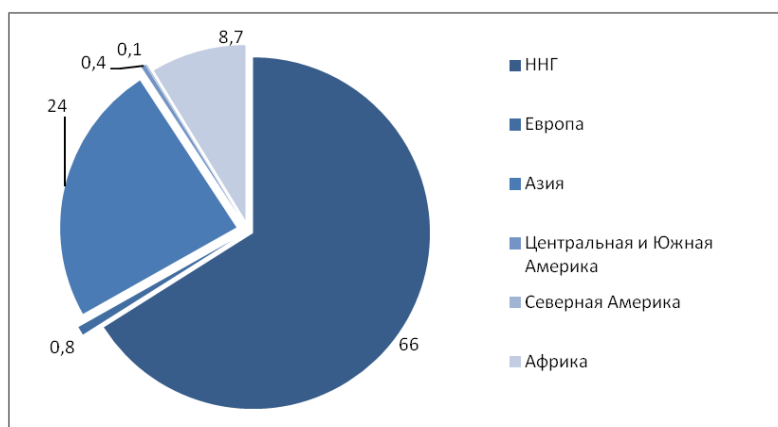

Рис. 3. Доля студентов-иностранцев, обучавшихся в Российской Федерации по программам высшего образования в 2020/2021 учебном году по регионам происхождения, в %³

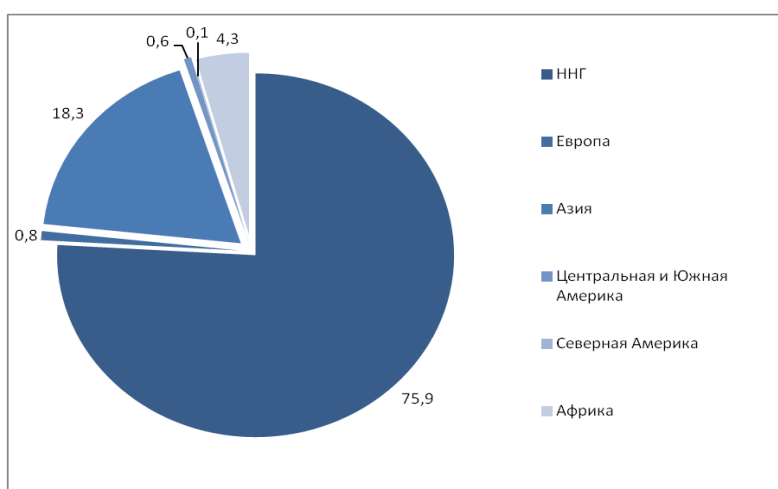

Рис. 4. Доля студентов-иностранцев, обучавшихся в Российской Федерации по программам высшего образования в 2010/2011 учебном году по регионам происхождения, в %⁴

³ Составлено автором по: [11, 206].

⁴ Составлено автором по: [12].

Так, практически на 10% сократилась доля студентов-иностранцев из ННГ, на треть снизилась доля представителей стран Центральной и Южной Америки. При этом в составе студентов-иностранцев возросла доля выходцев из Азии (на 5,7%) и Африки (на 4,4). Доля иностранных студентов из Европы и Северной Америки в общем контингенте иностранных обучающихся по программам высшего образования в нашей стране за рассматриваемый период не изменилась и осталась на уровне 0,8% и 0,1% соответственно.

Из стран выхода учебных мигрантов, которые обучались в Российской Федерации в 2021/2022 учебном году, в тройке лидеров Казахстан, Узбекистан и Китай. Представители только этих трех государств составляют почти половину всех обучавшихся в России по программам высшего образования иностранцев — 44,0% (рис. 5).

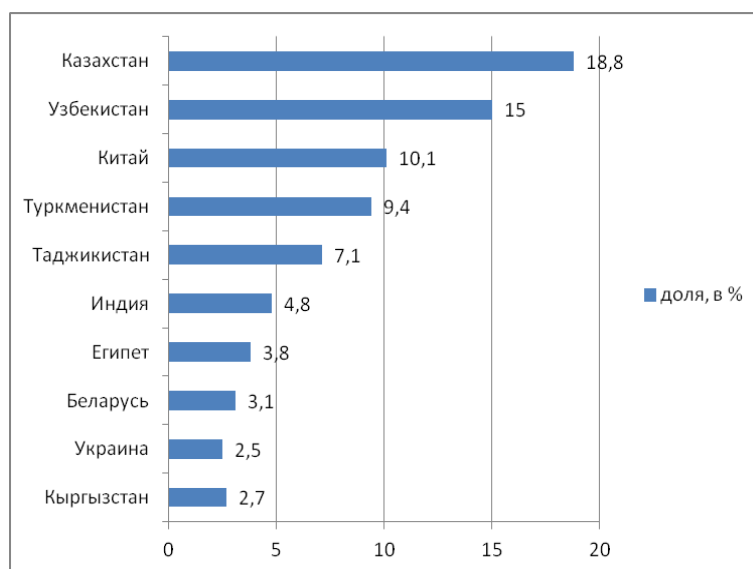

Рис. 5. Страны мира — лидеры по доле образовательных мигрантов, обучавшихся в вузах России в 2021/2022 учебном году, в % от общего числа студентов-иностранцев⁵

⁵ Составлено автором по: [1].

В топ-10 также входят страны-представители ННГ (Туркменистан, Таджикистан, Белоруссия, Украина, Киргизия) и государства дальнего зарубежья — Индия и Египет.

Изменения в количестве иностранцев из стран топ-10, обучавшихся в Российской Федерации по программам высшего образования за период 2010/2011 — 2020/2021 гг., представлены в табл. 1. Анализ данных табл. 1 позволяет сделать вывод о том, что за 2010/2011—2021/2022 академические годы из топ-10 стран мира только представителей Белоруссии среди российских студентов уменьшилось вдвое.

Таблица 1

**Топ-10 стран мира по числу граждан, обучавшихся
в России по программам высшего образования
в 2010/2011 и 2021/2022 учебных годах**

Страны мира ⁶	Обучалось в РФ по программам высшего образования, тыс. человек		Изменения за 2010/2011 — 2021/2022 уч. год, в %, +/-
	2010/2011 уч. год	2021/2022 уч. год	
1. Казахстан	19,8	61,0	+208
2. Узбекистан	7,3	48,7	+567
3. Китай	9,8	32,6	+233
4. Туркменистан	3,6	30,6	+750
5. Таджикистан	2,8	23,1	+725
6. Индия	3,4	16,7	+391
7. Египет	0,4	12,4	+3000
8. Белоруссия	21,0	10,2	-51
9. Украина	6,1	9,1	+49
10. Киргизия	1,1	8,6	+682

Источник: Составлено автором по: [2], [11, 205—206].

⁶ Страны расположены в порядке убывания числа граждан, обучавшихся в России в 2021/2022 учебном году.

Численность студентов-иностранцев российских учебных заведений из других стран топ-10 в 2021/2022 г. только возрасла. Особенно заметно выросли контингенты иностранных студентов из Египта (более чем в 30 раз), из Туркменистана, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана (в 7 и более раз). В три и более раз увеличилось число студентов из Индии, Китая и Казахстана, в полтора раза — с Украины (табл. 1).

Образовательная миграция в Российскую Федерацию представлена не только обучающимися по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. В высшие учебные заведения нашей страны иностранцы прибывают обучаться также на подготовительных отделениях, в ординатуре, аспирантуре, докторантуре, на стажировки различной продолжительности, в основном по очной форме.

Так, например, в 2018/2019 учебном году в российских вузах по различным программам очной формы проходили обучение 282,3 тыс. иностранных граждан (табл. 2).

Таблица 2

Число иностранных граждан, обучавшихся в российских вузах по различным программам подготовки очной формы обучения в 2018/2019 учебном году

Программы подготовки	Число иностранных граждан, человек	% от общего числа иностранцев, обучавшихся по очной форме
Подготовительное отделение	28576	10,12
Бакалавриат	124799	44,21
Специалитет	63274	22,41
Магистратура	25442	9,01
Стажировки	29595	10,48
Ординатура	3032	1,08
Аспирантура	7531	2,67
Докторантура	46	0,02
Всего	282 295	100,00

Источник: составлено автором по: [20, 143].

Как свидетельствуют приведенные в табл. 2 данные, около половины всех обучавшихся в вузах России иностранцев составляли осваивающие программы бакалавриата, почти четверть — программы специалитета. Также у образовательных мигрантов в российских вузах пользовались популярностью обучение на подготовительных отделениях вузов и стажировки (более чем по 10% обучавшихся в 2018/2019 академическом году).

Доля иностранных граждан, обучавшихся в магистратуре, составила только 9%. Самые высокие ступени подготовки кадров (ординатура, аспирантура, докторантура) осваивали всего лишь около 4% иностранных граждан (табл. 2). Низкая доля иностранцев, обучающихся по программам магистратуры и аспирантуры, не способствует развитию такого важного сектора российской экономики, как исследования и разработки.

При этом в мире доля иностранных студентов в общем числе обучающихся по программам высшего образования тем выше, чем более высокой является ступень образования [14, 122]. В развитых странах только доля аспирантов в составе всех обучающихся иностранцев составляет более 20%. В Германии, например, иностранным гражданам предлагается около 1700 образовательных программ на английском языке, из которых только 120 составляют программы бакалавриата не самых известных вузов страны, а все остальные — магистерские программы [6, 154].

Российские вузы увеличивают предложение образовательных программ на английском языке, однако пока их количество не удовлетворяет спрос со стороны иностранных абитуриентов. В качестве альтернативы иностранцам предлагается обучение русского языка на подготовительных отделениях вузов. Так, даже в ведущих региональных вузах, которые участвовали в Проекте 5—100, иностранным абитуриентам предлагается менее 2% бакалаврских и менее 16% магистерских программ на английском языке [6, 154]. Преимущественное преподавание иностранным студентам на русском языке обуславливает привлечение на обучение молодежь из стран ННГ, поэтому доля обучающихся в России из данной группы стран остается достаточно высокой, хотя и постепенно снижается.

Наиболее востребованными у иностранных граждан являются российские программы высшего образования медицинского (в том

числе науки о здоровье, сестринское дело, фармакология и др.) и инженерного направлений (в том числе нефтегазовое дело, машиностроение, ядерная и теплоэнергетика, нанотехнологии, авиационная и ракетокосмическая техника и др.), а также программы по экономике и управлению (в том числе мировая экономика, финансы и кредит, банковское дело и др.) (рис. 6). Доля обучающихся по названным трем направлениям подготовки составляет более половины от общего числа студентов-иностранцев в Российской Федерации.

В 2020 г. только на сайт «Study in Russia», направленный на облегчение подачи заявок в российские вузы, поступило 90,2 тыс. заявок от иностранных абитуриентов из 190 стран. Наибольшее количество заявок через данный сайт было подано в Российский университет дружбы народов, г. Москва (далее по тексту — РУДН), в Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и в Казанский (Приволжский) федеральный университет [8].

Рис. 6. Доля иностранных студентов, обучавшихся в 2019/2020 академическом году по наиболее популярным программам обучения в российских вузах, в % от общего количества студентов-иностранцев в России⁷

⁷ Составлено автором по: [8].

Топ-10 по числу иностранных граждан, обучавшихся в 2021/2022 академическом году, составили следующие российские вузы (рис. 7).

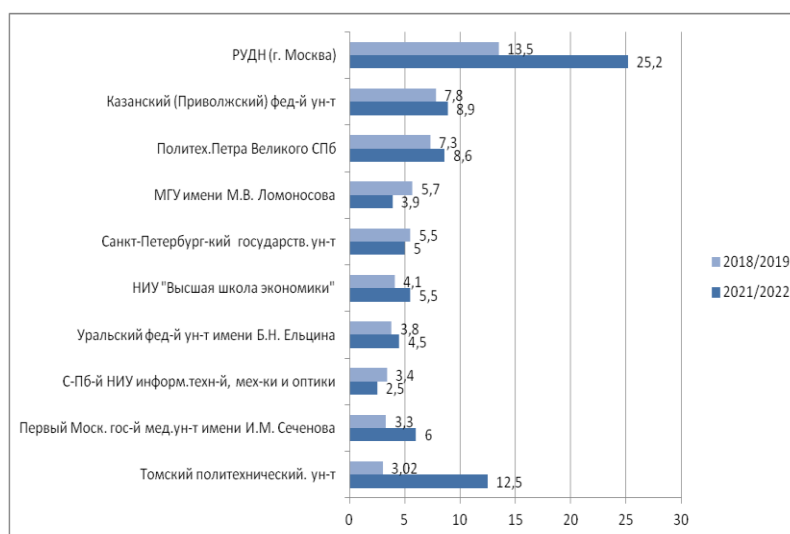

Рис. 7. Российские вузы — лидеры по общей численности обучавшихся иностранных граждан в 2018/2019 и в 2021/2022 учебных годах, тыс. человек⁸

Статистические данные, представленные на рис. 7, наглядно свидетельствуют, что лидером российского международного образования является РУДН, численность иностранных студентов в котором только за 2018/2019—2021/2022 академические годы выросла в два раза. Высокие показатели роста числа студентов-иностранцев отмечаются в Томском политехническом университете, в Первом Московском государственном медицинском университета имени И.М. Сеченова. При этом в некоторых ведущих вузах страны численность иностранных студентов за анализируемый период незначительно уменьшилась, например, в МГУ имени М.В. Ломоносова, в

⁸ Составлено автором по данным официальных сайтов вузов, а также [7; 15; 16].

Санкт-Петербургском государственном университете, в Национальном исследовательском университете ИТМО (Институт точной механики и оптики). К сожалению, официальные статистические данные по количеству иностранных граждан, обучавшихся в российских вузах в 2021/2022 учебном году, пока отсутствуют. Анализируемые данные были получены с сайтов вузов и из средств массовой информации, из-за чего могут иметь место неточности вследствие недоучета численности обучающихся иностранцев по очно-заочной и заочной формам.

Российские вузы — лидеры по численности обучавшихся иностранных граждан 2021/2022 учебного года проводили на протяжении ряда лет активную международную деятельность по привлечению на учебу иностранных граждан. В числе самых популярных методов привлечения использовались: разработка международных образовательных программ, программ двойных дипломов, приглашение иностранных специалистов с опытом работы в ведущих университетах и научных центрах, активное продвижение бренда университета за рубежом и др.

Так, например, в РУДН реализуется 86 программ высшего образования только на иностранных языках, из которых три программы специалитета, 43 программы магистратуры и 40 программ аспирантуры. В партнерстве с российскими и международными вузами РУДН реализует 133 сетевые программы высшего образования, в том числе в рамках сетевых университетов СНГ, ШОС и БРИКС [7].

Но не только ведущие столичные вузы расширяют международное сотрудничество. Так, в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в г. Екатеринбурге, отметившем в 2020 г. 100-летие со дня основания, студентам предлагается 57 курсов на Национальной платформе «Открытое образование», 7 курсов на платформе «edx.org», а также 15 англоязычных программ магистратуры, более 25 совместных международных образовательных программ. Вуз имеет представительства в республиках Киргизии, Казахстане и Абхазии. В число партнеров университета входит более 500 вузов из 72 стран мира [16].

Все другие российские вузы также проводят активную международную деятельность в целях увеличения количества обучаемых иностранных студентов, поскольку показатель «количество

обучающихся в вузе иностранных граждан» является не только важным в оценке эффективности деятельности вуза, но и учитывается при составлении международных рейтингов университетов [5, 52].

По данным новостного портала сайта «VisaSam», удельный вес иностранных студентов, обучающихся на платных местах российских вузов, составляет 69% от общего числа студентов-иностранцев. Самый высокий удельный вес обучающихся платно иностранных студентов среди заочников — 95%. Несколько меньше данный показатель (88%) среди иностранцев, обучающихся по программам очно-заочной формы. Из числа иностранных студентов-очников образовательные услуги оплачивают 54% [19].

В 2022 г. иностранцы могли поступить на программы очного обучения разного уровня российского высшего образования: бакалавриат (4 года), специалитет (5 лет), магистратура (2 года), аспирантура (3 года). Поступление возможно как на бюджет, так и на платные места. Поступающие по квоте Правительства Российской Федерации, а также победители и призеры всероссийских и профильных олимпиад из числа иностранных абитуриентов, имели льготы при поступлении в российские вузы. Иностранные студенты платят за обучение более высокую цену, чем студенты-россияне. Годичное обучение им обходится:

- 1) на годичном подготовительном отделении — 2285 долл.;
- 2) год обучения в бакалавриате и специалитете — 3430—3715 долл.;
- 3) год обучения в магистратуре — 3715—4000 долл.

При этом цены в разных вузах страны и на разных программах обучения различаются значительно [3].

К сожалению, в Российском статистическом ежегоднике, в разделе «Внешняя торговля услугами», не выделены отдельной строкой объемы экспорта российских образовательных услуг. По всем другим категориям услуг, поименованным в «Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» [14], показатели публикуются, кроме российского экспорта медицинских и образовательных услуг [11, 596—598].

По данным автора-составителя статистического сборника «Экспорт российских образовательных услуг» (2020) А.Л. Арефьева, основная часть доходов от экспорта российских образовательных

услуг поступает от очного обучения иностранных граждан российских вузов на территории Российской Федерации. По мнению эксперта, эта статья доходов год от года имеет тенденцию к росту [20, 552]. Основные финансовые показатели экспорта услуг высшего образования в 2018/2019 академическом году представлены в табл. 3.

Таблица 3

Основные финансовые показатели экспорта услуг высшего образования в 2018/2019 академическом году

Показатели экспорта российских услуг высшего образования в 2018/2019 академическом году	Обучение в российских вузах на территории России		Очное, заочное, дистанционное обучение в совместных университетах, филиалах и иных подразделениях российских вузов за рубежом
	Очная форма	Очно-заочная форма	
1. Число иностранных граждан, обучавшихся по российским образовательным программам, тыс. человек	282,3	73,1	40,0
2. Общая сумма оплаты за обучение на контрактной основе иностранных граждан			
в млн р.	32 076,9	5 620,0	2 000,9
в млн долл.	493,5	86,5	30,8
3. Бытовые расходы иностранных граждан (питание, проживание и др.) в период обучения на территории России			
в млн р.	81 628,0	2113,5	0,0
в млн долл.	1271,2	32,5	

Продолжение табл. 3

Совокупные доходы от оказания российских образовательных услуг иностранным гражданам на территории Российской Федерации и за ее пределами			
в млн р.	113 704,9	7 733,5	2 000,9
в млн долл.	1764,7	119,0	30,8

Источник: составлено автором по: [20, 552—553].

Согласно приведенным в табл. 3 официальным данным Минобрнауки России, всего в 2018/2019 академическом году от экспорта российских образовательных услуг высшего образования получено 123 439,3 млн р., что в долларовом эквиваленте (по курсу 1 долл. = 65 р.) составляло 1 899,1 млн долл. (т. е. около 2 млрд долл.) [20, 552—553].

В докладе Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики 2018 г. отмечается, что доходы от экспорта высшего образования России не сопоставимы с доходами развитых стран. В докладе приводится пример, что Австралия, которая принимает на обучение примерно столько же иностранных студентов, сколько и Российская Федерация, получает доход 18 млрд долл. в год, а наша страна — только 1 млрд [2]. В США от обучения в 2019 г. 1,1 млн иностранных граждан бюджет страны получил 44,7 млрд долл. [6, 151]. Однако надо учитывать тот факт, что высшее образование в США и в других развитых странах мира достаточно дорогое (табл. 4); стоимость обучения там в несколько раз выше, чем в вузах России. Поэтому отправить на учебу детей в университеты развитых стран могут себе позволить семьи с достаточно высоким уровнем дохода. Основной контингент иностранцев, поступающих в российские вузы, — это представители развивающихся стран с невысоким уровнем жизни и невысокими доходами.

Другая причина недополучения экспортных доходов в Российской Федерации от оказания услуг высшего образования иностранным гражданам, при ежегодном росте числа иностранных студентов

в российских вузах, видится в приеме иностранных абитуриентов, по большей части, на дешевые программы бакалавриата. К сожалению, как уже отмечалось, доля иностранных граждан, обучавшихся в магистратуре и на самых высоких ступенях подготовки кадров (ординатура, аспирантура, докторантура), где образовательные программы дороже, составила в российских вузах в 2018/2019 учебном году только 13% (табл. 2).

Доходы от экспорта высшего образования в нашей стране растут. По данным Минобрнауки России, которые приведены в «Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года», в 2015/2016 учебном году они составляли около 1,5 млрд долл. [14, 126], а в 2018/2019 учебном году — около 1,9 млрд долл. (см. табл. 3).

Таблица 4

**Стоимость образовательных услуг в некоторых странах мира
в 2021/2022 учебном году**

Страны мира	Средняя стоимость обучения по программам высшего образования в университетах страны в год
США, долл.	20 000—50 000
Великобритания, фунтов стерлингов	11 000—30 000
Канада, канадских долл.	20 000—50 000
Франция, евро	10 000—40 000
Германия, евро	2 000—30 000
Австралия, австралийских долл.	25 000—45 000

Источник: составлено автором по: [13; 18].

Российское образование ценится за рубежом оптимальным соотношением цены и качества, при этом у иностранцев имеется возможность бесплатного получения высшего образования в нашей стране по квоте Правительства Российской Федерации. Также существует выбор обучения на англоязычных программах по программам двойных дипломов, прохождение онлайн-обучения и другие направления получения высшего образования для иностранцев, которые

способствуют увеличению численности иностранных граждан в российских вузах.

Таким образом, по результатам проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

1. Вследствие проведения эффективной государственной политики в области высшего образования в Российской Федерации российские вузы в значительной степени активизировали международную деятельность в различных формах. В результате большой работы вузам России удалось выстроить привлекательный имидж и конкурентоспособный бренд своих образовательных организаций.

2. В ходе исследований выявлено, что в 2021/2022 учебном году в России обучалось 324 тыс. иностранных студентов; по данному показателю она занимала 5-е место в мире. За последние десять лет численность студентов-иностранцев в нашей стране практически удвоилась. При этом доля иностранных граждан в составе всех студентов, обучавшихся в Российской Федерации, выросла в три раза, хотя по этому показателю Россия еще значительно уступает лидерам международного образования.

3. Как показали исследования, основную долю иностранных студентов российских образовательных организаций составляли представители ННГ, Азии и Африки. При этом за последние 10 лет происходило уменьшение доли иностранцев из бывших союзных республик СССР, и росла доля граждан государств Азии и Африки.

4. Из стран выхода иностранных студентов российских вузов в тройке лидеров — Казахстан, Узбекистан и Китай. Представители только этих трех государств составляют почти половину всех иностранцев, обучавшихся в России по программам высшего образования. В топ-10 также входят как страны-представители ННГ (Туркменистан, Таджикистан, Белоруссия, Украина, Киргизия), так и государства дальнего зарубежья — Индия и Египет. За последние 10 лет популярность российского высшего образования значительно выросла в Египте, а также в центральноазиатских республиках — в Туркменистане, Таджикистане, Киргизии и в некоторых других странах.

5. По результатам проведенного анализа выявлено, что почти половину всех обучавшихся в вузах России иностранцев составляли осваивающие программы бакалавриата, почти четверть —

программы специалитета. Также значительная доля образовательных мигрантов в российских вузах приходилась на обучающихся на подготовительных отделениях вузов и проходящих стажировки. К сожалению, по программам магистратуры, ординатуры, аспирантуры и докторантуры в нашей стране в 2018/2019 академическом году обучалось только 13% иностранцев. Сложившаяся ситуация негативно сказывается на возможности обеспечения российской экономики кадрами высокой квалификации за счет иностранных выпускников российских вузов и на доходах от экспорта российского образования.

6. Наибольшей популярностью у иностранных граждан пользуются программы высшего образования медицинского и инженерного направлений, а также программы по экономике и управлению. Доля обучающихся по названным трем направлениям подготовки составляет более половины от общего числа студентов-иностранцев в Российской Федерации.

7. Как показали исследования, вузами-лидерами по численности обучавшихся иностранных граждан в 2021/2022 академическом году являлись РУДН, Томский политехнический университет и Казанский (Приволжский) федеральный университет. В число ведущих вузов по данному показателю также входят Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, МГУ имени М.В. Ломоносова и другие вузы страны.

8. Российские вузы, входящие в топ-10 по численности обучающихся иностранных граждан, проводят особенно активную международную деятельность по привлечению на учебу иностранных граждан, реализуя учебные программы на иностранных языках в своих вузах и в сетевых университетах СНГ, ШОС, БРИКС, программы двойных дипломов и другие мероприятия. Другие российские вузы также проводят активную международную деятельность в целях увеличения количества обучаемых иностранных студентов, поскольку показатель «количество обучающихся в вузе иностранных граждан» является не только важным в оценке эффективности деятельности вуза, но и учитывается при составлении международных рейтингов университетов.

9. Исследования показали, что почти две трети иностранных студентов обучаются в российских вузах на платных местах, при этом они платят за обучение более высокую цену, чем студенты-россияне. Цены в разных вузах страны и на разных программах обучения различаются значительно.

10. При этом что в Российской Федерации отмечается положительная динамика численности иностранных граждан, обучающихся в российских вузах, экспортные доходы от предоставления российских образовательных услуг иностранцам пока не сопоставимы с подобными показателями стран — лидеров международного образования. Данная ситуация складывается из-за более низкой по сравнению с развитыми странами стоимости обучения в российских вузах, а также вследствие преобладания в контингенте студентов-иностранцев обучающихся по программам бакалавриата с низким уровнем возмещения затрат на обучение.

Литература

1. В Минобрнауки заявили, что число иностранных студентов в России увеличилось // РИА Новости. Навигатор абитуриента. 2022. 05 июля: URL: https://na.ria.ru/20220705/inostrannye_studenty-1800304761.html?ysclid=l5fnrkf58_h900366036 (дата обращения: 06.07.2022).

2. Двенадцать решений для нового образования. По материалам доклада ЦСР и ВШЭ о развитии образования до 2024 г. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: URL: <https://www.hse.ru/twelve/part10> (дата обращения: 21.03.2022).

3. Козлова Ю. Поступление иностранных граждан в вузы России в 2022 г. // Комсомольская правда. Официальный сайт: URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/obrazovanie/postuplenie-inostrantsev-v-vuzy/#:~:text=> (дата обращения: 26.06.2022).

4. Комраков А. Пандемия уменьшила поток иностранных абитуриентов за рубеж // Независимая газета. Экономика. 2021. № 80 (8131). 19 апр.

5. Меликян А.В. Международная образовательная деятельность российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 1. С. 52—62.
6. Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. № 2. Т. 31. С. 149—166.
7. Отчет о результатах самообследования Российского университета дружбы народов за 2021 год. М., 2022 г. // Российский университет дружбы народов. Официальный сайт: URL: [https://www.rudn.ru/sveden/files/Otchet_o_rezulytatax_samoobsledovaniya_zh_2021_god\(1\).pdf?ysclid=l5sk6113ff739093020](https://www.rudn.ru/sveden/files/Otchet_o_rezulytatax_samoobsledovaniya_zh_2021_god(1).pdf?ysclid=l5sk6113ff739093020) (дата обращения: 14.06.2022).
8. Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году // Study in Russia: официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов. 2021. 25 февраля: URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/?ysclid=l5see74jux944451074> (дата обращения: 26.02.2022).
9. Российский статистический ежегодник. 2017: URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 04.03.2022).
10. Российский статистический ежегодник. 2018: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/year18.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).
11. Российский статистический ежегодник. 2021: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2021.pdf (дата обращения: 04.03.2022).
12. Российский статистический ежегодник — 2014 г. // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm (дата обращения: 05.03.2022).
13. Сколько реально стоит учеба за границей: каталог 5887 заведений и 18720 программ // Smapse education. Обучение за рубежом: URL: [https://smapse.ru/catalog/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=general_opt_search_ALL-\(fairs-vremenno\)&utm_content=1932](https://smapse.ru/catalog/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=general_opt_search_ALL-(fairs-vremenno)&utm_content=1932)

102241&utm_term=Сколько%20стоит%20обучение%20за%20границей.Москва&yclid=4986915638054223871 (дата обращения: 19.05.2022).

14. Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 года № 1797-р // Правительство России: официальный сайт. Документы: URL: <http://government.ru/docs/37669/> (дата обращения: 12.03.2022).

15. Университеты не смогли вернуть всех. Ведущие вузы представили данные о числе приехавших иностранных студентов // РБК. 2021. 11 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/12/13/61b322939a7947ab7109ef8f?ysclid=15tt18684o870999095html> (дата обращения: 18.02.2022).

16. Уральский федеральный — это мы. Об университете в цифрах // Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Официальный сайт. Об университете: URL: <https://urfu.ru/ru/about/today/figures/> (дата обращения: 14.05.2022).

17. Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч // Минобрнауки России. Официальный сайт. 18 января 2022: URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_I=46158 (дата обращения: 22.01.2022).

18. Что важно знать про высшее образование в США. Кратко о высшем образовании в США // UniPage. Официальный сайт международного образовательного агентства. 19 октября 2021 г.: URL: https://www.unipage.net/ru/education_usa#:~:text=Средняя%20стоимость%20года%20обучения%20на,покрывают%20лишь%20небольшую%20часть%20расходов (дата обращения: 17.03.2022).

19. Шатикова Н. Обучение иностранных студентов в России в 2022 году // VisaSam. 2022. 30 июня: URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/inostrannye-studenty-v-rossii.html?ysclid=15v15fs24y382951274> (дата обращения: 07.07.2022).

20. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 10. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020.

References

1. V Minobrnauki zayavili, chto chislo inostrannykh studentov v Rossii uvelichilos' // RIA Novosti. Navigator abiturienta. 2022. 05 iyulya: URL: https://na.ria.ru/20220705/inostrannye_studenty-1800304761.html?ysclid=l5fnrkf58 h900366036 (data obrashcheniya: 06.07.2022).
2. Dvenadcat' reshenij dlya novogo obrazovaniya. Po materialam doklada CSR i VSHE o razvitii obrazovaniya do 2024 g. // Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»: URL: <https://www.hse.ru/twelve/part10> (data obrashcheniya: 21.03.2022).
3. Kozlova YU. Postuplenie inostrannykh grazhdan v vuzy Rossii v 2022 g. // Komsomol'skaya pravda. Oficial'nyj sayt: URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/obrazovanie/postuplenie-inostrantsev-v-vuzy/#:~:text=> (data obrashcheniya: 26.06.2022).
4. Komrakov A. Pandemiya umen'shila potok inostrannykh abiturientov za rubezh // Nezavisimaya gazeta. Ekonomika. 2021. № 80 (8131). 19 apr.
5. Melikyan A.V. Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya deyatel'nost' rossijskikh vuzov // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. T. 21. № 1. S. 52—62.
6. Nikolaev V.K. Eksport obrazovaniya v vuzah Rossii v usloviyah novoj real'nosti // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2022. № 2. T. 31. S. 149—166.
7. Otchet o rezul'tatah samoobsledovaniya Rossijskogo universiteta družby narodov za 2021 god. Moskva — 2022 g. // Rossijskij universitet družby narodov. Oficial'nyj sayt: URL: [https://www.rudn.ru/sveden/files/Otchet_o_rezulytax_samoobsledovaniya_za_2021_god\(1\).pdf?ysclid=l5sk6113ff739093020](https://www.rudn.ru/sveden/files/Otchet_o_rezulytax_samoobsledovaniya_za_2021_god(1).pdf?ysclid=l5sk6113ff739093020) (data obrashcheniya: 14.06.2022).
8. Rekordnoe kolichestvo inostrannykh studentov vybrali Rossiiyu v 2020 godu // Study in Russia: oficial'nyj sayt o vysshem obrazovanii v Rossii dlya inostrannykh studentov. 2021. 25 fevralya: URL: <https://study-inrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiiyu-v-2020-godu/?ysclid=l5see74jux944451074> (data obrashcheniya: 26.02.2022).

9. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017: URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (data obrashcheniya: 04.03.2022).

10. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2018: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/year18.pdf> (data obrashcheniya: 04.03.2022).

11. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2021: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2021.pdf (data obrashcheniya: 04.03.2022).

12. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik — 2014 g. // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: oficial'nyj sajt. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm (data obrashcheniya: 05.03.2022).

13. Skol'ko real'no stoit ucheba za granicej: katalog 5887 zavedenij i 18720 programm // Smapse education. Obuchenie za rubezhom: URL: [https://smapse.ru/catalog/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=general_opt_search_ALL-\(fairs-vremenno\)&utm_content=1932102241&utm_term=Skol'ko%20stoit%20obuchenie%20za%20granicej.Moskva&yclid=4986915638054223871](https://smapse.ru/catalog/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=general_opt_search_ALL-(fairs-vremenno)&utm_content=1932102241&utm_term=Skol'ko%20stoit%20obuchenie%20za%20granicej.Moskva&yclid=4986915638054223871) (data obrashcheniya: 19.05.2022).

14. Strategiya razvitiya eksporta uslug do 2025 goda. Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 2019 goda № 1797-r // Pravitel'stvo Rossii: oficial'nyj sajt. Dokumenty: URL: <http://government.ru/docs/37669/> (data obrashcheniya: 12.03.2022).

15. University ne smogli vernut' vsekh. Vedushchie vuzy predstavili dannye o chisle priekhavshih inostrannyh studentov // RBK. 2021. 11 dekabrya. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/12/13/61b322939a7947ab7109ef8f?ysclid=l5tt18684o870999095html> (data obrashcheniya: 18.02.2022).

16. Ural'skij federal'nyj — eto my. Ob universitete v cifrah // Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina. Oficial'nyj sajt. Ob universitete: URL: <https://urfu.ru/ru/about/today/figures/> (data obrashcheniya: 14.05.2022).

17. CHislo inostrannyh studentov v Rossii za tri goda vyroslo na 26 tysyach // Minobrnauki Rossii. Oficial'nyj sajt. 18 yanvarya 2022: URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_I=46158 (data obrashcheniya: 22.01.2022).

18. CHto vazhno znat' pro vysshee obrazovanie v SSHA. Kratko o vysshem obrazovanii v SSHA // UniPage. Oficial'nyj sayt mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo agentstva. 19 oktyabrya 2021 g.: URL: https://www.unipage.net/ru/education_usa#:~:text=Sred-nyaya%20stoimost'%20goda%20obucheniya%20na,pokryv-ayut%20lish'%20nebol'shuyu%20chast'%20raskhodov (data obrashcheniya: 17.03.2022).

19. SHatikova N. Obuchenie inostrannyh studentov v Rossii v 2022 godu // VisaSam. 2022. 30 iyunya: URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/inostrannye-studenty-v-rossii.html?ysclid=l5v15fs24y382951274> (data obrashcheniya: 07.07.2022).

20. Eksport rossijskih obrazovatel'nyh uslug: Statisticheskij sbornik. Vyp. 10. M.: GIRYA im. A.S. Pushkina, 2020.

Д.Б. ЛИТВИНЦЕВ

**Общее собрание собственников многоквартирного дома:
как повысить институциональное доверие?***

Аннотация. В статье поднимается проблема доверия к одному из социально-экономических институтов в современном российском обществе — институту общего собрания собственников многоквартирного дома. Методологической основой исследования являются социологические принципы и подходы, допускающие возможность выражения чувств (одним из которых и является доверие) к социальным институтам. В работе использовались результаты преимущественно зарубежных исследований проблемы институционального доверия, а также данные ООН. В ходе исследования институт общего собрания собственников многоквартирного дома рассматривался как место проявления горизонтальной демократии, как квази-личность, а также как обладатель дискреционных полномочий. По ходу анализа имеющихся данных и теорий в статье делается сопоставление с

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Литвинцев Д.Б. Общее собрание собственников многоквартирного дома: как повысить институциональное доверие? // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 241—253.

условиями и проблемами функционирования института общего собрания собственников многоквартирного дома в России. На основе выявленных факторов и с учетом классификации драйверов доверия Дж. Кавана и др. предлагаются релевантные рекомендации, направленные на усиление доверия к данному институту, что в конечном счете будет способствовать повышению его функциональности в условиях российской действительности.

Ключевые слова: жилищная социология, жилищная политика, социальный институт, доверие институтам, общее собрание, собственники жилья, многоквартирный дом.

Abstract. The article raises the problem of trust in one of the socio-economic institutions in modern Russian society — the institution of the general meeting of owners of an apartment building. The methodological basis of the study is sociological principles and approaches that allow for the possibility of expressing feelings towards social institutions, one of which is trust. The work used the results of predominantly foreign studies of the problem of institutional trust, as well as UN data. In the course of the study, the institution of a general meeting of owners of an apartment building was considered as a place for the manifestation of horizontal democracy, as a quasi-personality, and also as the holder of discretionary powers. In the course of the analysis of the available data and theories, the article makes a comparison with the conditions and problems of the functioning of the institution of the general meeting of owners of an apartment building in Russia. Based on the identified factors and considering the classification of trust drivers by J. Kavanagh etc. offers relevant recommendations aimed at strengthening the credibility of this institution, which will ultimately help to increase its functionality in the conditions of Russian reality.

Keywords: housing sociology, housing policy, social institution, trust in institutions, general meeting, homeowners, apartment building.

УДК 316.334.2+332.871.1
ББК 60.56+65.441

Введение

Трансформация жилищной сферы России в процессе реформы ЖКХ характеризовалась становлением новых социально-экономических институтов (и релевантных практик), одним из которых стал институт общего собрания собственников многоквартирного дома. Являясь регулятором коллективных действий по распоряжению общим имуществом и подчиняя индивидуальные интересы коллективным, институт был внедрен государством с целью установления и поддержания режима коммунальной собственности в многоквартирных домах. Исследования показывают, что данный институт развивается как дисфункциональный, что в том числе может быть связано с низким уровнем доверия собственников многоквартирных домов к общему собранию как социальному институту [1]. Так, Т.П. Черемисина подчеркивает, что институциональная среда жилищных отношений зависит не только от развитости рынка жилья как такового, но и от уровня доверия в обществе (в том числе к его институтам) [3].

Департамент по экономическим и социальным вопросам «Организации объединенных наций» отмечает, что доверие является неотъемлемой частью функционирования любого общества. Доверие друг к другу, социальным институтам⁹ и политическим лидерам — это важнейшие составляющие социального и экономического прогресса, позволяющие людям сотрудничать друг с другом. Снижение институционального доверия является медленным процессом, а его восстановление — долгосрочная цель. При этом измерить, доверяют ли люди институтам, достаточно сложно [13].

В основе представлений о том, что индивиды могут испытывать эмоции (в том числе доверие) по отношению к социальным институтам, лежит традиция социологического реализма, позволяющая рассматривать социальные институты как вещи — реально существующие социальные факты, к которым мы можем испытывать различные чувства. Например, Ф.К. Мюллер-Лиер еще в позапрошлом веке отмечал, что «...нет надобности подвергаться обязательно

⁹ Целесообразно отметить, что понятия «доверие к институтам» и «институциональное доверие» в зарубежных исследованиях зачастую отождествляются [10; 5], хотя встречаются и другие интерпретации, например «гражданское доверие» [11].

пытке, чтобы иметь ненависть к этому институту» [2, 119]. Тем не менее сторонники традиции социологического номинализма также усматривают возможность интерпретации проблемы доверия к социальным институтам через анализ социальных взаимодействий и практик.

Доверие нередко является подходящим отношением, когда дело касается социальных институтов. Индивиды не просто склонны доверять институтам и чувствовать негодование, когда они противоречат их ожиданиям, но и зачастую имеют право и доверять, и негодовать по поводу работы институций, если последние не оправдывают оказанное доверие. Оно, по мнению Й. Клоостер, уместно там, где мы настолько информированы, насколько кто-либо может ожидать этого от нас, и где нормативные ожидания, которые мы имеем в отношении института, релевантны. Когда эти условия выполняются, доверие имеет место быть, даже если институт является анонимным в том смысле, что доступ к информации о его деятельности очень ограничен или даже отсутствует. Результатом всего этого является то, что мы можем доверять институтам, о существовании которых мы даже не знаем [9].

П. Лоре выделяет три модальности доверия социальным институтам: тоталитарное, либертарианское и либеральное. *Тоталитарное* доверие полностью и абсолютно подчиняет требования личности требованиям государства и его институтов. Институт всегда прав, он не подвергается никакому оспариванию или критике. Либертарианское доверие противоположно тоталитарному: индивид доверяет институту постольку, поскольку он служит его частным интересам. Доверие в данном случае — это форма социального договора, заключенного между индивидом и институтом, в рамках которого они обязуются соблюдать правила, при условии, что они гарантируют достижение взаимовыгодных целей. Либеральное доверие держится на расстоянии от двух предыдущих модальностей. Оно отвергает доверчивость и слепое соответствие, сохраняя критическое мышление; оно не подчиняет свою приверженность достижению задач и целей, поставленных исключительно в перспективе индивидуальной выгоды [10].

Л. Жаффро усматривает двойственную роль социальных институтов во взаимосвязи с феноменом доверия, основываясь на

гармоническом и дисгармоническом подходах: институты не только являются возможным объектом доверия, но и обеспечивают контекст, который способствует укреплению доверия или наоборот. Кроме того, социальные институты могут подвергаться различным формам и/или степеням доверия. Например, доверие по отношению к социальному институту может быть очень неявным или наоборот — демонстративным [7].

Обеспечивая приверженность отдельных лиц институтам, как отмечает Э. Терроне, социальная практика¹⁰ соотносится с доверием, которое субъекты оказывают институтам. С одной стороны, социальная практика сама по себе поощряет доверительное отношение к институту, поскольку сама состоит из нормативных установок, которые представляют собой то, что должно придерживаться института. С другой — она же может быть усилена укреплением доверия, которое индивиды оказывают институтам, или, наоборот, ослаблена снижением этого доверия [12].

Результаты и обсуждение

Доверие выступает основой многочисленных видов отношений как в повседневной жизни, так и в социальных институтах. Основываясь на предположении, что люди взаимодействуют для достижения общей цели, доверие может рассматриваться в дискурсе социально-эмоционального заражения — оно может быть заразным и/или вызывать заражение само по себе. По мнению С. Белли, доверие к социальным институтам выступает в качестве основы горизонтальной демократии, того типа демократии, где сообщество, в котором люди находятся вместе и разделяют коллективные эмоции, основано на доверии друг к другу как к «гражданам этой страны». Различные собрания являются местами для проявления горизонтальной демократии и неиерархических социальных отношений, поскольку они способствуют гражданскому участию, инновациям и прозрачности [4].

¹⁰ Э. Терроне, в частности, использует термин «институциональная практика», понимая под этим социальную практику, состоящую из нормативных установок, которые не представляют собой конкретное поведение, а демонстрируют приверженность определенному институту.

Общее собрание собственников многоквартирного дома в России также может рассматриваться как место проявления горизонтальной демократии, участие в которой может характеризоваться в том числе как гражданское [1]. Взаимодействия собственников многоквартирного дома преследуют коллективную цель — надлежащее содержание общего имущества. Актуальными становятся вопросы: доверяют ли собственники многоквартирного дома общему собранию как социальному институту и почему не происходит социально-эмоционального заражения? Опираясь на результаты исследования С. Белли, можно предположить, что это связано с тем, что участники общих собраний (представляя собой в том числе соседское сообщество) не разделяют коллективные эмоции и не всегда находятся вместе (собственник может не проживать в многоквартирном доме).

Различные учреждения и непосредственно здания (например, многоквартирные дома) являются местами проведения интенсивных ритуалов, основанных на доверии. С. Белли отмечает, что наша способность правильно судить и быть оцененным как заслуживающий доверия субъект проявляется в социальном взаимодействии и выражается как эпистемическое доверие, согласно которому приверженность говорящего своим собственным словам является условием принятия аргументов со стороны слушателя. Эпистемическое доверие состоит из нескольких действий, основанных на чувствах ожидания, надежды и уверенности, а также точности, искренности, честности и открытости. Это эпистемическое доверие является основой для множества видов отношений в социальных институтах. При этом само доверие к социальным институтам ненадежно. Учитывая, что социальным субъектам приходится принимать решения в условиях отсутствия полной информации, для принятия этих решений необходимо доверие. В данном случае нарративы могут предоставить возможность для обеспечения доверия к социальным институтам, например, посредством общения между экспертами и потребителями [4]. Подобный подход может способствовать снижению недоверия к самому себе, что, по мнению Л. Жаффро, в рамках гармонического подхода может являться основой повышения доверия к социальному институту [7].

Полнота информации для принятия решений на общем собрании собственников многоквартирного дома — чрезвычайно важный

аспект. Ее недостаток также сказывается на надежности доверия к этому институту, а собственники нередко вынуждены принимать решения по повестке дня, не имея всей информации. В данном случае нарратив, который может способствовать повышению доверия к институту и снижению недоверия собственников самим себе в процессе принятия решений, — это общение между специалистами отрасли ЖКХ (в том числе представителями управляющих организаций и т. п.) и собственниками. Однако подобный нарратив возможен в большей степени при очном голосовании или до общего собрания, пока оно не перешло на заочный этап.

Исследователи отмечают, что смягчение социальной напряженности и чувства социальной изоляции может помочь остановить падение доверия к социальным институтам [6]. Данные рекомендации чрезвычайно актуальны применительно к институту общего собрания собственников многоквартирного дома. С учетом низкой интенсивности соседских отношений (особенно в высотных домах) чувство социальной изоляции у жителей возрастает, а развивающиеся различные фобии способствуют росту социальной напряженности [1]. В данном случае жилищная политика должна быть направлена на поддержание и активизацию соседских отношений с целью повышения доверия к рассматриваемому институту.

П. Лоре в результате своих исследований приходит к выводу о том, что чтобы социальный институт культивировал доверие, он должен соответствовать трем условиям:

- 1) институт должен иметь заведомо определенную положительную социальную функцию;
- 2) институт должен прибегать к социальным практикам, наделенным положительным моральным смыслом, превышающим (но не исключаящим) техническую компетентность или инструментальную рациональность;
- 3) институт должен своевременно аккредитовать свои постоянные склонности к функционированию в соответствии с этими практиками.

Эти три условия формулируют позитивную установку, *моральные предрасположенности и идентичность* во времени, которая позволяет рассматривать институт как квази-личность. И наоборот, квази-личностное недоверие к институту предполагает состояние

идентичности, двусмысленную социальную функцию и аморальные диспозиции (набор морально предосудительных или вызывающих недоверие практик — таких как обман, секретность, лоббирование) [10].

Сфера ЖКХ в России наполнена вызывающими недоверие социальными практиками. Общие собрания собственников помещений нередко критикуются за фальсификацию подписей, «секретность» отдельных материалов (например, экономическое обоснование тарифа на содержание жилья), а также, зачастую, лоббирование интересов управляющей организации, органов муниципальной или государственной власти. Таким образом, институт общего собрания собственников многоквартирного дома, рассматриваемый как квази-личность, начинает приобретать образ городского пройдохи-обманщика. Продолжая рассуждения в заданном дискурсе, отметим, что повышение доверия к рассматриваемому институту возможно за счет смены образа квази-личности, что возможно за счет повышения легитимности общих собраний и валидности их результатов, снижения влияния коммерческих организаций и органов власти, а также повышения доступности материалов для голосования.

Доверие также лежит в основе дискреционных полномочий. Там, где дискреционные полномочия используются произвольно, это может угрожать подорвать доверительные отношения между индивидами и институтами. П.Т. Ленард выделяет четыре фактора произвольности дискреционных полномочий [11]:

- 1) дискреционные полномочия должны осуществляться в пространстве, регулируемом верховенством права:
- 2) сами законы должны подлежать обоснованию:
- 3) правила должны быть не только определены заранее и публично известны, они должны применяться ко всем индивидам в равной степени:
- 4) в большинстве случаев приемлемо, если полномочия защищают закон с отсылкой на предоставление общественных или коллективно значимых услуг.

Институт общего собрания собственников многоквартирного дома может рассматриваться в дискурсе дискреционных полномочий, так как задает вид и содержание (полностью или частично) принимаемых коллективных решений. Несмотря на то, что

дискреционные полномочия данного института осуществляются в правовом пространстве (институт является формальным), жилищная политика России не является в достаточной степени доказательной. Далеко не все принимаемые жилищные законы обоснованы в полной мере. При этом уровень жилищной грамотности собственников многоквартирных домов достаточно низкий — не все правила владения, пользования и распоряжения общим имуществом публично известны [1].

В данном случае доверие к институту общего собрания собственников многоквартирного дома как обладающему дискреционными полномочиями в России возможно за счет расширения доказательной базы жилищной политики и повышения жилищной грамотности населения посредством жилищного просвещения.

Дж. Кавана, К.Г. Карман, М. Дейорео, Н. Чендлер и Л.Э. Дэвис выделили пять компонентов надежности (драйверов доверия), которые, безусловно, имеют разный вес в различных социальных институтах: компетентность, честность, производительность, точность и актуальность предоставляемой информации [8]. Компетентность и честность специалистов сферы ЖКХ как экспертов — один из основополагающих принципов эффективного функционирования отрасли и в том числе немалозначимый драйвер доверия к институту общего собрания собственников многоквартирного дома. От честности и компетентности работников управляющих организаций во многом зависят точность и актуальность материалов для голосования, обоснованность тарифов на содержание жилья и т. п. Производительность же в сфере ЖКХ — критический фактор. Однако в контексте общего собрания его необходимо рассматривать не как производительность управляющей организации (например, в части ликвидации аварийных ситуаций), а именно как производительность самого института, т. е. возможность собственников многоквартирных домов оперативно и результативно принимать коллективные решения посредством института общего собрания. И в данном случае особенно в больших домах наблюдается немало трудностей.

Заключение

Индивиды испытывают чувства по отношению к социальным институтам. Правомерно с социологической точки зрения (как в

рамках традиции реализма, так и номинализма) утверждать, что можно любить или ненавидеть те или иные институты, а также доверять им или нет. Институт может как сам по себе быть объектом доверия, так и культивировать это доверие среди индивидов, в том числе посредством релевантных социальных практик. Доверие институтам, играющее важную роль в любом обществе, может принимать разную форму (тоталитарное, либертарианское или либеральное) и проявляться в разной степени (скрытое или демонстративное доверие), что в том числе является причиной сложности его измерения.

Причин недоверия институту общего собрания собственников многоквартирного дома в России, который в том числе рассматривался в дискурсе горизонтальной демократии, как квази-личность и как обладатель дискреционных полномочий, несколько:

- невозможность находиться вместе (соседская общность представлена жильцами дома, а не собственниками, часть из которых может проживать за границей и т. п.);
- не все собственники разделяют коллективные эмоции (что связано с тем, что они руководствуются различными институциональными предписаниями в отношении пользования своим жилищем);
- неполнота информации для принятия решений на общих собраниях,
- социальная напряженность и чувство социальной изоляции у отдельных жителей-собственников многоквартирных домов (в первую очередь высотных);
- не вызывающие доверия и/или морально предосудительные социальные практики (фальсификация подписей, «секретность» материалов для голосования, лоббирование сторонних интересов);
- недостаточная доказательность жилищной политики и низкий уровень жилищной грамотности собственников многоквартирных домов;
- низкая компетентность и нечестность специалистов сферы ЖКХ, низкая производительность самих собраний, недостаточная точность и актуальность предоставляемой информации управляющими организациями.

Доверие к социальным институтам ненадежно в виду отсутствия полной информации для принятия различных решений, в том числе на общем собрании собственников многоквартирного дома. В данном случае с целью повышения доверия к данному институту, с одной стороны, необходимо повышать открытость сферы ЖКХ в России и информированность самих собственников, с другой стороны, повышение доверия должны обеспечить релевантные нарративы — общение между собственниками многоквартирных домов и экспертами отрасли (по аналогии с общением пациента и врача), чья компетентность должна подтверждаться не только опытом работы в отрасли, но и соответствующим высшим образованием. В конечном счете государство как автор реформы ЖКХ должно способствовать повышению компетентности и честности специалистов отрасли, а также повышению точности и актуальности предоставляемой информации.

Снижение социальной напряженности и чувства социальной изоляции возможно за счет развития соседских отношений и их поддержки на различных уровнях органами власти. Это отчасти будет способствовать тому, что большая часть жителей-собственников будет разделять коллективные эмоции. Повышение доверия социальным практикам общих собраний возможно за счет ужесточения санкций за нарушения формальных правил, а также снижения влияния частных организаций на ход голосования. При этом все «правила игры» должны быть публично известны и применяться ко всем индивидам в равной степени, жилищная политика должна быть доказательной, а жилищное просвещение должно лежать в основе повышения жилищной грамотности собственников многоквартирных домов.

Предложенные мероприятия, основанные на зарубежном опыте исследования проблем доверия к социальным институтам, позволят не только повысить производительность института общего собрания собственников многоквартирного дома в России, но и усилить доверие к нему, что будет способствовать повышению его функциональности и эффективности в целом. Это в конечном счете будет способствовать реализации декларируемых целей управления многоквартирными домами, а именно обеспечению благоприятных и безопасных условий проживания граждан.

Литература

1. *Литвинцев Д.Б.* Жилищная социология. Институт общего собрания собственников многоквартирного дома / Под ред. Л.А. Осьюмук. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022.
2. *Мюллер-Лиер Ф.* Социология страданий / Пер. с нем. П. Берман. М.: «Земля и Фабрика», 1925.
3. *Черемисина Т.П.* Жилье в России. Экономические механизмы активизации и оздоровления в сфере жилищного строительства // ЭКО. 2006. № 4 (382). С. 99—115.
4. *Belli S.* Zigzagging between Trust and Social Institutions // *EASST Review*. 2015. No. 34 (2). P. 31—34.
5. *Bornstein B.H., Tomkins A.J.* Institutional Trust: An Introduction // *Motivating Cooperation and Compliance with Authority. Nebraska Symposium on Motivation*, Vol. 62 / B. Bornstein, A. Tomkins (eds.). Cham: Springer, 2015.
6. *Fondeville N., Özdemir E., Medgyesi M., et al.* Societal Change and Trust in Institutions. Luxembourg: Eurofound Publications Office, 2019.
7. *Jaffro L.* Harmonic and Disharmonic Views of Trust // *Rivista di estetica*. 2018. No. 68. P. 11—26.
8. *Kavanagh J., Carman K.G., DeYoreo M., Chandler N., Davis L.E.* The Drivers of Institutional Trust and Distrust: Exploring Components of Trustworthiness. Santa Monica, California: RAND Corporation, 2020.
9. *Klooster J.* Trusting anonymous institutions // *Rivista di estetica*. 2018. No. 68. 2018. P. 69—82.
10. *Lauret P.* Why (and How to) Trust Institutions? Hospitals, Schools, and liberal Trust // *Rivista di estetica*. 2018. No. 68. P. 41—68.
11. *Lenard P.T.* Trust, Discretion and Arbitrariness in Democratic Politics // *Rivista di estetica*. 2018. No. 68. P. 83—104.
12. *Terrone E.* Istituzioni e pratiche. Le due sfere della realtà sociale // *Rivista di estetica*. 2018. No. 68. P. 27—40.
13. Trust in Public Institutions: Trends and Implications for Economic Security // The United Nations Department of Economic and Social Affairs: URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/2021/07/trust-public-institutions/> (дата обращения: 25.07.2022).

References

1. *Litvintsev D.B.* Zhilishchnaya sotsiologiya. Institut obshchego sobraniya sobstvennikov mnogokvartirnogo doma / Pod red. L.A. Os'muk. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2022.
2. *Myuller-Lier F.* Sotsiologiya stradaniy / Per. s nem. P. Berman. M.: «Zemlya i Fabrika», 1925.
3. *CHeremisina T.P.* Zhil'e v Rossii. Ekonomicheskie mekhanizmy aktivizatsii i ozdorovleniya v sfere zhilishchnogo stroitel'stva // EKO. 2006. № 4 (382). S. 99—115.

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

В.К. КОРОЛЕВ

**Социогуманитарная эссеистика «Юрия Михайлова»:
метаморфоз постмодернизма?***

Аннотация. Автор, анализируя свои впечатления от «Обнажения...», обнаруживает постмодернистские мотивы в творчестве Юр. Михайлова: его Иное в отношении научной рациональности социально-гуманитарного (по)знания можно воспринимать как ипостась сменяющего классическое «законодательное» качество Разума — качество «интерпретивного», доминирование которого является ментальным трендом постмодерна. Но своим метаморфозом Ю.М. не только придает ему новую гносеологическую ипостась «иномыслия», — позитивную, сущностную, софийно осмысленную — но и настаивает на его «онтологии» — необходимости практической реализации искомого Иного в судьбе России. Эти новации позволяют характеризовать творчество Ю.М. как *«метапостмодернизм»*. Эссеистский стиль автора придает ему традиционную прелесть единства научности и художественности «сказочного» творчества одинокого «ученого странника».

Ключевые слова: Иное, философия, постмодернизм, разум, метаморфоз.

Abstract. The author, analyzing his impressions of «Obnazhenie...», reveals postmodern motifs in the work of Yur. Mikhailov: his Other in relation to scientific rationality of socio-humanitarian knowledge can be perceived as a hypostasis of the Reason that replaces the classical «legislative» quality of Reason — the quality of «interpretive», the dominance of which is a postmodern mental trend. But with his metamorphosis, Yur. Mikhailov not only gives it a new gnoseological hypostasis of «foreignthought» — positive, essential, and sophistically meaningful, but also insists on its «ontology» — the need for the practical implementation of

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королёв В.К. Социогуманитарная эссеистика «Юрия Михайлова»: метаморфоз постмодернизма? // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 257—268.

the sought Other in the fate of Russia. These innovations allow us to characterize the work of Yur. Mikhailov as «metapostmodernism». The essayist style of the author gives him the traditional charm of the scientific unity and artistic «fairy tale» creativity of the lonely «scholarly wanderer».

Keywords: Other, philosophy, postmodernism, mind, metamorphosis.

УДК 330.1
ББК 65в

«Но я в курсе ваших дел... И писаний тоже. Это, конечно, подвиг!.. Трудно вообще представить что-то подобное: какой колоссальный труд и какой взлет».

Юр. Михайлов

При знакомстве с творчеством Юр. Михайлова для меня стало вполне аксиоматическим то обстоятельство, что его «причудливый» (от слова «чудо») талант трудно «упаковать» в какие-то парадигмально-концептуальные рамки: Ю.М. принципиально реализует свою уникальность саму по себе через поиски некой метафизической ментально-эмоциональной «Инойности», наполняет ее разным социально-гуманитарным содержанием. В силу этого, в публикациях Ю.М. я неизменно обнаруживал все новые и новые грани таланта автора, что смог презентовать как свои оригинальные новеллы этого содержания, так и переосмысливать многие достаточно известные идеи. Я по-разному характеризовал его творческие «ипостаси», что отмечал в своих откликах на предшествующие произведения (назвать их «работами» как-то не получается) Ю.М. Так, в отзыве на «Наедине с Софией...» я углядел у него постструктурализм, а в своей реакции на «Отшельника...» обозвал Ю.М. экзистенциалистом. «Крайняя» книга Ю.М., на мой взгляд, обнажила еще одну грань его сладостно-мучительного умствования...

Обратимся к тексту «Обнажения...». В подзаголовке автор так характеризует свое творение: «Сказание вперемешку со сказкой». Тут, как говорится, «приходят на ум» слова советского «Авиамарша» 1923 г.: «Мы рождены, что б сказку сделать былью...» (былью?). Не на это ли самоотверженно, в чем-то по «сизифовски», работает автор, не этим ли он занимается всю свою «размыслительную» жизнь?!

Ю.М. интересно поясняет это странное в наше научное время занятие так: «...а вот от сказки в головах-то людских почему-то одна сплошная правда <...> Вот на такую правду, что в головах людских рождается и оседает, только и может рассчитывать сказочник-мудрец, а уж при ответах на давно проклятые вопросы: кто, что, зачем, откуда, куда, где, в чем, во что? — лишь в головах крайне редких, можно сказать, что и в сказочных!» [1, 7].

Автор оригинально трактует продвижение этой своей правды: «...врать придется, и много врать, подменяя реальность дурным и не очень о ней мифом, так сказать, точным о ней мнением, весьма, как водится, произвольным, хотя, быть может, и весьма правдоподобным, таковым, во всяком случае, кажущимся» [1, 3]¹. В связи с этим у человека высокой степени (софийной) «допущенности» зреет опасная ницшеанская мысль: «...может быть, в последней своей основе все ложно? <...> И не *должны* ли мы быть обманщиками?» [2, 235]. Как сказать, убежденное отрицание этого у меня как-то не получается....

Так что же за «правдивую сказку-ложь», в которой намек (на правду) предлагает нам Ю.М. в своем «крайнем» произведении? Что за «обман»? Кого? Зачем? В качестве ответа на эти (возможные) вопросы и опасения автор, диалектически сопрягая истину и ложь, выводит читателя на главную, на мой взгляд, проблему своего творчества. Таковой выступает не его «философия хозяйства» (да простит меня Ю.М., все же был там какой-то Булгаков...), не метафизика, не софиасофия, а разработка *Иного*, этого (воистину!) «цунами мысли» — и как уникального познавательного проекта концептуального Слова, и как проблематики его практической реализации в судьбе современной России. Поэтому наиболее важным в «Обнажении...» мне представляется авторское углубление в трактовку этого фундаментального понятия своего метафизического «иномыслия» («Иное как иное и как неиное» [1, 167—212], которая проходит «красной нитью» по всей тематике и проблематике книги. Презентуя свое современное прочтение мыслей об Ином в «Закрытом курсе лекций о сокровенном» [1, 47—167], Ю.М. в последующих разделах книги развивает эти мысли. Так, в своей «Докладной записке» автор так трактует

¹ Нам вспоминаются слова В.С. Высоцкого: «...Чистая Правда восторжествует, если проделает то же, что и коварная Ложь».

сущность Иного: «На Ваш запрос о сути Иного и возможности с ним взаимодействия могу ответить рядом нижеследующих соображений. Иное — не просто неизвестное, тайное, случайное, а как и вообще все трансцендентное (незнаемое, непознаваемое), но и всю работу — как раз по своим мотивам, намерениям и соображениям (пишу без кавычек, ибо здесь немало адекватно с сознанием, хотя и, разумеется, с другим сознанием, как раз иным)» [1, 136]. Актуализация теоретико-познавательного потенциала этой работоспособности — вот главная проблема, рассмотрение которой придает творчеству автора не просто уникальность, но и растущее значение в современных мировых и российских коллизиях.

Ю.М. дает сводку своего текущего представления об Ином в виде двадцати кратких тезисов («Иное о себе и не только»): «Иное — не Это, но и не То, ибо Иное — Ничто, однако и Нечто, но лишь как нечто иное! Иного, строго говоря, нет, хотя оно и есть, но лишь как Иное, то бишь как не Это и не То — иное ведь!» [1, 282]. Читателю «адекватно» остается лишь задать себе вопрос: «А что?», и сладостно-мучительно «крутить» его в поисках *своего* ответа. Для меня это особенно ценно в этих размышлениях автора!

При этом представляется принципиальным определение Иного через свою «как бы» органическую противоположность в «Реальности», как ее «тень»: «Обращаю ваше внимание: Иное — это работающая в реальности и с реальностью неизвестность, она же и ирреальность, ну и, если несколько иначе — трансценденция... Иное не просто присутствует в реальности, а и в ней работает, переваривая, обрабатывая и определяя реальность, ее характер, течение, итоги, как и любые в ней события-происшествия» [1, 152]. При этом мне понравилась трактовка реальности: она «...вокруг не только эта — явленная, но и другая — скрытая, в сути своей как раз иная, что есть оно — Иное, что удачи и неудачи, победы и поражения напрямую зависят от этого Иного, точнее от того, насколько человек, принимающий решения <...> с ним — этим Иным — считается и находится на конструктивной связи» [1, 160—161].

Проецируя эти свои рассуждения на социально-исторические реалии, Ю.М. отмечает: «Иное — потаенная, суровая, неотвратимая и крайне судьбоносная сила, ключ к восприятию которой в лучах софийной метафизики, даруемый лишь единицам. Это то, чего как будто бы и нет, но что реально тревожит реальность, ее возбуждает,

побуждая к переменам, ведет, а в итоге и определяет, за ней надежно и скрываясь» [1, 236—237].

В связи с этим отмечу, что эта осиповская потребность Иного для нашей страны явно просматривалась уже с «перестройки» — в пресловутой *жажде Перемен*. При этом если наша художественная интеллигенция просто жаждала перемен (Цой, «Машина времени», популярность «Скорпионс»), подразумевая при этом, что их ветер, как уверяла «Мэри Поппинс», «...будет добрым, ласковым...»), то интеллигенция научная «знала», что он безальтернативно «надует» гуманный, демократический социализм как Иное для социализма наличного, «нехорошего» (взять, к примеру, сборник статей адептов перестройки 1988 г. «Иного не дано»). А в постсоветской жизни для «народа» получилось совсем иное Иное: мир отнюдь не идиллических мечтаний «Imagion», а, скорее, inferнальности «Ночного дозора»! Но обществоведы не возбудились поисками Иного другого, нужного России: или примолкли, или критически настороженно относятся к его поискам, чем много лет занимается Ю.М.².

Особо следует отметить авторскую конкретизацию «инойности» — прикрытие ее, так сказать, «ахиллесовой пяты» абстрактности в восприятии непосвященных читателей. Во-первых, в разделе «Сказочное иное» Ю.М. интересно презентует инойность на материале историко-культурологической трактовки возникновения и развития христианства, европейской цивилизации в целом, убедительно рассматривая этот процесс как деятельность Иного [1, 105—122]. Такой оригинальной трактовки я не встречал, хотя вроде бы и неплохо знаком с историей религии! Во-вторых, Ю.М. представляет историческое «вочеловечивание» Иного, его воплощение в деятельности выдающихся исторических личностей — носителей и реализаторов «инойности» (Наполеон, Петр I, Сталин...). Особенно интересны размышления по поводу «инойности» вождя («Сталин как Иное, и Иное как Сталин» [1, 180]: автор «распечатывает» ее как достижениями советского периода нашей истории, так и его «провалами» в иную Инойность («Иное против иного»), видит в этом корень наших нынешних проблем («Иное в ином», «Иное за иным», «Сказочное продолжение», «горбачевщина», тезисы «Россия как Иное и Иное как

² Тут примечательно отношение к ним в Alma mater, что он отмечает с понятной горечью.

Россия» [1, 285—291]. В-третьих, продолжая и развивая мысли своих предшественников, автор оригинально трактует историю России как результат деятельности Иного, демонстрирует ее конкретным историческим материалом. Примечательно, что эти суждения выступают как повод для разработки нового — Иного — подхода к истории России (как «великой неизвестности») [1, 178].

Эти соображения автора все более актуальны в современной жизни России. В отличие от наших перестроечных «слепых поводырей», Ю.М. уже тридцать лет настаивает: нам нужно иное, оно есть, его надо искать. Он постоянно занимается этим архисложным делом, в успех которого верят немногие. «Однако, само собой, шанс всегда есть, ибо есть... Иное, которое всегда на страже, непрерывно требуя от текущей реальности чего-то иного, да вот где, когда и чего — вопрос!» [1, 267]. Посвященный читатель, как уже отмечалось, «ведется» на эту провокацию, ищет и предлагает свой ответ на него, что и требуется нашему «мудрому сказочнику». Спасибо ему за это!

В книге для меня особенно важно то обстоятельство, что Ю.М. не только ментально презентует Иное, но акцентирует необходимость его практической реализации, прежде всего, для современной России в ее противоборстве с инфернальным Западом. «Да-а, товарищ генерал, на Иное надо отвечать Иным, и кто первый ответит, тот и выиграет. Тут война не так с текущей реальностью, как с Иным и в Ином» [1, 235]. В этих обстоятельствах нам нужно Иное не только как иномысль, но и как реализация инопроекта, как инодействие³! Надежда, конечно, есть, ибо «Иное... не дремлет, особенно, ежели потребны крупные перемены. Это как раз Иное не дает покоя нынешним правителям, да и массам тоже, хотя никто об этом не догадывается» [1, 294—295]. Как хочется в это верить!

Теперь, собственно, о моей характеристике новой философско-мировоззренческой грани таланта Ю.М.: полагаю, он, так или иначе, развивает идеи вроде бы уже устаревшего *постмодернизма*. Этот феномен хорошо изучен, по нему существует большая литература, в которой представлен ряд разных концепций и подходов. Как философа меня интересует постмодернизм не как стиль в искусстве,

³ Ю.М. еще тридцать лет назад говорил об этом — «Российская реформация» [3], не только призывал к Иному, но и намечал его параметры — «российский разворот».

не как новая аксиологическая матрица культуры, а как постнеклассический тип философствования, выражающий изменение ментальной специфики эпохи, которая кардинально отличалась от «модерновой» с ее верой в прогресс и всемогущество Разума, научного мышления.

Разумеется, автор знает природу постмодерна, писал о его проявлениях в предшествующих публикациях; вот и в данной книге дает ему краткую, но оригинальную характеристику как «антимира», «мира-подделки, аккурат под Царствие Божие на Земле!» [1, 169]. Для меня достаточно очевидно, что адекватное понимание такого мира не может быть не постмодернистским — «клин клином вышибают» — подобное познается подобным (что, на мой взгляд, и реализует автор своим творчеством).

Но является ли Ю.М. «классическим» постмодернистом? Полагаю, определенно — нет. Дело в том, что, во-первых, «классики» (Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Лиотар и др.), провозгласив своим главным методологическим принципом критический скепсис по отношению к «позитивным» научным истинам и установкам, заменили их негативными (в которых, впрочем, тоже нужно сомневаться, но не более); постмодернистское мышление не столько создает «новое знание», сколько сеет сомнения в правомочности «знания старого». Это знаменует эпистемологический кризис, рожденный потребностью адекватного познания быстро меняющегося после мировых войн мира.

Анализ же творчества Ю.М. (и «Обнажение...» — очередное тому свидетельство) показывает его несоответствие этому принципу. Во-первых, он работает на позитивный, антикризисный «проект» Иного именно как нового (по)знания. Во-вторых, если собственно постмодерн принципиально не ставит перед собой цель «научения», поисков выхода к лучшему Миру и Человеку, занимается иронизацией (вплоть до издевки) над кризисностью их наличного состояния, то познавательно-дидактический пафос «инопознания» Ю.М. пронизан душевной болью за Человека, Россию, представляется поисками способов, путей преодоления этого состояния. В-третьих, если в «разномыслии» постмодерна концептуально нет никакого глубокого, сущностного смысла, а его (возможные) поиски являются не более, чем «фантомными болями» научно-рационального разума, то все творчество Ю.М. нацелено на поиски смысла социально-

гуманитарного (по)знания как теоретической основы реализации его практической конструктивности выхода Мира и Человека из кризисной инфернальности. Уже хотя бы в силу этих различий постмодернизм творчества Ю.М. иной: с учетом его принципиальной «метафизичности» я назову этот осиповский метаморфоз *«метапостмодернизмом»*. Гносеологической ипостасью этого феномена является развиваемое и пропагандируемое «ино(по)знание», «иномышление», а онтологической — ожидаемое и прогнозируемое посткризисное «инобытие».

А каков же его ноумен? Как философа меня, разумеется, интересуется ипостась первая: полагаю, в ситуации с творчеством Ю.М. мы имеем дело с метаморфозом сущностной, на мой взгляд, познавательной характеристикой восприятия мира постмодернизмом — модернизацией в нем качества Разума. Позволю себе краткие соображения в обоснование данного тезиса. Эта модернизация обеспечивается переосмыслением в XX в. роли и возможностей Разума — переходом от научно ориентированного познания на познание общительно-диалогическое, что знаменует трансформацию логики *мышления* в логику *культуры* — восприятие «вещей» в идее реализации творческих способностей Человека. Тем самым осуществляется переход от гносеологической ориентации *познания* — к тренду *понимания*, от человека «образованного» — к человеку «понимающему», не желающему жить в строгом соответствии с предписаниями Разума в нестабильном, неравновесном мире, где уже не действуют его «железные» логические законы, неотвратимо адекватные Бытию.

Тем самым, по сути дела, постмодернизм знаменует замену «законодательной» парадигмы Разума на парадигму *«интерпретивную»*, в ситуативности которой идет поиск не абстрактной научной истины, а катарсиса общения, которое становится всеобщим «фоном» мировоззрения. Это делает постмодернизм рефлексией нового мироощущения, в котором активным субъектом культуры становится «социальный юридивый», некий ницшеанский «странник» с его недоверием к «чистому» Разуму, отказом от абсолюта «истины», интеллектуальной «игривостью», спонтанностью, индивидуализмом. Не этой ли субъектностью «грешит» Ю.М.?

Жизнь показывает, что расслабленность вседозволенности классического постмодернизма сменяется необходимостью нового

— иного — восприятия Бытия, все более напряженным отношением к научному «фундаментализму», в его преодолении требует самодостаточных языковых игр, духа свободного, «отвязанного». Не этим ли «страдает» Ю.М. в своем творчестве?

В гносеологическом плане его постмодернизм, на мой взгляд, выступает как своеобразная реакция на господство «научно-рационального» обоснования тотального Проекта — не только экономического, но и социального, гуманитарного, адекватного постсовременности: является своего рода протестом против парадигмального тоталитаризма в Познании, заходом на проблему кризиса «научности» классического восприятия Мира, вызовом «чистому» Разуму, не способному адекватно ответить на кризис постсовременности. Всем своим многолетним творчеством Ю.М. преодолевает «законодательность» классической истинности официально конституированной социально-гуманитарной научности (в которой, как отмечал Ницше, «убеждения суть более опасные враги истины, чем ложь» [2, 453]), прежде всего — для экономической теории, но не только для нее, настойчиво и ярко говорит не просто о возможности, но и неизбежности *иного* — метафизического, софийного познания и знания, необходимого для антикризисного «переформатирования» Бытия. Тут нужно подчеркнуть — постмодернизм Ю.М. не означает реализацию всех черт «мира постмодерна», которые (в «Антимире») отмечает автор: своим Иным он оригинально реализует самую главную, сущностную черту постмодернизма, о которой было сказано выше: переход от разума законодательного — к разуму ситуативно-интерпретивному! Тем самым, по сути, Ю.М. занимается модернизацией постмодернизма — его переходом от этого качества «безопасности» Разума к его опоре на искомое Иное. Полагаю, это можно рассматривать как осиповский «метаморфоз» социально-гуманитарного (по)знания в постсовременности: оно не отвергается как, говоря гегелевским языком, знание «зряшное», а ищет свое превращение в другую форму при сохранении объекта — жизнедеятельности человека как «одного» — через меняющееся — «разное». Его новой формой у Ю.М. и выступает Иное. В онтологическом плане осиповский метапостмодернизм не «сваливается» в пессимизм экзистенциального «Ничто-небытия»: его Иное выступает не как утопический произвол автора, а как нуждающаяся в практической реализации

отмеченного метаморфоза ипостась интерпретивного Разума. Таковы, на мой взгляд, главные достижения автора «Обнажения...».

Не могу удержаться и от некоторых, так сказать, «частных» замечаний по данной книге. Во-первых, на мой взгляд (согласится ли с этим Ю.М. вопрос...), в последние годы в своих «свежих» трудах он постепенно отходит от тематики собственно «философии хозяйства» в целом. В «Обнажении...» автор заостряет внимание на проблеме ее истинности, исходя из того, что «никто из людей не знает, что есть Истина, но теперь человек хоть знает, что Истина — ина, мало того, имеет теперь о ней кое-какое иное представление, не так уж и плохо, не так ли?» [1, 301]. Это, полагаю, не кокетство автора, а его глубокое философское понимание проблемы истинности (по)знания, относительности его верификации. Это касается и «святого»: «Что ж, и философия хозяйства, выходит, обман? А как же, куда ж ей, бедной, податься, как не в объятия к обману? Только вот обман бывает разный: один — в сторону от правды, а другой — все-таки к правде, да, конечно, неизвестной до конца правде, но все-таки к правде, а не ко лжи, как раз к тем самым в сторону правды грустным и “низким истинам”, но зато стойко... по-русски!» [1, 53]. Как уже отмечалось выше, понятно, что его правдивая «ложь» — святая «ложь во спасение», но это надо не только понимать, но и воспринимать как «иноправду»!

Во-вторых, не могу еще раз не сказать о литературном — эссеистском — стиле автора как самостоятельном достоинстве его творчества. Для него, в той или иной мере, характерны постмодернистские неструктурированность, конструктивизм, фрагментарность, размытие границ, комбинация тем и жанров, «ризомеричность» текстов — противостояние неизменным линейным структурам (как бытия, так и мышления), которые присущи классической европейской культуре, ее литературе. К этому я бы добавил ницшеанский намек такому автору: «Он одинок и лишен всего, кроме своих мыслей: что удивительного в том, что он часто нежится и лукавит с ними и дергает их за уши!». («Из посмертно опубликованных рукописей» [2, 5]). Вместе с тем, полагаю, нужно иметь в виду и то, что «...такие мысли отвращают и совращают его все дальше в сторону. Одиночество окружает и оцепляет его...» [2, 235]. Этому есть и объективное объяснение: «Кто хоть до некоторой степени пришел к

свободе разума, тот не может чувствовать себя на земле иначе, чем странником, хотя и не путником, направляющимся к определенной конечной цели: ибо такой цели не существует» [2, 488]. Полагаю, это состояние хорошо знакомо автору!

В оправдание Ю.М. от традиционных упреков в «заумности» его стиля можно привести такое замечание немецкого мыслителя: «Так называемые парадоксы автора, шокирующие читателя, находятся часто не в книге автора, а в голове читателя» [2, 340]. В ее «терапевтическом взломе» Ю.М. реализует и такой литературный принцип, как «поток сознания» — непосредственное воспроизведение своего духовного творчества как формы «внутреннего монолога» в виде не рациональной рефлексии, а «самоотчета впечатлений», непосредственно влияющих на читателя. Это сильно, но и опасно!

Ну и, как всегда, получил большое чисто эмоциональное, бездумное даже, удовольствие просто от чтения книги, особенно от «сократовских» диалогов-разговоров автора в своих любимых рюмочных, кафешках, к которым так хочется присоединиться...

В завершении своего труда («Эпилог как аполог») автор без ложной скромности и интеллектуального кокетства прямо заявляет, что его цель — «...открыто заявить о наличии в России текущей актуальной отечественной гуманитарной мысли» [1, 368] как «...новом и вполне себе ином воззренческом (гносеологическом) и практическом концептуализме, не имеющем аналогов в мире» [1, 370]. При этом «главное тут вовсе не в том, чтобы, нарочито придумывая новые термины, компоновать новую системную теорию, а, пользуясь словами и терминами, в том числе и новыми, иметь иное, чем прежде, как раз и куда более адекватное представление обо всей реальности, ее смысловой начинке, ее началах и концах, ее роковой экзистенции!» [1, 371]. Это нужно помнить «потребителям» творчества Ю.М.

Итак, оно убедительно свидетельствует, что «...у России есть свое Концептуальное Слово и дело за... нет, не за малым, а как раз воистину за большим — за Делом, причем иным Делом» [1, 372]. «Эй, вы там, наверху!..»

Можно ли считать недостатком книги повторы ранее изложенных мыслей? Думаю, это не более, чем искушение: да, повторы, конечно, есть. Но они, во-первых, неизбежны в жанре такой книги, во-вторых, имеют уточняющий и развивающий ранее высказанные

мысли характер, выступают поиском более точных и ярких их выражений, новых форм презентации; в-третьих — необходимы для введения рассуждений новых, актуальных.

Мне всегда очень близок пафос произведений Ю.М., тут просто какая-то личностная «симфоничность»... Вместе с этим понимаю, что он может не согласиться с изложенным восприятием текущего этапа его творчества. Но уверен, что Ю.М. не станет рассматривать это как некую ошибку понимания: у каждого принципиально может быть своя инаяность в восприятии Иного, свой его поиск! Спасибо автору за эту мучительно-сладостную возможность!

Литература

1. Михайлов Юр. Обнажение (исповедь ученого странника). Сказание вперемешку со сказкой. М.: Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022.
2. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 231—491.
3. Осипов Ю.М. Российская реформация. М.: Гуманитарные знания, 1994.

References

1. Mihajlov YUr. Obnazhenie (ispoved' uchenogo strannika). Skazanie vperemeshku so skazkoj. M.: Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2022.
2. Nicshe F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlya svobodnyh umov // Nicshe F. Soch.: V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1990. S. 231—491.
3. Osipov YU.M. Rossijskaya reformaciya. M.: Gumanitarnye znaniya, 1994.

Профессору В.К. Королеву

Добросердечная реплика

Не могу не выразить Вам, уважаемый Владимир Константинович, искренней признательности за Вашу статью-рецензию по поводу, с одной стороны, моей книги *«Обнажение. Исповедь ученого странника»* (2021), а с другой — сложившегося у меня мировоззрения. Вы взяли на себя труд не только с тщанием и пониманием прочитать книгу, что обычно делают очень немногие, но и дать о ней и о мироведческой позиции автора содержательный, заставляющий размышлять, отклик, что является крайней ныне редкостью. Так что, спасибо!

Однако хотел бы кое-что высказать уже по поводу Вашего отклика, причем вовсе не в полемическом задоре, а в духе совершенно лояльного пояснения.

Я не имею оснований возражать против сближения меня как (на всякий случай «извиняюсь» перед случайным читателем сего текста!) мыслителя с постмодерновским философическим направлением, а проще говоря, относить меня с моим творчеством, пусть и имеющим своеобразие, к постмодернистам, которых, признаюсь Вам честно как на духу, не читал и в их учении специально не разбирался. Мне просто пришлось по душе такие ментальные находки, как совершенно, на мой взгляд, плодотворное деление бытия-истории человечества, используя смысловую триаду «Премодерн — Модерн — Постмодерн», как и понимание Модерна как эпохи модернизации мира (модернити), ну и такое замечательное понятийное новшество, как «симулякр», а по собственном обо всем бытийно-историческом размышлении у меня родились и кое-какие свои на этот счет вести вроде того же «пересотворения мира по когнитивно-деловым лекалам человека (как раз европейца)» с получением того симулятивно-хаосно-антимировского результата, который сейчас и имеем — эпоху так называемой отмены с ее постправдой, постморалью, игрой и т. п. вещами, что так или иначе нашло в свое время отражение в моей книге *«Эпоха постмодерна»* (2004), писаной без всякого обращения к трудам постмодернистов (странновато для профессионального франковеда, которым я был и в некотором роде являюсь, но это так!).

Теперь о то ли благодатном, то ли, наоборот, злополучном «Ином». Я благодарен Вам, как и некоторым из моих коллег (Н.Б. Шулевский, М.М. Гузев) за, я бы сказал — пристальное, внимание к этому феномену-понятию, играющему фундаментальную роль как в моем мировидении, так и мироведении.

Я вряд ли сейчас открою что-либо для Вас новое, но все-таки выскажу кое-что пояснительное об «Ином», навеянное Вашим заинтересованным отзывом.

Иное (снимем кавычки) на то и *иное*, чтобы, о нем говоря, ничего путного (то бишь ясного, определенно-определяющего, конечно) не сказать. Здесь царит даже не неизвестность (она же и Неизвестность — с большой буквы), а... Тайна (тоже с большой буквы), как раз та самая — не разгадываемая и не могущая, может, до Конца Света, быть разгаданной человеком. Вводя в ментальный обиход «Иное» (пусть снова в кавычках), я указываю на наличие этой неразгадываемой Тайны, подчеркивая при этом, что оно — Иное (теперь опять без кавычек) всюду работает, постоянно побуждая зѐмную реальность изменяться, включая и самого человека, его когнитив, его воззрения и сознание, его дух, но при этом, что исключительно важно, достигая результатов, в том числе и руками человека, его головой, к которым сам деятельный (хозяйствующий) человек не очень-то, а то и совсем, не стремился, вовсе бы и не хотел. Да, все знают о сложности, неопределенности, запутанности, вероятности и даже неизвестности (разумеется, всего лишь частичных в глазах и уме человека) реальности, но — и это самое главное — не знают, не учитывают достаточно, не хотят, да и не умеют учитывать, что, во-первых, реальность-то по сути в принципе, так сказать, *иная* (не такая, какой кажется сама и какой представляется человеку, в особенности хорошо, то бишь непробиваемо, образованному в просвещенческих, то бишь обрабатывающих мозги и душу человека, заведениях, а во-вторых, что Иное все время работает как раз как неизвестная, неразгадываемая, неучитываемая сила, и что это Иное с его загадочной работой надо все время иметь в виду (в уме, в душе) и на это умственно и душевно (и сверхумственно, и сверхдушевно, даже и инстинктивно) реагировать, делая бесспорные-де оценки и принимая вроде бы тщательно обдуманые и обоснованные решения, в особенности масштабные, дальнбойные, судьбоносные, зная при этом, что многое в реальности пойдет не так, а результат может оказаться совсем

иным, да не только прямо противоположным, а и коварно разрушительным, фактических примеров тут, думаю, приводить не надо, их полно, если не море, причем вполне себе и актуальных. Разумеется, по поводу Иного и с ним взаимодействия не может быть никаких точных, да еще правильных инструкций, ибо тут взаимодействие с хомосоциальной реальностью (ментальное или деятельское) сродни импровизационному искусству, да еще с мощным трансцендентным зарядом. А вообще, в реально происходящей реальности многое, очень многое — как раз из наиболее значимого — происходит, на чем я постоянно настаиваю, как самое невероятное и происходит частенько почему-то очень внезапно.

*С надеждой на продолжение сомыслительства
Ваш Ю.М. Осипов*

В.В. ЧЕКМАРЕВ, В.Л.В. ЧЕКМАРЕВ

**Современный научный экономизм:
меж реалий и имитаций***

Аннотация. Статья представляет собой полемические заметки в поисках философии экономического и гуманитарного образования. Раскрытие авторского замысла состоит в оценке смыслового и стилистического качества работы нынешних «экономистов» на материале состоявшейся 29 июня 2022 г. всероссийской научной конференции на тему: «Россия в разверзшейся реальности — отечественной и мировой».

Полагаем, что текст статьи может быть полезен желающим принять участие в формировании национальной системы высшего образования Российской Федерации в рамках процесса институционализации общественного обустройства нашего будущего, а также всем тем, для кого высшая школа стала делом всей жизни. Авторы исходят не только из изменяющихся социально-политических и

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чекмарев В.В., Чекмарев В.Л.В. Современный научный экономизм: меж реалий и имитаций // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 271—280.

экономических условий в мире и в нашем государстве, но и учитывают тенденции развития научного знания и образования в целом.

Ключевые слова: философия хозяйства, философия образования, национальная безопасность, событийная экономика «экономистов».

Abstract. The article is a polemical note in search of the philosophy of economic and humanitarian education. The disclosure of the author's idea consists in assessing the semantic and stylistic quality of the work of current «economists» on the material of the All-Russian scientific conference held on June 29, 2022 on the topic: «Russia in the unfolding reality — domestic and world».

We believe that the text of the article may be useful to those who wish to take part in the formation of the national system of higher education of the Russian Federation as part of the process of institutionalization of the social arrangement of our future, as well as to all those for whom higher education has become a life's work. The authors proceed not only from the changing socio-political and economic conditions in the world and in our country, but also take into account the trends in the development of scientific knowledge and education in general.

Keywords: philosophy of economy, philosophy of education, national security, event economy of «economists».

УДК 304
ББК 65в

Введение (каверзы нынешнего времени и различие знаков времени)

В методологическом плане построение исследовательской парадигмы обеспечения безопасности, устойчивости и развития общественной жизни представляет значительные трудности [10], ибо необходимо найти оптимальное соотношение между критической констатацией сложившегося уровня смыслового и стилистического качества публикаций и формулированием новых (принципиально новых!) предложений по повышению этого уровня с прогнозом «на завтра», различая воинственное невежество и «застенчивую» компетентность авторов публикаций по экономической проблематике. В статье не поставлена задача представления философии образования

в жесткой формализованной схеме, а предложен вариант, не претендующий на исчерпывающую полноту, структуру и алгоритмы определения тех или иных состояний зияющих недочетов, по-нашему — «пестицидов», содержащихся в публикациях «экономистов», что имеет глубокий практический смысл в первую очередь для читателей экономтрудов.

Дадим пояснение нестандартных терминов, используемых в статье, в контексте определения законов природы как фундаментальной основы для определения цели человечества. Одновременно обратим внимание на инверсное хроноцелостное определение устойчивого развития общества в качестве цели исторического развития. Вероятно, следует солидаризироваться с позицией О.В. Добродеева, который привел доказательство того, что хроноцелостность процесса есть естественно-историческая закономерность процесса, где прошлое, настоящее и будущее связаны единой цепью, сохраняющей процесс развития в пространстве-времени.

Особенно подчеркнем, что прежде, чем принять какую-либо идею к реализации, необходимо оценить ее целесообразность с точки зрения вклада в рост возможностей общества. Если эта оценка практически не может быть сделана, то темп материализации идей замедлится, а через это замедление уменьшится и темп роста возможностей общества как целого, а, следовательно, и удовлетворенность потребностей его членов [1].

Хроноцелостность исторического процесса сохранения и развития общества достигается непрерывным процессом формирования и утилизации идей, обеспечивающих неубывающий темп роста эффективности использования потенциальных возможностей общества как целого. Хроноцелостный исторический процесс сохранения и развития — как раз и есть устойчивое развитие общества. Другими словами, общество развивается устойчиво, если имеет место исторический процесс: сохранение неубывающего темпа роста эффективности использования полной мощности не только в настоящее время, но и в будущем.

Экспансия экономистов-«компетенщиков», пытающихся выглядеть сторонниками то инновационной, то цифровой экономики, то за(противниками) эксклюзивного капитализма, то просто интерпретаторами классической экономической науки, — явление столь же заметное, сколь и крайне неоднозначное, а в чем-то даже вредное!

Сформировалась некоторая «постперестроечная» ментальность «многоуровнево-образованных экономистов», на которых госаппарат новой российской эпохи ныне вынужден опираться. Да еще и называющих себя реалистами (?!). Однако тут не более, чем жизнеподобие! С деталями можно спорить, но, очевидно, что реализм и «жизнеподобие» — не одно и то же. Но все же есть и те, кто видит эпоху системно, видит возможное будущее [2; 8].

Рассмотрение «неисчезающих потребностей», удовлетворение которых было, есть и будет необходимо в любое время и в любой стране, означает, что подлинной целью общественного производства всегда было, есть и будет производство человеческой личности [11]. Это означает, что каждая удовлетворяемая человеческая потребность формирует ту или иную особенность, ту или иную сторону личности. При такой постановке вопроса каждый предмет потребления есть «орудие» производства человеческой личности.

Приведем примеры тех или иных «пестицидов» из публикаций «экономистов», демонстрирующих тотальную несостоятельность так называемого научного языка и приближающих к пониманию замысла статьи.

Пестициды в агропроизводстве используются в качестве инструмента для уничтожения угроз получению продукта производства. Так, инсектициды — для травли насекомых, фунгициды — для лечения грибковых заболеваний, родентициды — для травли грызунов. Авторы усматривают публикации некоторых «экономистов» в качестве применения экономических пестицидов для уничтожения сути экономической науки.

В частности, под экономическими инсектицидами понимается выхолащивание идей начинающих исследователей через требование обширного цитирования «маститых» зарубежных ученых. Под экономическими фунгицидами понимается загрязнение используемого понятийного аппарата на фоне методологического невежества (неумения различать понятийный и категориальный аппарат, содержание и сущность, формулировать принципы исследования). Под экономическими родентицидами понимается использование систем антиплагиата в качестве стоп-сигнала для самоцитирования.

Использование «пестицидов» в экономической науке. Всегда ли использование пестицидов в агропроизводстве приводит к повышению эффективности производства? Вопрос неоднозначный.

А для экономической науки «пестициды» ее просто разрушают. И вообще, не являются ли темы публикаций так называемых экономистов одним из источников кризиса экономической науки в той ее части, которая характеризуется отторжением теории от практики, и/или наоборот?

Стоит ли оценивать, к примеру, ту же Болонскую систему как пестицид для российского образования? Уверены, что стоит!

Об экономических инсектицидах. Наиболее часто экономические инсектициды используют рецензенты заявок на гранты в научных фондах. Даже такой уважаемый ученый, как академик В. Полтерович, рецензируя заявку, в целом положительно ее оценивая, отмечает в выводе: «К сожалению, авторы заявки мало используют зарубежные публикации». И это при том, что по проблеме, рассмотрению которой будет посвящено грантовое исследование, на Западе нет ни одной публикации (что показывает обращение к интернету).

Грешат использованием экономических инсектицидов и редакции уважаемых журналов, предлагая авторам статей квоту по цитированию зарубежных ученых.

При таком подходе ученые, сделавшие славу российской науке, вряд ли сегодня публиковались бы в ваковских журналах и защищались бы в российских диссоветах.

Об экономических фунгицидах. К примеру, тот же ранее не приметный дефис ныне совершил стремительную карьеру. Он в виртуальных фразеологических сплетениях способен являть буквально чудеса.

Ученый муж обычно варьирует одни и те же слова, добиваясь полубомбочного состояния у сияющего понять его мудрость: например, написав — «рыночно-экономический» (что бы это значило?), он чувствует, что палитра «рыночного» отнюдь не исчерпана, что вынуждает его к дальнейшим вариативным экзерсисам, — «рыночно-воспроизводственный» (каково?), «рыночно-предпринимательский» (как-как?), «обновленно-рыночный» (эк его!).

А какие красоты открываются простаку в эквилибристике звенящих словосочетаний — «программно-проектный», «программно-инструментарный», «программно-прогнозный», «прогнозно-программный», «прогнозно-оценочный», «прогнозно-эвристический»...

Порой пекутся поистине шедевры научного вдохновения —

«территориально-размещенческий» (мало? а — «производственно-размещенческий» — не хотите? а — «социально-поселенческий?»).

Об экономических родентицидах. Создание системы «Антиплагиат» позволило повысить потенциал ученых в информационных возможностях выращивания нравственности и где-то даже чистоплюйства. Очевидно, что система пока еще далека от совершенства, в силу наличия своих собственных эгоистических интересов у ее создателей. Но один недостаток уже сегодня подлежит уничтожению. Это пункт о самоплагиате. Когда-то ученый имел очень скромные публикационные возможности. И какие-то его идеи через тезисы в малотиражных сборниках конференций или в малодоступных для широкой читательской аудитории журналах, были включены в структуру статьи или книги, развивая его концепцию. Антиплагиат указывает лишь на то, что об этом автором уже писалось. Да вот не об этом же самоцитирование по сути-то говорит — всего лишь о творческом расширении авторских суждений.

Для перехода ко второму разделу статьи приведем пример формулировки логики исследования «компетенствующими» экономистами:

«Логика исследования состоит в движении процесса познания от эмпирического восприятия реалий действительности и осмысления обусловленных им исследовательских задач через сущностно-аналитический уровень фундаментально-теоретического знания трансформирующейся экономической природы, социальной формы и предметно-содержательной характеристики функционирующих в рыночных условиях традиционных и эволюционных факторов производства с их новационной спецификой и тенденцией наращивания сравнительных конкурентных преимуществ к системно-функциональному анализу, характеризующему процесс системодополняющего взаимодействия трансформационного потенциала всех факторов-ресурсов, связей, инструментов в рамках рыночного механизма организации устойчиво-воспроизводственного функционирования и развития региональной экономики, регулируемой на основе принципов регионального менеджмента».

Мы специально не указываем на авторство сей цитаты-иллюстрации: каждый сам себя узнает, и, надеемся, что в дальнейшем сумеет быть точнее в изложении своих мыслей.

Философия хозяйства как возможность обеспечения ликвидации полноценного мышления экономистов

Как известно, хорошо забытое старое не всегда есть хорошо. А зачастую, ни самого старого, ни его значения — мы просто не знаем. Стремительно увеличивающийся объем информации требует специальных усилий, инструментов, механизмов, технических приборов, навыков и *немало времени* для усвоения чего-либо, хотя бы знакомства с потоком льющейся через край информации [4; 7].

Отсюда возрождение философии хозяйства, осуществленное по инициативе Ю.М. Осипова, стало не просто новым расхожим знанием, но и уникальным полем для обеспечения методологического «вежества» в среде «экономистов».

Деликатный гражданин, профессор Ю.М. Осипов обратился с призывом к ученой общественности как бы от Зоила. Да простят нас все, и особо — борцы с плагиатом, за его цитирование.

Итак, Ю.М. Осипов (см. [6]).

«XXI век: экономика без экономики?» Экономика XXI в. — не просто экономика в XXI в., мало того, что это некая другая экономика, отличающаяся от экономики XVIII, XIX и даже XX в., что понятно, но это уже лишь как бы еще экономика, а в главном уже как бы и не экономика, а что-то весьма другое, настолько другое и настолько весьма, что хочется задаться вопросом: «А есть ли ныне она вообще — эта экономика, коли деньги и цены уже не деньги и не цены, а всего лишь их призрачные фикции, как, собственно, и капиталы (хотя бы немыслимые по людоземным размерам “капиталы” так называемых “сетевых компаний”), и инвестиции, и вклады, и “ценные бумаги” (не бумаги уже, да не слишком уже и ценные), и накопления, и зарплаты, и те же немыслимые гонорары футболистов и шоу-звезд, и все вообще, так сказать, вроде бы еще экономическое?».

Враки это все, нам скажут знатоки «действительной экономики»: как была экономика при А. Смите, К. Марксе, А. Маршалле, Дж.М. Кейнсе и И. Самуэльсоне, таковой в основе своей и остается!

Да, была, да вот взяла, да и куда-то вдруг сплыла — нет, вовсе не насовсем сплыла, а, будучи и всегда немало призрачной, отдалась сему своему призрачному атрибуту окончательно и бесповоротно, вполне уже превратившись в плавающий в самом себе призрак — ПРИЗРАК!

Сегодня, к примеру, цена на газ 300, а завтра, понимаешь ли, 1000, а уж послезавтра, пардон, 2000, — тогда что это: цена или всего лишь мерцающий томным светом темный призрак цены, а, а?, да и какое отношение к этой скачущей, аки блоха на горячей сковородке, цене имеют А. Смит, К. Маркс, А. Маршалл, Дж.М. Кейнс, не говоря уж о великом эконометрике П. Самуэльсоне, как, собственно, и о любом от экономики «нобеле», — или как?

Призрак бродит по планете — призрак экономики, или экономики как призрака, или экономики-призрака, это уж кому как нравится, но ведь бродит же, мало того — вершит, глумясь и посмеиваясь над знатоками всего и вся якобы экономического, да еще и шибко судьбоносно для человечества он все это свое призрачное вершит — роково!

Призыв принять участие в *НОВОЙ* содержательной книге провисел на сайте журнала «Философии хозяйства» без малого год. В результате желающих набралось несколько десятков. Хорошо? Да не очень...

Ю.М. Осипов в своей оригинальной и (немало) биографической книге-дневнике исследователя проблем философии хозяйства «Обнажение» [5] предлагает отнестись к экономике XXI в. именно как к *экономике*. И хорошенько подумать, что есть *экономического в экономике*? И приходит к заключению, что собственно в экономике нет ничего другого, кроме совершенно уже призрачной, аки «сиреневый туман», стоимости с совершенно уже призрачными, зависящими более всего от самих себя (воли их учредителей) капиталами, инвестициями, прибылями и т. п. атрибутами экономики и только экономики, обслуживающей хозяйство и бытие человека, но и над ними немало, если не тотально, господствующей. Виртуальная в данном случае реальность — как раз и вполне по-своему цифровая — доминирует над реальной реальностью — производством и потреблением благ, как и над самим человеком, над социумом, над культурой, надо всем природо-человеческим (даже и немало над космическим).

У всех ли авторов-экономистов мы находим смысло-концептуальное разрешение понятия «экономика» в единении с понятием «хозяйство»? Конечно, не у всех, да практически ни у кого, ибо у царствующих в нынешней экономической науке англосаксов в обиходе нет слова-понятия «хозяйство», а есть лишь одна «экономика», куда

все и свалено в кучу, причем не только без логики, но и без обращения к реальности.

Философия хозяйства совсем не зря явилась на свет божий, причем явилась дважды: в начале XX в. и в его конце. Без философии хозяйства так и не разобраться ни в хозяйстве (что есть деятельное жизнеотправление человека), ни в экономике, ни вообще в феноменах природы, жизни и социума. Но пока доминирует экономический эклектизм, обильно сдабриваемый ныне математикой, о-очень далекой от объекта своего собою прикрытия.

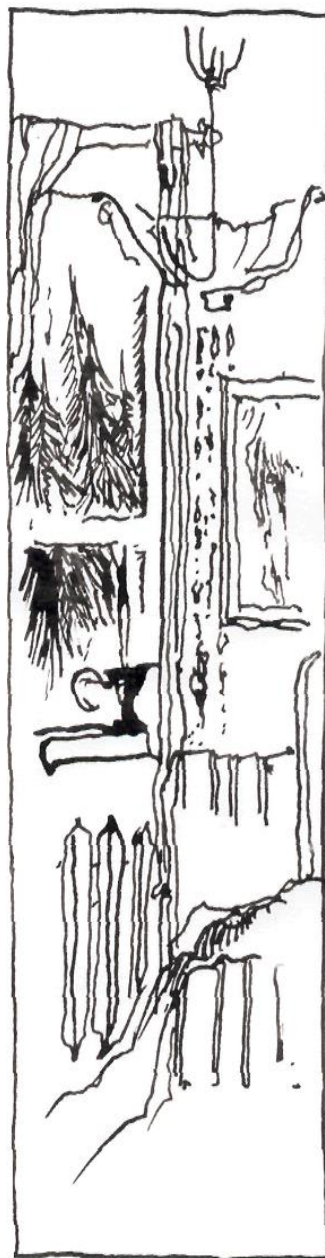
Литература

1. *Беляев Л.С.* Политэкономика социализма. М., 2022.
2. *Булавко О.А.* Трансформация инновационного полюса роста субъектов Российской Федерации в процессе реализации нового формата евразийской интеграции. Казань, 2022.
3. *Киселев М.* Виртуальное хозяйство // Свободная мысль. 2010. № 4. С. 49—56.
4. *Меськов В.С.* В поисках философии гуманитарного образования // Высшее образование в России. 1992. № 4. С. 77—88.
5. *Михайлов Юр.* Отражение (исповедь ученого странника). Сказание вперемешку со сказкой. М.; Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022.
6. *Осипов Ю.М.* Экономика XXI века // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 1—12.
7. *Подберезкин А.И.* Европейская воздушно-космическая оборона. Екатеринбург, 2018.
8. *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал: В 4 кн. Екатеринбург, 2021.
9. *Рязанов В.Т.* Экономическая теория: прошлое и настоящее // Вест. С.-Петерб. ун-та. Сер. 3. Экономика. 2000. Вып. 2. С. 87—92.
10. *Хабибуллина З.Р.* Изменение содержания человеческой деятельности при переходе от критериев экономической эффективности к критериям социальной справедливости: поиск ответов на новые вызовы. Казань, 2022.
11. *Chekmarev V.V.* Ritmomachia e suo posto nella teoria dei cicli // Italian Science Review. 2014. № 11 (20). P. 10—15.

References

1. *Belyaev L.S.* Politekonomiya sotsializma. M., 2022.
2. *Bulavko O.A.* Transformatsiya innovatsionnogo polyusa rosta subektov Rossiyskoy Federatsii v protsesse realizatsii novogo formata evraziyskoy integratsii. Kazan', 2022.
3. *Kiselev M.* Virtual'noe khozyaystvo // Svobodnaya mysl'. 2010. № 4. S. 49—56.
4. *Mes'kov V.S.* V poiskakh filosofii gumanitarnogo obrazovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 1992. № 4. S. 77—88.
5. *Mikhaylov YUr.* Otrazhenie (ispoved' uchenogo strannika). Skazanie vperemeshku so skazkoy. M.; Tambov: Izd. dom «Derzhavinskiy», 2022.
6. *Osipov YU.M.* Ekonomika XXI veka // Filosofiya khozyaystva. 2021. № 5. S. 1—12.
7. *Podberezkin A.I.* Evropeyskaya vozdushno-kosmicheskaya oborona. Ekaterinburg, 2018.
8. *Podberezkin A.I.* Natsional'niy chelovecheskiy kapital: V 4 kn. Ekaterinburg, 2021.
9. *Ryazanov V.T.* Ekonomicheskaya teoriya: proshloe i nastoyashchee // Vest. S.-Peterb. un-ta. Ser. 3. Ekonomika. 2000. Vyp. 2. S. 87—92.
10. *KHabibullina Z.R.* Izmenenie soderzhaniya chelovecheskoy deyatel'nosti pri perekhode ot kriteriev ekonomicheskoy effektivnosti k kriteriyam sotsial'noy spravedlivosti: poisk otvetov na novye vyzovy. Kazan', 2022.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Памяти В.А. Кутырёва

Ушел из жизни *Владимир Александрович Кутырёв* — выдающийся мыслитель современности, философ по профессии, доктор наук, профессор, в высшей степени достойный человек и гражданин, о ком не только не зазорно, а непременно нужно сказать — *настоящий! Наш, свой, русский!* И еще: честный, добросовестный, благородный, причем не только в текущей повседневности, а и в своем крайне незаурядном и в высшей степени талантливом творчестве — совестливом, страдальном, мучительном, ибо Владимир Александрович не прошел мимо страшной, обезжизнивающей, той самой бездны, в которую стал суицидно погружаться ультрасовременный, как раз и самый передовой мир — сытый, самодовольный, пустой, бессмысленный. Понял, оценил, призвал!

В.А. Кутырёву принадлежит четкое, меткое, безжалостное определение жутко совершенной современности — фальшизм! Он бил тревогу, вызывая не то чтобы к благоразумию (он не был настолько наивен!), а хотя бы к пониманию происходящего с человеком и его миром, как и накоплению духа, мужества, стойкости, воли (это среди-то бездуховности, расслабленности, пустозвонства, безумия!), чтобы не сломаться, не сдаться, пережить бесчеловечное лихолетье, выжить, овладеть будущим. Сам-то Владимир Александрович был как раз стоек, причем борчески стоек, однако не выдержало-таки сердце, да и не одной лишь безмерной личной страды, но и, увы, великой тщеты тоже, ушел старатель безвременно, оставив людям в назидание свое мужественное пророческое слово — может, и услышат, как уже многие годы слышали с признательностью мы, его соратники, сомыслители, друзья, отдавая должное многогранному, искрившемуся тревожным, но все-таки теплым, светом, русскому подвижнику. Светлая ему память, а нам — надежда на восприятие современниками и потомками им искренне и не без боли сказанного, а надежда, как известно, умирает последней!

* * *

5 октября 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате состоялся всероссийский научный симпозиум «Государство и хозяйство: неразлучность и мера» (Орленковские чтения — 2022), на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), К.В. Молчанов, В.В. Чекмарев (Кострома); кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), С.П. Смирнов, научный сотрудник Т.С. Сухина.

Е.С. ЗОТОВА

**Государство и хозяйство: неразлучность и мера
(Орленковские чтения — 2022)***

Аннотация. Представлен обзор состоявшегося 5 октября 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате всероссийского научного симпозиума «Государство и хозяйство: неразлучность и мера (Орленковские чтения — 2022).

Ключевые слова: хозяйство, экономика, государство, философия хозяйства, социум, мир.

Abstract. The article presents an overview of the Russian scientific symposium «A State and an economy: an inseparability and a measure (Orlyonok Readings 2022)» which took place on October 5, 2022 in the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University in the online format.

Keywords: economy, state, philosophy of economy, society, world.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Государство и хозяйство: неразлучность и мера (Орленковские чтения — 2022) // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 284—293.

УДК 330; 304
ББК 65в

Пятого октября 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате состоялся очередной всероссийский симпозиум «Государство и хозяйство: неразлучность и мера» (Орленковские чтения — 2022). Организаторы — лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — сформулировали вынесенные на рассмотрение аудитории проблемы следующим образом: «Цивилизованного хозяйства нет без государства (права, денег, инвестиций, пособий, вмешательств, контроля, да мало ли еще чего), но и государства нет без хозяйства вообще и собственно государственного хозяйства. Иное дело — степень огосударствления хозяйства, как и степень охорашивования государства, тут могут быть разные решения. А вот отделять одно от другого — не более чем постмодернистское безумие! Особенно для (в) России, особенно в нынешней, обострившейся мировой ситуации».

Открывая заседание и начиная дискуссию, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) высказал несколько вводных тезисов.

- «Тема семинара звучит вроде бы банально, да вот ситуация в стране и в мире совсем не банальная, она в любом варианте острая, кризисная и переходная, да так, что отрицает наличный строй жизни, причем настолько, что возникает потребность не всего лишь каких-то дополнительных пусть и в чем-то экстраординарных мер, а серьезнейших перемен, да не в этом самом строе жизни, который уже терпит банкротство, а за его пределами, не в дополнение к нему, а вместо него, то бишь перемен системных».

- «В России нет, как никогда не было и, надеюсь, не будет, никакой другой решающей и устроительной силы, кроме государства. Период разгосударствления в угоду частному феодально-капиталистического образца хозяйствованию завершился, теперь в ходу не что иное, как новое огосударствление, которое может пониматься по-разному и реально быть разным, но от него уже не уйти. Заметим, что ежели страна наша еще есть и даже конфронтирует с Западом, то это

заслуга не частной инициативы вовсе, а как раз государства, пусть в настоящее время во многом и прозападного псевдогосударства».

- «Мне довелось в начале 1999 г. в Горбачев-фонде на круглом столе заявить, что главной ошибкой поздней перестройки и последовавших за ней социохозяйственных реформ было как раз безудержное разгосударствление, что признал ведущий дискуссию М. Горбачев, а также он согласился с тем, что надо снова двинуть в сторону усиления социохозяйственной роли государства, что как раз и могло грамотно сделать правительство Е. Примакова».

- «В нулевые и последующие годы нужного усиления такой роли государства не произошло, за исключением вынужденного сохранения ведущей роли государства в оборонке, а также заметного влияния государства на такие сферы, как финансы, инфраструктура, транспорт, освоение Арктики, градостроительство, сельское хозяйство, ну и не забудем практику так называемых национальных проектов».

- «Однако сегодня потребен разносторонний, вполне системный, немало и директивный дирижизм практически по всему полю производственно-хозяйственной жизни, разумеется, новый — не тот, не советский, не отрицающий начисто частной инициативы, а с ней эффективно взаимодействующий. Что касается банковского сектора, то он должен в целом стать национальным».

Думаю, что после тезисов нам есть, что обсудить, причем не просто актуальное, а остро актуальное, и это крайне необходимо, заключил Ю.М. Осипов.

В докладе «Природа взаимосвязи хозяйства и государства как основа гармонизации развития» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) обозначил условия и возможности синтеза хозяйства и государства, отталкиваясь от природы этих форм и логики их взаимосвязи. Хозяйство здесь рассматривается как форма сбалансированной самоорганизации развивающегося солидарного общества, в основе которой лежит неразрывная управляемая взаимосвязь производства и потребления. Однако с возникновением и ростом разделения труда, прибавочного продукта и частной собственности закономерно возникает и формируется государство как институт господства имущего управляющего класса. Поэтому любое государство, включая общенародное, не может не быть классовым в той или иной

степени до тех пор, пока не преодолено в производительной силе общества общественное разделение труда.

Постольку поскольку стержнем хозяйства является развитая самоорганизация, в «чистом» виде самоорганизация гротескно в смысловом плане противостоит господству (государству) и основанном на нем власти и управлению, синтез этих форм возможен только в форме исторически переходных трансформаций.

«Возникает вопрос: а возможна ли пролонгация такого развитийного перехода?» С точки зрения докладчика, возможна, но лишь при наличии гибкой, просвещенной, адаптивной народной самоорганизации и ее неусыпного объемного контроля над управлением и государством. Основой же такой народной самоорганизации является самоорганизующийся социум, продуцирующий и воспроизводящий совокупного компетентного профессионала и управляемый им, так как «только профессионал является закономерным продуктом самовоспроизводящегося общества, становясь таким образом генетическим носителем, продуцентом и гарантом примата общественного солидарного и соборного начала, проистекающего из креатогенеза сложно сплетенной взаимосвязи производства и потребления, он задает этому процессу перспективу развития. Профессионал пропитан самоорганизацией, самоограничением и высшими целями познания и развития, поэтому он как креатор культуры в широком смысле не требует внешнего контроля (государства, права и прочих институтов)». Именно в этом и состоят смысл и логика исторического развития сдерживаемого противоречиями и хитросплетениями эволюции процесса разделения труда по поводу перспектив гармонизации общества, подытожил профессор Кашицын.

То, что доверие к руководству возникает только в устойчиво развивающемся обществе, — сомнений нет, заметил в своем докладе «Доверие и устойчивое развитие с точки зрения физических основ макроэкономики» к.т.н. **О.В. Доброчеев** (РНЦ «Курчатовский институт»). А вот вопрос устойчивости развития общественного хозяйства не имеет ясного определения, хотя подходы к нему имеют большую историю. На фундаментальном философском уровне этот вопрос был поставлен С. Булгаковым. Первые ответы на него появились довольно быстро, причем на языке естествознания, или математической философии хозяйства. Так, в 1926 г. Н. Кондратьев не только

открыл и описал волновую природу экономического развития, введя понятие длинных волн, но и сделал их первую математическую оценку в размере 45—60 лет. В том же году А. Чижевский определил фундаментальную природу одного из источников колебательной изменчивости экономической среды в виде солнечной активности — средней продолжительностью около 11,5 лет. Качественно новый уровень математического описания изменчивости хозяйственной среды внес А. Колмогоров в 1960-х гг., открыв так называемую «гидродинамическую аналогию» изменчивости финансовых потоков. Через 20 лет Пер Бак и Кан Чен, переформулировав его модель, построили теорию самоорганизованной критичности, действенность которой западные экономисты увидели в самопроизвольном распаде советской экономики в 1990-х гг.

Затем, начиная с 2000-х гг., сказал О.В. Доброчеев, журнал «Философия хозяйства» опубликовал серию его работ по социальной турбулентности и турбулентной экономике в соавторстве с к.э.н. А.Н. Клепачем (экономический факультет МГУ).

О чем может поведать эта модель в приложении к современной ситуации? По оценкам докладчика, мировая экономика оказалась в 2019—2020 гг. в точке абсолютной неустойчивости, поэтому последние два года наблюдается начало ее распада.

Один из ярких (но далеко не универсальных) примеров, как этот распад может происходить, демонстрируют США, оказавшиеся в подобной фазе своей длинной волны в 2001—2016 гг. Механизм распада у них оказался связан с серией внешних для США войн, поскольку они отводили максимальную угрозу от своей территории.

А как еще можно сохранять устойчивость в условиях распада мировой экономики ее составляющим частям? Согласно турбулентной модели, отдельные структуры распадающегося потока тоже устойчивы (хотя и гораздо в меньшей степени, чем большая волна). Только эта устойчивость зиждется уже не на высокой скорости поступательного движения социальной системы к вершине развития, а на ускоряющейся оборачиваемости всех процессов общественной жизни, предел которой, как показывает пример США, достигается в войне. Первую оценку максимальной скорости оборачиваемости хозяйства сделали (на примере космонавтики) Ю. Батурин и Б. Черток в работе «Космонавтика XXI века». Она оказалась равной 1/16 длины

глобальной волны, т. е. 8,75 лет. Если эту меру использовать для оценки оборачиваемости 60-летней экономики США, получим их четырехлетний президентский цикл! А для исторической России — с 80 годами — цикл 5 лет! Поэтому российская экономика в современных условиях нуждается в адаптации ее прежнего опыта пятилетнего планирования, сделал вывод О.В. Доброчеев.

Д.ф.н. **К.В. Молчанов** (экономический факультет МГУ) в своем докладе «Гносеологические проблемы обсуждений и исследований по теме “Государство и хозяйство: неразлучность и мера”» на примере акцентированных в анонсе симпозиума понятий государства и хозяйства затронул актуальную и очень важную тему проблем гносеологии современных исследований насущных вопросов социально-экономического развития в единстве их составляющих и аспектов. Дело в том, что многие понятия в науках исследуются достаточно глубоко в рамках своего объема. Однако их опосредствование, единство и даже просто сочетание не имеют в науках надлежащих пониманий, следовательно, основания и инструментов исследований. Докладчик привел известное рассуждение Гегеля о нравах и законах отдельного народа, когда одно понятие зависит от другого и их абстрагирование и разделение не могут привести к описанию и изучению их системы — имеющейся в жизни ситуации. Еще один пример, в котором акцентируется уже временной аспект, — это известный вопрос про яйцо и курицу. Такого рода ситуации (а именно из них и состоит реальная жизнь) не имеют основ и инструментов исследований в науках, которые, по словам Гегеля, могут оперировать лишь моментом логического — исследовать только феномен одного рода, да и то понимаемый непосредственно, без его опосредствования и отрицания, которые, к тому же, в науках субъективны, могут привноситься только извне и поэтому, по сути, случайны. Кроме того, в принципе решение указанной проблемы можно искать на основе гегелевской спекулятивной логики, но она сейчас в науках не используется. Развитие объекта можно (и нужно) исследовать через противоречие (которое, по словам Гегеля, есть корень всякого движения и жизненности), но оно в науках не применяется. Наконец, многие задачи можно было бы решать на основе противоречия по Платону, но, по словам докладчика, такую процедуру науки в принципе не исследовали за все время своего существования. В-

четвертых, многие актуальные и жизненные категории, например, такие, как «единство» и «опосредствование», в науках не определены (на что докладчик неоднократно указывал в своих докладах и статьях). Не определены корректно и многие предметные понятия, например, «экономика» и «хозяйство»...

В итоге докладчик сделал выводы о том, что, во-первых, в науках попросту нет инструментов, позволяющих решать многие актуальные динамичные — комплексные, многопозиционные — задачи исследования объектов и их развития, в том числе развития общественного хозяйства, неразрывно связанного с государственным управлением. Во-вторых, комплексные многоаспектные вопросы в их единстве и опосредствовании науки решить не могут, вследствие чего и бытуют малопродуктивные обсуждения лишь отдельных сторон насущных проблем. В-третьих, неэффективны практически все современные научные и околонучные обсуждения социально-экономических феноменов и процессов жизни общества и их аспектов (например, до сих пор не создана программа роста экономики России, поручение по поводу которой Президент РФ дал еще в 2016 г.!).

В этой связи необходимо создавать новую гносеологию и, соответственно, перестраивать и развивать систему обучения и подготовки специалистов, что в итоге обуславливает неизбежность создания российской новой экономической науки, на основе которой и нужно будет решать насущные задачи, заключил К.В. Молчанов.

Доклад д.э.н., профессора **В.В. Чекмарева** (г. Кострома) «Экономические законы и международное право на санкции в ракурсе философии хозяйства» явился концептом, дополняющим постановку проблемы, представленную Ю.М. Осиповым.

Трансформация экономической теории новыми социальными условиями, а фактически превращение экономики в сегмент хозяйства деформировали объективные — провозглашенные теорией — экономические законы. В результате возникла необходимость рождения и существования новых форм хозяйства. Ибо одно дело — строго последовательные «системные» модели экономики, а другое — социальная реальность, «чистотой» не отличающаяся. Новые формы хозяйства, по мнению докладчика, отличаются в первую очередь структурно, а также своей динамикой, логикой и субъектами экономической деятельности. В конечном счете меняется понимание

человека как общественно-коллективного объекта отношений. Возникает фальшизм (термин В.А. Кутырева). Его субъекты — пиетисты. Их отношения характеризуются как дрейфтрейсинговые (дрейфтрейсинг — управляемый занос в уличных автомобильных гонках). Фальшизм знаменует тренд эпохи отмены гуманитарного отношения человека к человеку и осмысления неразлучности и меры государства и хозяйства. Возникает проблема обоснования макроэкономических решений, проблема соотношения управления, регулирования и координации экономических процессов (кредитования, налоговой политики, бюджетного процесса, ценообразования, инвестирования и т. п.). Беспрецедентный дисбаланс, глубина и острота макроэкономической нестабильности российской экономики делают актуальным тезис Ю.М. Осипова о взбунтовавшейся реальности и усилении роли философии хозяйства в поисках путей выхода из ситуации, заметил профессор Чекмарев.

В своем выступлении к.э.н., доцент **Е.А. Починкова** (Новороссийский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета) «Национальное хозяйство как доминирующий масштаб хозяйственных решений» отметила, что привычный дискурс о глобализации, интеграции в международные цепочки стоимости, конкурентоспособности на мировом рынке канул в Лету. В условиях разворачивающегося экономического кризиса правительства сосредоточились на спасении своих национальных экономик. Одновременно с этим ряд стран реализуют проект разрушения хозяйства стран-конкурентов через физическое уничтожение критической инфраструктуры.

Для России процесс обособления национального хозяйства был ускорен санкциями со стороны Запада. Это вызвало переориентацию экономических решений на национальный уровень. Причем это наблюдается как на макроуровне, так и на уровне отдельных компаний. Происходящее в корне меняет стратегии, критерии принятия решений, горизонт планирования, механизм финансового обеспечения. В экономической теории, считает Е.А. Починкова, нас ждет построение новых моделей функционирования и национального, и мирового хозяйства.

На взгляд д.э.н., профессора **И.Р. Бугаяна** (Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ,

г. Ростов-на-Дону), хозяйство — это диалектическое единство двух противоположностей: экономики и общественного сектора, эффективность взаимодействия которых зависит от определенной меры их сочетания. Нарушение этой меры неизбежно ведет к социальным потрясениям, которые в России за сто последних лет наблюдались дважды. Первый раз — резкое увеличение общественного сектора (продналог), второй — экономического (преступная приватизация).

Вывод профессора Бугаяна: основная задача государства — определение и соблюдение названной меры!

В заключительном слове профессор **Ю.М. Осипов** высказал ряд тезисов подытоживающего характера.

- «Пора расставаться с иллюзиями относительно государства и его экзистенциальной роли: государство возникло с цивилизацией, оно является ее несущим остовом, никуда не делось и деться не может. Рассуждения об отмирании государства, если не наивная иллюзия, то явная глупость. Сила хоть и в правде, но и в государстве: государство — сила, да еще какая! Либо сильное государство, порядок и независимость, либо колониальная “тварь дрожащая”. Речь сейчас не о качестве того или иного государства, речь о самом феномене государства, который никакой мифологемой не отменить. Качество, характер, эффективность — другой вопрос, важный, но другой».

- «Наше российское государство, каким бы оно ни было по текущему образу, давно уже имперское (даже еще до Петра I, просто при Петре I оно стало официально именоваться империей), и сейчас оно имперское. Сохраним наше имперское государство, не стеснясь видеть в нем только защитника, оберегателя, прокуратора, инквизитора, но и самого мощного, масштабного, разнообразного и целостного, иной раз и чрезвычайного, социохозяйственного управителя!»

- «Да, нынешнее государство не во всем нас, в особенности ученых-гуманитариев, устраивает, а потому, выступая за сам феномен государства и его никак не отменяемую по чьему-то желанию многообразную социохозяйственную роль, а сейчас и за необходимость возвышения и усиления роли нашего государства в жизнеотправлении общества, народа, нации (как-никак, а специальная военная операция с мобилизацией, да и пореформенных “прорех” и “черных дыр” хватает, как и потребности освобождения от западно-про-западного наследия практически во всех сферах национальной

жизни), мы выступаем за, скажем откровенно, изменение характера государства, его целеполагания, его функционала, как раз такое изменение, которое позволит провести в стране необходимые на сей момент и на будущее преобразенческие перемены».

- «Благодушно (или даже вынужденно) консервируя нынешнюю государственность с нынешней цивилизационной насыщенностью российского бытия, власть предержащие совершают даже ошибку, а фактическое преступление против не только страны, и но и... самих же себя, мало того, вместо радикального, пусть и в меру жесткого и даже пока еще в чем-то компромиссного перестроения, страна получит уже не в меру жесткую и уже бескомпромиссную диктатуру, а все потому, что вовремя не нашли в себе решимости и силы перестроиться и перестроить: катастрофа ведь приходит сама, пусть и не без какого-то субъектно-субъективного поощрения, и приходит она туда, на то место и в то время, где и когда обнаруживаются сначала экзистенциальное разряжение, потом нарастающее напряжение, а за ним и внезапный взрыв. Надо ли это нам?!»

* * *

8 октября 2022 г. в рамках Всероссийского фестиваля науки в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась лекция научного сотрудника лаборатории философии хозяйства, к.ф.н. С.С. Мерзлякова на тему: «Культура и цифра: российский айтишник как драйвер социокультурной модернизации».

* * *

19 октября 2022 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы экономической и обществоведческой мысли» на тему: «Эпоха отмены и бремя гуманитарного безвременья», посвященный памяти В.А. Кутырева. На семинаре выступили доктор наук А.А. Аузан, Ю.М. Осипов (ведущий), А.В. Бузгалин, Ф.И. Гиренок, Г.Р. Наумова, С.С. Слепаков (г. Пятигорск), К.А. Хубиев, Н.Б. Шулевский, к.полит.н. С.А. Марков, президент Фонда экономических исследований М. Хазина М.Л. Хазин.

АНОНСЫ — 2022

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Суверенная Россия во взбунтовавшейся реальности: экономика, технология, культура».

Хозяйственно (экономически) суверенная и цивилизационно культурно самобытная Россия: мечты и реальность. Либо Россия во всех отношениях суверенная и самобытная страна, еще и по устройству своему имперская, либо никакой России! «Псевдороссийский симулякр» — в действии! Самое главное, ответственное и тяжкое состоит в том, что России таки придется существенно и полномасштабно измениться — перейти от неполноценного пореформенного образа к полноценному постреформенному! Оставшемуся в России органично российскому интеллекту (не искусственному, боже упаси!) ничего не остается как твердить и твердить об этом пренеприятнейшем для многих российских-де интеллектуалов моменте — почти с ленинской страстью! Соберемся, поговорим, может, наконец, и чего-нибудь добьемся!

7—9 декабря 2022

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Институт бизнеса и делового администрирования, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел экономических исследований, Институт Европы РАН, Москва, Россия (*iokhinan@mail.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Южно-Российский институт-филиал, РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия (*alucardtepush317@gmail.com*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*profvmk@mail.ru*).

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebv@gmail.com*).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (*1tm@mail.ru*).

ОРЛОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

аспирант, Московский финансово-юридический университет; генеральный директор, ООО «Русздравснаб», Москва, Россия (*orlovhealthcare@gmail.com*).

МАНАХОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*manakhovaiv@mail.ru*).

САВЧУК МАРИЯ РОМАНОВНА,

магистрант, факультет истории искусств, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*savchuk-mariya@mail.ru*).

ТЕНЯКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*itenyakov@mail.ru*).

ЗАЗДРАВНЫХ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*itenyakov@mail.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра истории, методологии и философии науки, факультет социальных наук, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

ТАРАСОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

СОЛОЖЕНКИН БОРИС СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия (*gerzhogzdes@mail.ru*).

ЛЕБЕДЕВА ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА,

кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shonohova@rambler.ru*).

ЛИТВИНЦЕВ ДЕНИС БОРИСОВИЧ,

кандидат социологических наук, ассистент, кафедра социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия (*denlitv@inbox.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfsu.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, руководитель, Костромское региональное отделение Петровской академии наук и искусств при Администрации Костромской области, Кострома, Россия (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Кострома, Россия (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

SHEVCHENKO IGOR GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Institute of Business and Business Administration, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

IOKHIN VIKTOR YAKOVLEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Department of Economic Research, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*iokhinan@mail.ru*).

BUGAYAN ILYA RABINOVICH,

Doctor of Economics, Professor, South Russian Institute-Branch, RANEPa under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia (*alucardtepes317@gmail.com*).

KULKOV VICTOR MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*profvmk@mail.ru*).

BIRYUKOV VITALY VASILIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economy and Personnel Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*science-bvv@gmail.com*).

PAVLOV MIKHAIL YURIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*1tm@mail.ru*).

ORLOV ALEXANDER VLADIMIROVICH,

Postgraduate Student, Moscow Finance and Law University; General Manager, LLC «Ruszdrazvnab», Moscow, Russia (*orlovhealthcare@gmail.com*).

MANAKHOVA IRINA VIKTOROVNA,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*manakhovaiv@mail.ru*).

SAVCHUK MARIA ROMANOVNA,

Master Student, Faculty of History of Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*savchuk-mariya@mail.ru*).

TENYAKOV IVAN MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*itenyakov@mail.ru*).

ZAEDRAVNYKH ALEXEY VITALIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*itenyakov@mail.ru*).

KUTYRYOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of History, Methodology and Philosophy of Science, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia (*kut.va@mail.ru*).

TARASOV ALEKSEY ANATOLYEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social and Humanity Sciences, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

FATENKOV ALEKSEY NIKOLAYEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lobachevsky State University; Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Chair of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

SOLOZHENKIN BORIS SERGEEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Sechenov University, Moscow, Russia (*gerzhogzdes@mail.ru*).

LEBEDEVA TAMARA VASILIEVNA,

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Research Scientist, Department of Demography, Graduate School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shonohova@rambler.ru*).

LITVINTSEV DENIS BORISOVICH,

Candidate of Sociological Sciences, Assistant, Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (*denlitv@inbox.ru*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfedu.ru*).

CHEKMAREV VASILY VLADIMIRIVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head, Kostroma Regional Department, Petrovsky Academy of Sciences and Arts under the Administration of the Kostroma Region, Kostroma, Russia (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

CHEKMAREV VLADIMIR VASILIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.